

Наталия Романова

МЕДВЕДЬИЦЫ
ячмюкш

Три Д пленка, бесконечно крутившаяся в мозгах Андрея начинает работать на ускоренной скорости: Лиза, веснушка, её картины, грудки с горошинами сосков, кружево, пастель на его теле, её тело на его теле, «думала не заметишь», «довольна», мишки в ушах, голубые джинсы, яблоки, яблоки, яблоки... Какого...!

Андрей — парень не тонкой душевной организации. Порой думает и говорит нецензурно, с трудами Гегеля не знаком, зато может построить идеальный дом.

Лиза — просто... школьница.

Медовые яблоки

Андрей шел, пошатываясь, матерясь про себя, потирая лицо в надежде как-то привести в сознание свое «состояние нестояния». Впрочем, абсолютно безрезультатно. После долгого рабочего дня и количества пива, коим можно было отправить в нокаут дюжину здоровых парней, удивительно уже то, что он стоял на ногах и направлялся домой, а не уснул где-нибудь на траве. Погода была жаркой, вряд ли ночевка под кустом сказалась бы на здоровье Андрея, а вот материнские причитания поутру и злобный взгляд отца сказались бы на головной боли, которая и без того была гарантирована.

Андрей слыл «непутевым». Нет, он работал. Отучился. Он был вежлив с родителями, занимался с племянниками, не грубил соседям, помогал по дому. Но ему было скучно. Ему было скучно, черт побери. И вздохи матери о судьбе младшенького никак не добавляли веселья.

«Когда ты уже успокоишься?»

«Жениться тебе надо.»

«Сколько можно?! Ну, сколько можно-то?»

Пару раз Андрей уже был близок к этому злосчастному «жениться», да только кандидаток не было. Нет, девушек было много. Разных. Красивых и не очень. Умных и так себе. Беда в том, что никого из них он не видел в светлом образе младшей невестки своей матери. И уж тем более своей жены. Да что там, он понятия не имел, какой должен быть образ у этой чудо-женщины, которой суждено было бы стать его женой.

Андрей был младшим сыном. Его отец занимался строительным бизнесом, они строили частные дома, коттеджи, таунхаусы — все, что пользовалось спросом. Два его старших брата работали с отцом, Андрей присоединился к ним сразу после школы, попутно учась в строительном, на вечернем. Он даже успел отслужить в армии, всего ничего, да и находился он дома дольше, чем в части, но груз ответственности перед государством был снят, так что на данный момент Андрей был свободен от всех обязательств, кроме работы. Работал он, что говорится, «в полях», решая текущие проблемы строительства на местах, с рабочими, поставками, транспортом.

В целом, матери Андрея было грех жаловаться, о чем и говорили ей соседки. Неплохой парень, помогает по дому, уважительный, работает до темна, что еще надо? Ну, колобродит порой — это возраст такой, пройдет. Женится — остепенится.

А вот жениться он и не собирался, на горе матери с отцом.

Нет, женщин Андрей любил. Даже слишком. Разных женщин. Преимущественно старше, лучше с ребенком или замужних. У таких меньше претензий, больше понимания, огонька и задора. И не в своём городке. В своём городе Андрей старался не заводить никаких отношений — слишком много последствий, претензий, разборок. Его устраивало, когда развлеклись и в стороны. Он был щедрым, веселым парнем, просто не любил сложности со слабым полом.

И, конечно, он был обаятельным. Именно такую характеристику давали в первую очередь Андрею. Еще в школе, будучи едва ли не младшеклассником, он обаял весь женский коллектив школы, начиная с первоклашек, заканчивая строгой шестидесятилетней директрисой школы.

Высокий, широкоплечий, с открытой улыбкой, смотрящий прямо в глаза собеседника, умеющий очаровывать женщин и вызывать уважение у мужчин, он, бесспорно, был обаятельным.

Да только всё его обаяние не помогало ему, когда поутру он спускался со своего второго этажа, натыкаясь на ругань матери, а то и слезы: «Жениться тебе надо!».

Оно и вправду, что еще было делать в этом захолустье, кроме как жениться в двадцать лет, настряпать пяток детишек и ругаться с женой по средам и пятницам. А Андрею было уже двадцать четыре года, четыре из которых он вечерами напивался или играл в сетевые игры — это когда находился в своем городке, а когда уезжал по делам отца или по своим, то у женщин, которые, по мнению матери, совсем не годились в жены. Самому же Андрею было плевать на что они годились, потому что в одном деле им точно можно было поставить знак качества, другое же его не интересовало.

Одним словом, этот июньский вечер ничем не отличался от предыдущих вечеров, которые Андрей проводил дома. Пойдя вечером прогуляться, он завернул в бар, где и выпил пива. Потом еще выпил. Потом еще. И сейчас шел домой, верней пытался идти.

На самом деле, всё это уже изрядно достало и самого Андрей. И бар, и пиво одно и то же. И лица. И то, что в шесть утра вставать. И даже материнские причитания. Но ему было скучно. Смертельно.

На ярко освещенной улице, не доходя одного перекрестка до своего дома, он встретил стайку девчонок, которые, как малюсенькие птички, жались друг к другу, вереща громко и задорно. Одна из которых — двоюродная сестра Анька, парочка её малолетних подружек и еще какие-то девочки, которых он не знал, да и знать не хотел. Ане было шестнадцать лет, так что её наперсницы не представляли никакого стратегического интереса, к тому же в своем родном городе. Но поболтать он был не против. В конце концов, ему было скучно, асфальт, убегал из-под ног, идти домой не хотелось.

Подойдя к девчушкам, Андрей улыбнулся и попытался включить всё своё обаяние, насколько он вообще мог его включить и одновременно стоять на ногах.

Он что-то говорил Ане, её толстенькой подружке, еще одной девочке. Они были забавные, смешные, прыскали смехом в ладошки, говорили какие-то глупости с претензией на всезнание и даже флиртовали. Это было смешно.

Андрей смеялся. Пока вдруг не увидел глаза. Глаза смотрели серьезно, долго Андрей не мог понять, что не так в этих глазах. Темно-серые глаза, с прожилками карего у зрачка, постепенно перетекали в ярко синий цвет. Он какое-то время пристально рассматривал все нюансы глаз, смотревших на него, похоже, даже слишком долго, потому что попросту шлепнулся на пятую точку, все еще смотря в глаза. В этот момент, видимо от удара, Андрея посетило озарение, и он понял, что же в серо-синих глазах с карими прожилками было не так — они были не накрашены, абсолютно.

— Твои глаза не накрашены?

— Что-о-о?

— Прикольно.

— Спасибо, наверное.

Андрей попытался встать, но не тут-то было. Похоже, с пивом все же надо завязывать, а то и вправду жениться уже, вон хоть на толстой подружке Аньки. Он покачался еще какое-то время, потом схватился за первое, что попало под руку, и предпринял еще одну попытку встать. Получилось не очень. «Что-то» под рукой на ощупь было теплое, немного двигалось,

а с обратной стороны, под ладонью, побежали мурашки. Андрей провел пальцами по теплой коже, мурашки стали больше, почти огромные. Он погладил большим пальцем вверх и вниз, мурашек стало больше в количестве, и «что-то» нервно дернулось. Появилось желание протянуть и вторую руку тоже, но пока он прикидывал, как это лучше сделать, чья-то рука дернула Андрея вверх, тем самым лишив его мурашек под пальцами и вызвав недовольное ворчание. Впрочем, стремительный полет ввысь не прошел даром, по пути Андрей осознал, что «что-то» — это девичья коленка. Причем принадлежит она серо-синим глазам с ресницами без косметики. Больше никак идентифицировать коленку не удалось, да он и не смог бы этого сделать, потому что, взяв курс на дом, практически без единой мысли, Андрей добрал до кровати на втором этаже и там забылся крепким сном.

Была суббота. Блаженный выходной. Всю неделю Андрей вставал в шесть утра и возвращался домой затемно, эту неделю он даже не ходил в бар, не ездил к Зойке и, в целом, представлял собой образец сыновей любви и почитания. Находясь где-то на грани сна и яви, отмечая про себя звуки большого дома, доносившиеся из-за двери его спальни на втором этаже, Андрей прикидывал, не поспать ли еще или уже стоит вставать. Приняв решение поспать, практически уже засыпая, он рукой натывается на что-то. «Что-то» теплое нервно двигается, Андрея пронзают воспоминания, смутные, но пронизанные отчетливым цветом синих глаз с карими прожилками. Рукой он хватается «что-то», тянет к себе, играя пальцами с внутренней стороны. В это мгновение он слышит шипение, в ужасе открывает глаза и чувствует удар когтей и искры в глазах.

Кошка! Черт побери, какого, спрашивается, эта уродская кошка делает спальне?

Жена старшего брата завела себе ультрамодную лысую кошку, которая быстро надоела, её отправили к матери, и теперь она портила ковры матери и нервы Андрею, когда пробиралась к нему в постель.

Надо запретить лысых кошек и маленьких собак. Тьфу!

Однако остался вопрос, приснились ли синие глаза Андрею, или это было воспоминание.

И о чем? И зачем об этом думать?! И надо заканчивать пить.

Спускаясь, Андрей встречается с матерью, которая, как обычно, находится на кухне. Удивительная женщина — Мария Степановна, она всегда готовит, вне зависимости от количества проживающих в доме, она всегда на кухне, всегда готовит. Сейчас выходные, а значит, у них толкаются все пять внуков. Вечером наверняка придут старшие братья с женами, а то и друзьями, вполне вероятно придут приятели отца, так что дел по горло, а никто не отменяет обычных дел, таких, как бесконечное консервирование. Когда Мария Степановна не готовила, она «крутила» банки. Триста банок помидор — это был далеко не предел, были еще огурцы, салаты, варенье... Каждый день пространство кухни заполняли банки с консервацией, и каждый вечер кто-то из мужчин спускал их в подвал, расставляя аккуратными рядами в определенном порядке, и упаси боже было нарушить этот порядок...

Мама молча предлагает завтрак Андрею, молча смотрит, как он ест, и наконец произносит коронное:

— И когда же это закончится?

— Что, мам?

— Это!

— Да что? Что? Я всю неделю дома! Что еще надо?

— Когда ты женишься уже? А? Тебе уже...

— Все, я понял. Понял. Обещаю, как только, так сразу, ты первая узнаешь. Спасибо, мам, очень вкусно, как всегда, — вставая, целует в щеку и отправляется на встречу к племянникам.

Кто Андрея всегда радует — это племянники, погодки от трех лет до семи. Шумные, игривые, не плаксивые, даже девчушки — двойняшки Даша и Маша четырех лет редко плачут, но зато с превеликим удовольствием пользуются своим правом девочек на внеочередную «лошадку», которую изображает Андрей, по очереди катая малышей на закорках.

В выходной всегда много дел, большой частный дом всегда подразумевает какие-то доделки, а уж со строителями в доме и с неуёмной энергией Марии Степановны дела обеспечиваются раньше, чем приходят выходные, но дети в семье — это самое главное. Все дела откладываются, главное занять, накормить, развеселить племянников, внуков. Дела могут сделаться и потом, когда приедут братья, все дружно сделают. Потом, возможно, поедут в дом старшего — он пристраивает большую веранду, или к среднему — у них полным ходом закрывают двор по новой технологии, заодно и опробуют её, если удобно, применят при строительстве новых домов.

Однако же кое-что не может подождать: надо перетащить банки в подвал, вчера никто так и не занялся этим, иначе не останется места на кухне, и малышня непременно разобьет парочку, да бог бы с ними банками, страшно, что порежутся, такой-то компанией. Отведя детей во двор, сдав их на попечение деда, тщательно закрыв дверь, убедившись, что её невозможно открыть малышам с обратной стороны, Андрей в определенном порядке, под руководством матери расставляет банки, вздыхая про себя, но и восхищаясь одновременно этой женщиной.

Похоже, вся тщательная подготовка летит в тартарары, когда Андрей слышит Анькино, двоюродной сестры:

— Теть Маш?

— Привет Ань, что тебе, деточка?

— Да меня мамка отослала, я там принесла, на крыльце оставила, семена.

— Вот и молодец... Погодь немного или помощи... Запыхалась я малеха, девочка вон твоя пусть спустится вниз к Андрею, а мы тут с тобой.

Андрей внимательно прислушивается, прокручивая в уме воспоминания о мурашках, лысых кошках и синих глазах с карими прожилками, молясь про себя, чтобы или девочка была не та, или ему все приснилось, или глаза принадлежали страшенькой толстенной подружке Аньки, он никогда не смотрел, какие у неё глаза.

И зачем об этом думать? Ему надо в соседний город... Глаза, при чем тут глаза... Глаза с его проблемой определенно не имеют ничего общего.

Через мгновение надежды на толстенную подружку не оправдываются. Прямо на Андрея спиной — верней пятой точкой, спускается девушка, и, определенно, у неё весьма аппетитная попка и стройный ноги, которые двигаются не слишком уверенно на лестнице, заставляя подол платья колыхаться, то обхватывая ноги выше колен, то открывая более чем соблазнительный вид снизу на ноги, попу и трусики... верней то, что можно было бы назвать трусиками — это нечто из кружев и парочки лент с бантиками на бедренных косточках.

Какое-то время Андрей и глаза смотрели друг на друга, изучая и вспоминая. Верней было бы сказать, что глаза изучали, а Андрей вспоминал, пытался вспомнить.

Первыми заговорили глаза.

— Лиза, — девочка протянула руку.

В недоумении Андрей смотрел на руку, прикидывая, что делать.

Пожать? Поцеловать? Перебрать пальцы, подув на каждый пальчик..? Стоп!

— Андрей, — протягивает руку, несильно сжимая в своей ладони маленькую ладошку.

Через десяток-другой аккуратно расставленных банок, слыша материнское «Все, сынок»,

Андрей решает уточнить в конце концов, этим ли глазам он пытался сделать комплимент неделю с лишним тому назад, а заодно, для себя, решить, не зря ли ему вспоминалась чья-то коленка. Потому что, если это коленка Лизина, то определенно не зря.

— Эм, я извиняюсь за... эм... я тебя не обидел тогда?

— Когда тогда? — синие глаза смотрят насмешливо, чуть прищурившись, наклонив голову вбок.

— Когда схватился за тебя, я был... ты сама видела, какой я был, — произносит Андрей, надеясь, что это все же та девушка, иначе он будет выглядеть еще большим идиотом.

Впрочем, какое ему дело, как он выглядит в глазах какой-то девочки?

Ладно! Симпатичной девочки, согласен, но какая ему разница? Много симпатичных девочек и куда лучше, когда они уже не девочки вовсе, а женщины... с формами, знаниями и умениями... так... надо в соседний город. К Зойке! Срочно!

— А... нет, ничего страшного, ты сделал так, — на этих словах Лиза резко садится перед Андреем, слегка раздвинув коленки, её лицо находится практически напротив шорт, она смотрит снизу вверх, еще слегка опустившись и разведя колени, облизывает губы. — Так, — Лиза протягивает руку к коленке Андрея, проводит пальчиками с обратной стороны, слегка царапает ногтями, — и, определенно, так, — проводит большим пальцем по коленной чашечке.

Все это время Андрей, как замороженный, смотрит на разведенные колени, на влажные губы и на грудь, которая, ох как видна с такого ракурса, потому что Лиза немного прогнулась вперед, когда пробегала пальцами по икре до лодыжки Андрея.

В момент, когда Андрей уже прикидывал в уме, насколько ужасным будет прижать тут Лизу, и выдержит ли стеллаж их обоих... или стоя тоже вполне вариант, Лиза быстро встает, направляется к лестнице и с завидным проворством выбирается из подвала.

За ней, спустя какое-то время, поднимается Андрей, прокручивая в уме варианты подката к Лизе и последствия этого подката. Впрочем, даже не столько сами последствия, сколько где и когда. Но ни Ани, ни Лизы уже нет. Он интересуется у матери, кто эта девушка, узнает, что это внучка Егоровой — приехала навестить, и на том успокаивается. Никуда эта внучка Лиза не денется, подождет, дел много..., хотя дела не делаются, мысли путаются по вполне определенной причине. Так или иначе, день подошел к концу, и измочаленный Андрей засыпает рано, чувствуя себя на редкость разбитым. Снятся ему разведенные колени, влажные губы и трусики из кружева с бантиками на бедренных косточках.

В воскресенье тоже находятся дела, которые не терпят отлагательств, и снова Андрею снятся трусики, коленки и синие глаза. Под утро он решает, что возможно онанизм не такая и плохая идея, потому что ситуация становится чертовски неудобной, а впереди еще рабочий день.

Целое утро, до самого солнцепека, Андрей пробыл на объектах, чертовски уставший,

голодный и не выспавшийся, черт бы побрал эту Егорову Лизу, её колени, трусики и глаза! Андрей решил, что искупаться в местном озере было бы неплохо. Озерцо было маленькое — старый песчаные карьер, но чистое, с ивами по берегам, мягкой сочной травой, что было редкостью при жарком лете, как правило, трава уже в июне была пожухлой, а земля напоминала, скорей, засохшую кору дерева.

Там он и встретил Аню, свою сестру, а вместе с ней Лизу, которая была одета в обычный красный купальник, сидела на одеяле, в ушах у неё были наушники, а рядом лежала книга на английском. Глаза были закрыты, Лиза покачивалась в такт музыки, звучащей у неё в ушах, пальцы на ногах забавно дергались, а нос морщился.

Андрей решил, что лучшего времени не найти, как бы между делом, он определенно сейчас склеит эту Егорову, а уж потом решит где. В машине, в поле или даже у себя дома — без разницы.

— Привет, Лизок.

— Я Лиза, привет.

— Лиза. Хорошо, пусть будет Лиза, всё, как ты хочешь, — и недвусмысленно улыбнулся.

Лиза окатила его взглядом, достойным оваций «идиот года», но Андрея это не остановило, в конце концов, все строят из себя что-то. И все потом верещат и просят еще. Он пододвинулся ближе, будто случайно поправил волосы Лизы, заправив их за ушко, подул аккуратно на прядь, пробежав в то же время по спине пальцами. Лиза внимательно наблюдала за Андреем, никак не приветствуя его действия, но и не отталкивая.

— И что ты тут делаешь? — спросила, улыбаясь.

— У меня перерыв на обед, — так же улыбаясь, ответил Андрей.

— Оу... Хочешь есть?

— Что? — рука в это время очень аккуратно выводила круги на животе девушки. — Хочу, но не есть...

— Я спрашиваю, будешь есть, у меня тут много, — отодвигаясь в сторону, отводя глаза, будто в смущении, протягивая ему пакет с бутербродами, сыром и водой.

Андрей решил взять тайм-аут.

Отлично, зубы, значит, заговариваем, хорошо.

— Давай. А ты?

— Я не хочу. Знаешь, — шепотом, — здесь всё время едят, я не могу столько есть.

— Да ладно? Всё время? — Становится смешно от доверчивого шепота и удивленных глаз.

— Всё время! Завтракают и сразу обед. Потом снова едят. И снова. Потом перекусывают и ужинают...

— А ты не завтракаешь, выходит?

Хорошо, поговорим о еде, голод... голод... голод...

— Нет, мне утром не хочется есть...

— И не обедаешь?

— Обедаю я после шестого урока обычно, — вздыхая отчего-то.

Глаза Андрея лезут на лоб. Прилагая максимум усилий, чтобы не подавиться, он внимательней смотрит на девушку рядом с ним.

Продолжая говорить, Лиза рассказывает, что обедает она после шестого урока в школе, а после седьмого или восьмого, если есть факультатив, в зависимости от дня недели, она

едет на подготовительные курсы в институт или в разговорный английский клуб. Потом она только ужинает дома или в кафе... Раньше школьный рюкзак забирала мама, и было легче, а теперь иногда папин водитель успевает забрать, а иногда нет, и тогда ей приходится ехать через половину города со школьным рюкзаком и с дополнительным. Но Лизе просто необходимо поступить именно в этот институт и именно на бюджет, хотя папа может оплатить учебу, но это для Лизы очень важно...

Андрей слушал Лизу и внимательно смотрел на неё. Обыкновенная. Она сама обыкновенная. Коротенькая стрижка, русые волосы едва прикрывают маленькие ушки с длинными сережками в виде цепочек, аккуратный носик, пухлые губки, глаза вот красивые — это да. Она похожа на куколку, куколку с веснушками, потому что сейчас Андрей отчетливо рассмотрел на носу россыпь веснушек, веснушки были раскиданы по плечам и немного по спине и груди. Самая последняя веснушка нашла свое пристанище в углублении между маленьких грудок. Маленькие ладошки порой нервно подергивали лямки купальника, а розовые пяточки покачивались, когда Лиза переворачивалась на живот и поднимала вверх ноги, продолжая рассказывать, как она училась в художественной школе, как ей нравится рисовать, но она решила стать архитектором и уже год ходит на курсы подготовки и так же продолжает учиться в художественной студии.

Через какое-то время Андрею нужно возвращаться на объект, он благодарит Лизу, машет Ане, которая всё это время болтает с местными пацанами, и идет в машину.

Школьница! Мать моя! Школьница! Поздравляю, идиот, кретин, ты чуть не склеил школьницу! Куда ты смотрел? Ясно куда, ясно... Все, мне надо в соседний город. К Зойке!

В жопу Зойку! Школьница...школьница...Зойка...Зойка...Зойка...В жопу Зойку! Зойк в жопу... Не ново, но бодрит.

На этой оптимистичной для себя ноте, Андрей решает, что со школьницами покончено и отправляется на объект.

Автора можно и нужно ругать, у автора двоякое отношение к этому...эм... тексту, требуется правка. Указавшему на вопиющие ошибки моя признательность.

Глава 2

Поставив Зойку во вторую по популярности позицию, Андрей методично, с одним ритмом, как метроном, входил в мягкое и податливое тело. Это был уже черте какой заход, но он не чувствовал удовлетворения, впрочем, как и желания кончить тоже. Он входил и выходил, держа руками зад, поглаживая по спине, порой тянул за волосы, отчего спина выгибалась, меняя угол погружения. Глаза пробежались по кровати, наткнулись на анальный лубрикант.

Чего без дела лежит, спрашивается?

Андрей тут же схватил его, не жалея, нанес на палец, подумав, нанес еще на один...

Большим пальцем руки стал размазывать по нужному ему отверстию.

Ну же... давай деточка, расслабься... тебе нравится, я знаю.

Как в подтверждение мыслей, послышались звуки, отдаленно напоминающие мурчание вперемешку со вздохами.

— Да? — Ясено «да», но спросить-то я должен.

— Угу...

Отлично. Один палец входит на всю длину, Зойка выгибает спину, двигается, насаживается...

Я ж говорю — нра-ви-т-ся. Ай, ты моя хорошая. Давай.

В то время, как второй палец отправляется за первым, Зойка переходит от громких стонов к всхлипываниям, вторая рука Андрея перебирается прямым к клитору, отчего Зойка протяжно скулит. Пробежавшись пару раз по складочкам, обалдев в который раз от влажности, которая возникает при таких играх, Андрей останавливается.

Еще чуть-чуть и пальцы входят уже спокойно. Пристраивая член, направляя под нужным углом, давя, настаивая на своем, в то время, как рука кружит около клитора, Зойка расслабляется окончательно и пускает его на всю длину.

Чертовский Черт — Да!

Анальный секс с Зойкой похож на спринтерский забег с обязательным одновременным финишем. Если не стимулировать клитор, Зойка не расслабится нужным образом, а причинять какой-либо дискомфорт Андрею не хотелось. Все должно быть в кайф. Если перестараться со стимуляцией — кончит сразу, сжавшись полностью, упадет и будет долго приходить в себя, потом она, конечно, даст закончить начатое, но кайф уже не тот.

Если кончить раньше Зойки, придется доводить её до конца ртом, что, в общем-то, можно, но не тогда, когда ты только кончил и хочется растянуться на одеяле в блаженстве и усталости даже.

Только вместе, а для этого нужно кружить рядом с клитором, слева, порой заходя в мякоть тела, собирая пальцами влагу.

Да. Черт. Дааааа... Меня кроет... Так быстро? Хрен с ним... Ну, деточка, давай, пойдём со мной, так... так...

Зоя перешла на откровенный крик, её задница сама насаживалась на член, крутилась, рука сжимала подушку, о которую терлась полная грудь.

Крепче прижав к себе Зойку, зафиксировав её, серией быстрых ритмичных ударов отправляет Зойку за край, сам направляясь туда же буквально через мгновение. Попка Зойки

падает на одеяло, Андрей удерживает её.

Куда, моя хорошая, давай аккуратненько... нам не нужно, чтобы было больно, нам еще пригодится твоя попка.

Опускаясь ровно с ней, аккуратно выходит, поглаживает по спине, целует шею.

— Спасибо, — шепчет на ухо. — Спасибо, Зой, ты чудо, давай отдохни немного.

Сам заваливаясь на подушки, растягиваясь во весь рост, улыбается в потолок, облизывает засохшие губы. Хочется пить, но вставать лень. Позже.

На какое-то время впадает в дрему, позже Андрей просыпается, решив, что пить хочется очень сильно, встает с кровати, шлепая босыми ногами, отправляется на кухню, по пути выбрасывая презерватив.

— Что тебе принести?

Зойка открывает один глаз с растекшейся тушью и распухшими от жарких поцелуев губами шепчет:

— Вино, там осталось...

Вино так вино. Выпив предварительно сам, Андрей налил Зойке в чистый фужер и отнес, поставив рядом с кроватью.

— Я в душ схожу, Зой, ты поспи пока.

В душе Андрей натывается на чью-то бритву, явно мужскую, бальзам после бритья и гель для душа, явно не Зойкин. Зойка пользуется другим, с запахом экзотических фруктов. Хмыкнув себе по нос, Андрей моется Зойкиным гелем, запах стойкий, но лучше экзотические фрукты, чем чей-то «палмолив» для мужчин. С особой тщательностью Андрей отмывает руки, верней пальцы, и, пренебрегая полотенцем, заходит в спальную к Зое.

Слишком жарко, несмотря на открытые окна. Андрей выключал сплит систему, когда собирался хорошо отжарить Зойку. Неизвестно по какой причине, но Зойка простужалась, если трахалась с включенным кондиционером.

Укрыв её простыней, он все же включает систему, холодный воздух несется прямо на кровать, обдувая разгоряченные тела. Подумав, он заворачивает Зойку тщательней и тянет на себя, похоже, что она спит...

Ну и прекрасно, тоже посплю.

Через время проснувшись, Андрей решил, что пора домой. Он вполне мог остаться и у Зойки, как это бывало уже не один раз, но отчего-то захотелось домой, верней было бы сказать — не хотелось оставаться в Зойкиной кровати, где вчера еще валялся какой-то мужик. Отогнав от себя эту мысль, Андрей тихо собирался домой, он знал, что Зоя не обидится, что он молча ушел... Но, подумав, вспомнив кое что, все же разбудил её.

— Зоя, — проводя по руке, трогая грудь.

Да, сиськи зачетные... упругие, полные, ух, укусить что ли...

— Зой...

— Уууууу?

— Зоя, я пойду, это тебе, — протягивая стандартную коробочку, без изысков, первую, которую предложили в ювелирном. Зойка подпрыгивает, раскрывая футлярчик, разглядывая тонкую цепочку с причудливым кулоном. Андрей всегда был щедрым парнем, а Зойка была офигительной, экзотической женщиной, как её гель для душа, так что на такую не жалко порой потратиться.

— Спааасииибо, Андрюша, — расплываясь в улыбке, быстро застегивая цепочку, целуя Андрея в губы. Отвечая на поцелуй, Андрей, было, задумался, а не остаться ли еще на один

заход, но, подумав, решил, что лучше поедет домой.

— Куда ты поедешь? Ты выпил, прав лишат.

— На такси доеду, утром за машину заберу.

— Делать тебе нечего.

— Все, я пошел, — целуя настолько нежно, насколько возможно.

Выйдя на улицу, вызвав такси, Андрей сидел на лавочке возле подъезда и думал. Думал обо всем и ни о чем. О том, что завтра в шесть надо быть на объекте, отвозя рабочих, о том, что спать ему осталось, в самом лучшем случае, четыре часа. Думал об экзотической Зойке и мужском «палмоливе» в маленькой ванной комнате Зойки.

Зойке было тридцать лет, три года назад она развелась, бросив своего непутевого мужа, и с тех пор пыталась наладить свою личную жизнь. Не за счет Андрея, тут все было ясно без объяснений. Успешный, по их меркам, парень, моложе её на шесть лет, никак не подходил Зойке в спутники жизни, верней, Зойка не подходила ему, она это знала и никогда не предъявляла претензий, не задавала вопросов, но и отказываться от визитов Андрея не считала нужным. «Сколько есть — все мои», — смеялась Зойка.

Андрей понимал, что под бравадой и веселостью Зойки кроется обида от одиночества, и всегда был предупредителен с ней. В конце концов, перебрав достаточно женщин, он понимал, что секс с Зойкой — это абсолютнейший улет. Она отдавалась вся, без остатка, будто в последний раз, крича, насаживаясь, потея, выделявая невероятные фертеля, она уносила мозги Андрея в небытие, когда он был с ней в постели. Андрей не мог предложить ей ничего, кроме ночных визитов и подарков, чаще — ювелирных безделушек, купленных на скорую руку, так что он старался не замечать «палмолив» в душе, зажигалку, пепельницу на кухне. Полноватой Зойке, с бугорками целлюлита на бёдрах и увесистой грудью, было непросто устроить своё женское счастье, а кто он такой, чтобы предъявлять претензии или устраивать сцены.

Зато секс офигенный, а уж сиськи.

Увесистая, даже мясистая грудь доставляла Андрею столько блаженных минут, что можно закрыть глаза на частности.

Но основная часть мозга Андрея была направлена в одну сторону, причем было это круглые сутки, даже во сне и даже с Зойкой.

Андрей думал о Лизе. За незначительное время, что они знакомы, казалось, она пробралась ему под кожу и щекочет там маленькими пальчиками, дергая за оголенные нервы.

Они выработали свой график встреч, которые сначала были случайными, что не удивительно, живя не только в маленького городке, в частном секторе, но и в одном квартале, просто на разных улицах.

Конечно, слу-чай-ны-ми. Аха, проезжать мимо дома Егоровой по шесть раз в день и мчаться на озеро после работы — это реально чистая случайность.

Заехав на следующий день на озеро, пообещав себе, что все-со-школьницами-покончено, Андрей был даже разочарован, что Лизы не оказалось на месте, и он заехал после работы.

Чисто случайно, чо уж там.

И, к своему удивлению, нашел Лизу не на берегу удобного, песчаного захода в воду, а поодаль, за высокой травой и кустами, под огромной ивой. Лиза сидела на раскладном стульчике и быстро рисовала, держа в одной руке блокнот, а в другой карандаш. В длинном

белом льняном платье и в шляпе она сама напоминала картину, примерно так изображали женщин начала двадцатого века. Только Лиза была вовсе не женщиной, она была школьницей. Повторив себе это парочку раз, как мантру, Андрей подошел к Лизе и, заглянув через плечо на рисунок, от неожиданности присвистнул. Она отлично рисовала. Очень красиво.

Андрей мало что понимал в живописи, но готов был поклясться, что маленькая девушка перед ним была талантлива. Удивительным образом она находила красивые ракурсы в обыденных вещах, выделяя, штрихуя, растирая пальчиками пастель по бумаге. Она сочетала разные техники, выделяла главное, относя на второй план второстепенное, делая это второстепенное таким же значимым.

Бывали дни, когда Лиза рисовала, пристально смотря на выбранную сегодня натуру, а Андрей смотрел на неё, на веснушку, что расположилась между маленьких грудок и мечтал слизнуть её, откусить, съесть, вместе с сосочками, что порой проступали из купальника, просвечивая и дразня.

Купальники стали первой, но не основной проблемой Андрея. Где Лиза брала эти купальники, Андрей не знал, но они явно предназначались для чего угодно, только не для купания в карьере на окраине маленького южного городка. Разных цветов, фасонов, всех их объединяло одно — минимализм и веревочки, за которые хотелось потянуть, особенно, когда, стоя вплотную, Лиза как бы случайно нагибалась, открывая виды, после которых Андрей быстро перешел на широкие шорты для плавания. Похоже было, девушка не ведала, что она творит, когда медленно снимала тунику, переступая через неё, плавно покачивая бедрами шла к воде.

Хрена лысого она не ведала.

Все она понимала, особенно, когда максимально близко наклонялась к Андрею, практически задевая его маленькими грудками и этой чертовой веснушкой. Держать руки при себе Андрей смог ровно день, на следующий — спинной мозг перестал слушаться указания мозга головного, и руки жили своей собственной жизнью, поглаживая спинку Лизы, шейку, за ушком, тогда Лиза откидывалась, будто открывая большой доступ к себе. Андрей чувствовал себя хроником-мазохистом, потому что не мог не трогать и не мог двинуться дальше, даже когда Лиза очевидно была не против продвинуться дальше в поглаживаниях. Она была школьницей, и Андрея до чертиков пугали последствия. С маленькими девочками всегда гарантированы проблемы, даже с такими умненькими и талантливыми, как Лиза. А Лиза была умненькой девочкой, отличницей. Да, да, она была отличницей. Она, смеясь, показала электронный журнал, где, к удивлению Андрея, он обнаружил только одну четверку, и ту по факультативной экономике... Однажды ей кто-то позвонил, и она долго чирикала по телефону на английском, да так бодро, ни на минуту не задумываясь и не останавливаясь. Потом сказала, что это её друг, он живет в Германии, они познакомились в языковом лагере в Шотландии, тогда она еще хотела поступать в Гонконгский Университет и ей был необходим уровень языка. Лиза была девочкой с другой планеты, где правила всем веснушка между маленьких грудок.

Однажды Лиза принесла целый пирог с северными ягодами, смущаясь, сказала, что она сама испекла и предложила попробовать. Кто же отказывается от такого? Особенно, когда кормят с рук, давая облизать маленькие пальчики...

— Ищешь путь к моему сердцу, маленькая? — ловя губами пальчик, проводя языком, изучая папиллярный узор, — через желудок?

— Хм, думаю, есть путь короче, — губы к губам, пальчик из его рта в свой.

Ебать меня, ебать её, убейте меня.

Одежда, в целом, стала проблемой номер два для Андрея, но не основной. Одежда его — в первый же день обнаружив, что плавки не подходят для времяпрепровождения с Лизой, и теперь в машине всегда было полотенце и широкие купальные шорты, он вообще в последнее время полюбил широкие шорты.

Одежда Лизы представляла большую проблему. Она была либо полупрозрачной, сквозь которую просвечивало яркое кружевное белье, либо из струящейся ткани, и тогда Лиза обходилась без верхней части своих умопомрачительных комплектов, что было довольно очевидно, когда ткань струилась по упругой маленькой грудке, выделяя маленькие горошины сосков. Надо заметить, что так она одевалась исключительно на озеро.

Ага, помогает рисовать.

Андрей встречал Лизу, иногда действительно случайно, иногда она шла с бабушкой из магазина, иногда болтала с подружками на улице или просто шла куда-то по своим делам, в такое время Лиза была одета вполне пристойно. Обычные сарафаны, средней длины, не полупрозрачные, шорты, не обтягивающие, а просто шорты, футболки с забавными надписями — одним словом, выглядела, как обычная семнадцатилетняя девчонка, а не как нимфа, сошедшая со страниц модных журналов, чтобы обеспечить Андрею хронический стояк с помощью пирога с брусникой и яблоками.

Основной проблемой для Андрея стало невыносимое желание. Он порой так желал Лизу, что забывал, о чем они говорили и где находятся вообще. В своих мыслях он, кажется, отымел Лизу во всех возможных позициях, используя не только член, но и руки, рот... Проблема состояла в том, что он мог себе позволить подобное только в мыслях и снах. А мысли крутились постоянно вокруг веснушек, кружевного белья, струящейся ткани, папиллярного узора под языком. Мысли не давали нормально функционировать, Андрей постоянно был растерян, зол и порой забывчив, за что на него орал отец и вздыхала мать.

Вчерашний день, думал Андрей, стал гребаной катастрофой для него. Обычно тихо сидевшая Лиза, лишь изредка взрывающаяся юрким взглядом, покачиванием бедер, пальчиками и фривольными намеками, сказала:

— Хочу рисовать на тебе.

— Что?

— Хочу рисовать на тебе, у тебя красивый живот, смотри, — и провела пальчиками по мышцам живота.

— Давай, — закрыв глаза, сказал Андрей. Если бы она сказала, что хочет зажарить его и съесть, после её пальчиков на его животе, он бы тоже ответил «давай».

Усевшись удобней, кто бы сомневался, куда попытается усесться Лиза, Андрей чуть приподнял её, со словами «сиди тут». Лиза начала рисовать на теле Андрея пастелью. Чем ниже она опускалась, тем тщательней штриховала рисунок, делая растяжку краски рукой, тем ниже опускалась её голова, будто видеть рисунок ближе, на расстоянии десяти-семи-пяти сантиметров от живота Андрея было очень важно. Руки спустились ниже живота, подойдя к резинке шорт, Андрей приподнял голову, внимательно смотря на Лизу, которая по чуть-чуть отодвигала резинку, запуская пальчики ниже, проводя по нарисованным линиям, задевая очевидный результат её усилий. Какое-то время Андрей пытался вспоминать свойства конструкций и заданные функции из сопромата, пока не послал все к черту и не откинулся на спину, решив, что пусть будет, что будет. Если девушка так уверенно лезет в

его штаны — она определенно знает, что делает, и пусть не останавливается.

Пусть видит, к черту все, она должна знать, не может не знать, что она делает со мной...

Поведя бедрами, качнув их прямо в руки Лизы.

Ну же, не останавливайся, давай, ручкой ниже, давай... губки так близко... возьми его...

Рука Лизы провела по всей длине члена через шорты, у Андрея помутился разум, никак иначе он не мог назвать своё состояние в этот момент, но вместе с помутнением пришло и осознание.

Что ты творишь, урод, ты собираешь выдать в рот маленькой девочке, прям тут, на озере, где в любой момент могут появиться люди, серьезно? Да, ну нахер. Да, да. Да. ДА!

Если с этим что-то не сделать прямо сейчас, я просто трахну её и вся недолга. Именно недолга, потому что, долго-то не получится. Еще минута и получится прямо в штаны. Ну... ну... же... маленькая, не заставляй себя заставлять. Ты не можешь её заставить, дебил!

Дебил, урод и мудака, которые собирались выдать в рот маленькой девочке, проиграли свою битву, и Андрей быстро дернул Лизу на себя, одним рывком подмяв её под своё изрисованное пастелью тело, зажал между пальцами её лицо, другой рукой раздвинув шире ножки, потираясь своей уже болезненной эрекцией о трусики Лизы, шепчет прямо в губы.

— Что ты делаешь, маленькая? А? Ты думаешь, мое терпение безгранично, маленькая? — проведя пальцем по розовым губам Лизы, проведя языком по губам Лизы, врезаясь в её рот этим языком, накрывая её губы своими, сдергивая то, что можно было бы назвать лифчиком от купальника, целуя, почти кусая ту самую веснушку, обводя языком вокруг одного соска, потом другого, отправляя свои скрученные мозги куда-то в промежность, которая трется сейчас о Лизу.

Таким жестким петтингом ты не занимался даже в школе... мило-то как, поздравляю.

— Яблоками, от тебя пахнет яблоками, маленькая, ты знаешь...

Лиза стонала, извивалась и отвечала на поцелуй Андрея, она дернула его за волосы, её бедра двигались навстречу его, ручки залезли под шорты, оставляя на ягодицах Андрея следы от ногтей. И в тот момент, когда терпение перешло все мыслимые границы, вдруг послышались голоса.

Чертовский черт. Кого принесло?... Черт... Отлично... Нет... Да. Хорошо, я спокоен, как хренов джин из лампы.

Собравшись мыслями и силами, за полторы минуты до того, как нечаянные прохожие появятся на тропинке в их уединенном месте на озере, Андрей поднял Лизу.

— Тише. Идут. Давай... Дыши... Успокойся, маленькая.

Лиза глубоко дышала, её зрачки были расширены, а щеки горели алым. Андрей быстро отвернул её спиной к дорожке, а после того, как группа мальчишек прошествовала дальше, бросив взгляд на обалдевшую Лизу, Андрей предложил отвезти её домой. Что они и сделали: Лиза быстро собрала свои рисовальные принадлежности, молча села в машину и потом, тихо попрощавшись, вышла из машины, не бросив небрежного «до встречи», а лишь покраснев еще раз и опустив глаза.

С маленькими девочками гарантированы проблемы, видишь... вот они... красные щеки... ничего не сделал, фактически, а щеки красные... не... нет... в Саратов, в глушь, в деревню, к Зойке.

Таким образом, сегодняшней вечер Андрей провел у Зойки, раскрутив её, что, впрочем, особо и не требовалось, на всевозможные виды секса, включая легкий скарфинг, хотя она и

не была большой почитательницей подобного. Андрею нужно было сбросить все, что накопилось в нем, благодаря маленькой девочке с серыми глазами, переходящими в ярко синий, с карими прожилками у зрачка.

Решив больше не искушать судьбу, практически наступив на горло своей песне, Андрей больше не ездил на озеро, не проезжал мимо дома Егоровой и даже не вышел, когда Лиза оказалась во дворе их дома, когда зашла вместе с Анькой, заноса флешку для Андрея. Всеми силами он решил избегать Лизу, стало очевидно, что держаться каких-либо дружески-приятельских отношений у него не получится. При одной мысли о Лизе у Андрея случался катарсис всех форм мыслительной деятельности, а предложить что-то другое взамен приятельства он не мог. Не после алых щек и широко открытых глаз с огромными зрачками, как под действием наркотических препаратов. Да он попросту не был уверен, что сможет держать свои руки при себе, теперь, когда он знает, какова эта веснушка на вкус, ощутив запах яблок, который в одночасье стал густым и ударил не только в нос, но и прямоком в мозг и в то, что ниже. Теперь, когда он точно знает, что любой вид секса с Зойкой не заменит ему этот чертов запах яблок!

Он ехал от объекта к объекту, проверяя, измеряя, записывая, разговаривая. Город строился, администрацией был выделен огромный участок для строительства под частные дома, кое-где строили частники своими силами, две довольно большие улицы строила компания отца Андрея. Ровными рядами стояли однотипные желтые домики эконом класса, чуть поодаль были совмещенные коттеджи, тоже весьма и весьма экономичные в строительстве, зато и недорогие при продаже. Дальше было несколько домов с индивидуальной планировкой, некоторые были уже куплены и строилось под заказ, пара домов ждала своего покупателя, в надежде, что обособленность и некая претензия на индивидуальность сыграют свою роль при продаже.

Андрей уже заканчивал свой рабочий день, было невыносимо жарко. На старом микроавтобусе, на котором он развозил недостающие по мелочи материалы, инструмент и рабочих, не было кондиционера, и Андрею казалось, что он скоро растает, как мороженое, спину пекло, а глаза горели. Невыносимо жарко. Скорей бы добраться до «офиса», а, по сути, маленького коттеджа на две спальни, который они использовали для внутренних нужд компании. Там хранился инвентарь, кое-какие текущие документы, там же сидела Тоня, жена старшего брата, на случай, если появятся покупатели и там же, рядом с «офисом» Андрей увидел Лизу.

Он хотел было развернуться, настолько невыносимо жарко стало от одного вида на девочку. Она стояла в тени и поливала себе на ноги из шланга водой, видимо уже давно, потому что уже образовалась изрядная лужа вокруг её ног.

Вздыхнув, Андрей заметил замок на «офисе», значит Тоня уже уехала, она бросила девочку на солнцепеке, а сама свалила?

Коза драная!!

— Что ты тут делаешь? Привет, кстати.

Лиза подпрыгнула на месте, испугавшись, шланг с водой дернулся и струя полетела прямо в лицо Андрея, окатив его ледяной водой.

Твою мать. Какого черта!

Андрей выхватил шланг из рук Лизы и, ни черта не соображающий, облил её с ног до головы, включая голову и пятки. С ужасом он смотрел, как белый сарафан из какой-то легкой ткани, напоминающей скорей медицинскую марлю, насквозь промокает, оставляя

девушку практически голой, потому что есть этот сарафан, что нет — все едино. Наличие трусиков выдавала лишь парочка ярко синих тесемок по бокам, остальное все просвечивало так, будто Лиза попросту стояла голая, было видно всё, до последнего волоска на лобке.

Убейте меня. Я хочу её. Боже, сделай что-нибудь с моими руками!

Андрей смотрел, как замороженный, на картину, открывшуюся перед ним, пока не понял, что эта же картина открылась еще трем рабочим, которые ехали с ним в микроавтобусе, они повылазили в окна, и кто-то одобрительно улюлюкал. Быстро развернул девушку спиной к машине, приподняв её, он попросту затолкнул её в офис, злясь то ли на себя, то ли на неё, то ли на свой стояк, который сейчас мешает ему думать.

И ходить тоже, к слову.

— Еще раз, что ты тут делаешь? — сказал совсем недобро.

— Я ждала тебя, ты не приходил! Я ждала всю неделю! — ох и не понравилась Андрею обида в голосе, ох и не понравилось желание зацеловать эту обиду.

— Значит, не мог, то есть ты не дождалась меня и приехала сюда? И долго ты собиралась меня искать? И как, к слову? И каким местом ты думала? Можешь не отвечать каким! Сарафан снимай.

— Зачем?

— Снимай сарафан, я тебе говорю, я уже все видел, заценил, и не только я, так что снимай.

Андрей сам стаскивает с неё сарафан, снимает с себя рубашку и, на секунду прижав к себе Лизу, надевает на неё свою рубашку.

По-другому, мляяаа, никак не надеть, чо уж.

Лиза смотрела как-то зло, кусая губу.

От маленьких девочек всегда проблемы. Вот они... Полюбуйся... губу кусают, смотрят зло... Проблемы... Ох уж эти яблоки.

— Труссы мне тоже свои дашь?

— Чего?

— Труссы, говорю, тоже свои дашь? Потому что мои мокрые, из-за тебя, между прочим!

Андрей одним рывком сдергивает трусики с Лизы, заставляя её переступить через них, выжимая в одной руке, потом, расправив, внимательно разглядывает на свет прозрачную, тельного цвета вещичку, которая и в сухом состоянии ничего не скрывала...

— Эти трусики?... Посидишь без трусиков, что есть они, что нет — без разницы. Сиди здесь! Поняла меня? Сиди! Здесь! Там пульт от кондиционера, там холодильник, в соседней комнате диван, но сиди здесь. Я скоро!

От мысли, что она может уйти вот так, в его рубашке и без трусиков, Андрею не по себе, и он закрывает Лизу на замок. Рабочих надо отвезти на остановку... По пути его дразнят, по-мужицки грубо, но не злобно, интересуются, куда дел королевишну.

Андрей решил отвезти ребят прямо в город. Он заскочил домой, бросив микроавтобус, взяв свою машину, переодевшись и даже забежав в душ. Главным в списке дел был душ, как ни крути, а для Лизиной безопасности лучше, если он сходит в этот самый душ.

Дожился, дрочить средь бела дня, в душе, в конце огорода, пока мамка в трех грядках от меня.

Немного успокоившись после душа и быстрой езды, он входит в «офис», Лиза сидит на диване, поджав под себя ноги, вытирая следы слез.

— Маленькая, почему ты плачешь?... Смотри твой сарафанчик почти высох и

трусики... Одевайся, я отвезу тебя...

— Куда?

— Куда скажешь, куда бы ты хотела? — он присаживается рядом с Лизой, скользя руками по её оголенным ножкам.

— Я не знаю, я тут ничего не знаю... — всхлипывает.

— Давай, одевайся, придумаем что-нибудь, — он протягивает ей сарафан, сам тактично выходя из комнаты.

— Андрей, сарафан мятый, тут ткань...

— Ну... ты можешь ехать в моей рубашке, только я в ней целый день работал. Так что выбор небольшой у тебя. Или грязная рубашка, или мятый сарафан.

Я бы предпочел голую... влажную... и на этом диване...

Через секунду появившаяся Лиза своим видом сообщает, что рубашка Андрея ей нравится больше, чем мятый сарафан.

Выходя, закрывая двери, Андрей ловит удивленный взгляд Лизы обращенный на его машину.

— Производит впечатление? — хмыкает.

— Эм... она большая... и дорогая...

— Не самая дорогая, зато большая и удобная.

— Аааааа, ну это всё объясняет, — забираясь на сиденье, обводя взглядом салон машины.

— Лиза, я начинаю ревновать, на меня ты не смотришь так, посмотри-ка на меня с таким восхищением, и я положу весь мир к твоим ногам, — шутливо поведя бровью.

— Да нет, я просто думаю, ты, наверное, всю зарплату отдаешь за кредит? Зачем?

— Что-что?

— Ну... — опустив глаза, Лиза говорит: — водители же немного зарабатывают, и такая машина... ты кого-то убил или у тебя богатый дядюшка в Америке?

Абсолютно обалдевший Андрей долго думал, что сказать.

С одной стороны, девочка, просчитав предполагаемый доход, считать чужие деньги не хорошо, с другой... надо же... И она не знает кто я, не интересовалась? Странно... Она дружит с Анькой... Ох уж эта детская непосредственность.

— Давай остановимся на тетушке из Бразилии, — вырulingивая с новой улицы, медленно пересекая дорогу, сворачивая на поле... — умеешь водить?

— Нет, не на механике, папа меня учил, только на автомате.

— Рулить значит умеешь?

— Умею.

— Отлично, давай сюда, — отодвигая кресло, сам отодвигаясь по максимуму в спинку, — давай, раз уж тебе так понравилась машина, её нужно объездить, согласна?

— Ой, я не умею, на механике-то, я же сказала!

— Я никуда не уйду, ты будешь только рулить, прыгай.

Не долго рассуждая, Лиза забирается между ног Андрея, втискиваясь в него попойкой...

Фиговая идея, парень... Очень фиговая...

— А если мы врежемся?

— Куда? Лиза, посмотри, это поле. Здесь нет деревьев, нет столбов, только дорога... И потом, мы поедем на первой передаче... мы точно не врежемся, — притягивая ближе попку Лизы, устраивая её удобней.

А хотелось бы врезаться... Определенно. Так, или перевернуть... не думай... не думай... хрена лысого получится не думать.

Какое-то время они ехали медленно, перекатываясь на кочках, Андрей держал Лизу одной рукой за талию, другой подруливал, пока рука его не добралась до пуговиц на рубашке и не расстегнула их... Глядя ровный животик, целуя затылок, ушки Лизы, Андрей находит маленькие сосочки и несильно скручивает между пальцами, слыша в ответ тихий стон.

Машина останавливается, работает только кондиционер, иначе, посреди поля, они попросту задохнутся на такой жаре. Андрей продолжает путешествие по телу Лизы, находя по пути чувствительные местечки, определяя их по стонам и движениям бедер...

Его бедра уже двигаются в своем ритме, опуская сиденье вниз, разведя в стороны ножки Лизы, сдергивая с неё трусики, он решает, что не станет больше сдерживаться. Не станет, даже если сейчас с неба свалится астероид, как раз на его бестолковую голову. В какой-то момент он перехватывает её руку, которая направляется между ножек Лизы, накрывает её своей рукой и шепчет...

— Покажи мне...

Его пальцы на её пальцах точно повторяют движения, сканируя, запоминая, пока ноги перехватывают её ноги, разводя ещё шире, а вторая рука гладит живот, грудь, прижимая к себе сильнее, потом стягивая с себя шорты, потираясь уже голым членом о попку Лизы, он прикидывает, как удобней... сзади, как сейчас, или перевернуть девочку...

Но сначала мы еще поиграем, маленькая.

Он убирает руку Лизы, шире разведя её ножки, повторяя большим пальцем движения Лизиных пальчиков, смотря, как девушка откидывает голову ему на плечо, как судорожно её руки хватают его за ноги, как бедра двигаются все быстрее... Он вводит палец внутрь, и тут ноги Лизы дергаются в какой-то инстинктивной попытке закрыться.

Что за черт... Ну ка, ну ка...

Он вводит палец еще раз, на этот раз как следует лаская снаружи входа. Ноги дергаются, если бы Андрей не зафиксировал их и не был готов, она бы точно закрылась.

Твою мать! Не может быть! Какого хрена, спрашивается... Зачем? Маленькая... ну кто так делает... маленькая...

Прижимая крепче девушку к себе, двигая рукой немного медленнее, лаская шею у ушка, шепчет,

— Не пробовала так, маленькая?

Ответом сжатые губки и моток головой.

— Давай попробуем, я чуть-чуть, только наполовину пальчика, тебе понравится... Только не дергайся... давай, маленькая.

Он аккуратно входит, дразня, потом пробегает по клитору, потом снова входит, пока не находит нужный ритм, и Лиза вжимается в него с криком, оставляя на его ноге ощутимую царапину.

Пока она приходит в себя, Андрей незаметно натягивает свои шорты на место, целует затылок, переворачивает к себе лицом, укладывает на себя, целуя в губы, очень нежно, как никогда нежно, с какой-то странной бережливостью...

— Маленькая, когда ты собиралась мне сказать?

— Что? — по взгляду ясно, что она понимает, о чем именно речь.

— Ты серьезно решила лишиться невинности в машине?

— Это проблема для тебя, да?

— Что? Твоя невинность или твое странное решение не сообщать мне об этом, и лишиться этого со мной, в моей машине?

— Я не думала... что ты заметишь...

— Маленькая, — целуя в лоб, — и эта девочка хотела поступать в Гонконгский университет, — смеясь в губы, — я бы заметил. И твоя невинность не проблема, проблема в том, что ты похоже действительно не ведаешь, что творишь... И я тоже.

— И я сказал, что это не проблема, для меня...

Через пару дней Андрей сидел во дворе старшего брата, за большим обеденным столом и в надежде, если не получить совет, то хотя бы выговориться, наливал себе уже который бокал домашнего вина. Он опустил некоторые интимные моменты, но, в целом, ситуацию обрисовал предельно ясно, ему так казалось, во всяком случае.

Брат слушал внимательно, не отставая от Андрея в выпивке, он силился понять, в чем проблема. Видимо, прожитые годы и вино сделали Дмитрия или Митьку, как его звали домашние и как запрещалось называть его кому-либо другому, бестолковым, потому что он, как не силился понять, в чем проблема Андрея, не мог.

Андрей был еще тот ходок, как у моряка, у которого в каждом порту девушка, так у Андрея — в каждом городке женщина. Моральными дилеммами парень не страдал, судя по наличию замужних в его «списке контактов». Малолеток не было — это да, но семнадцать лет это уже о-го-го, на иных семнадцатилетних пахать можно, так что, в чем проблема Андрея — так и оставалось загадкой.

Впрочем, он все еще надеялся найти взаимопонимание и сказал Тоне, своей супруге, которая сидела рядом, следя, чтобы мужчины ели, подкладывая им мясо, нарезая по ходу пиршествования овощи и не отставая от мужчин по винной линии:

— Антони-и-ина, неси еще. И в чем проблема? — спросил Митька.

Имя Митька не подходило этому высокому, начинающему полнеть, с добродушной улыбкой на круглом лице и степенным взглядом тридцатипятилетнему мужчине.

Он никогда не суетился, не сомневался, казалось, он всегда знал, что делать. Или не делать. Именно о нем подумал Андрей, когда, после двух дней смотрения в потолок, его молодой организм возмутился и начал требовать действий или набраться, и, под благовидным предлогом «поговорить», он отправился к Митьке.

Митька был женат второй раз, с первой женой как-то не сложилось. Что было тому причиной Митька не распространялся, но развелись они тихо, без скандалов, бывшая уехала к себе на родину, увезя старшего сына Митьки, иногда присылая его на каникулы.

Теперь Митька был женат на Тоне, которая была младшего его на пять лет, родила ему троих детей, двое из которых были двойняшками, раздобрела, была веселой, незлобивой и, как свекровь, постоянно готовила или стирала. Можно было сказать, что стирка была основным и самым любимым занятием Тони, в их доме было две стиральные машины, безумное количество стирального порошка, который применялся в определенной последовательности, а также было выделено огромное пространство под навесом от яркого солнца для сушки белья. У Тони была своя система стирки, транспортировки и хранения выстиранного белья и если человек, входящий дом, был хотя бы наполовину адекватным, как ему думается, он никогда не вмешивался в этот процесс.

Да что там, даже свекровь звонила порой Тоне с вопросом, как и что лучше стирать и стоит ли покупать вещь, если там есть такой-то или такой ярлык. Собственно, о наличии указаний по стирке белья Марья Степановна узнала от Тони, до этого обходилась по старинке — темное с темным, шерсть и шелк — руками.

— Да, Андрей, так в чем проблема, — проговорила Тоня, подпирая полную щеку рукой,

предварительно разлив по бокалам вино.

— Проблема в том, что это проблема, — выдохнул Андрей. — Вот...

— Дааааааа, — глубокомысленно заметил Митька, — наливай, Тонь.

Видимо, проблема не на шутку заинтересовала Митьку, потому что к концу подходила вторая полторашка. А может, просто масть пошла, кто теперь разберет...

— Не, ну правда, что за проблема-то? — решил еще раз уточнить Митька. — Антонина! — взмах рукой в сторону бутылки.

— Я же говорю, она девочка...

— Проблема была бы, если она была мальчиком, тьфу ты, господя...

— Де-во-ч-ка... Целка она!

— Ну, это не проблема, — с видом знатока проговорил Митька, — это чпок, — характерный знак руками, — опа-опа и не проблема.

— Точно! — Тоня, — Чпок — и ты стала взрослой, — видимо, прокручивая про себя песню, Тоня машет головой, вода глазами.

— Ну, так я чуть было её и не чпокнул, прям в машине, она забыыыыла мне сказать...

— Надо было чпокнуть... Антонина, не задерживай.

— Ты офигел? В машине? Девочку? Нееееааааа, — это уже Антонина.

— Углубь, в смысле наливай, — Митька тянет на себя Тоню, смачно целует её в губы, потом наливает сам.

— В машине девочку нельзя. С девочкой надо нежно, — Тоня растекается в улыбке, — аккуратно с девочкой надо... Деликатно с девочкой-то... мало ли что.

— Это да... мало ли что, — весь вид Митьки говорит о том, что он силится прикинуть, что «мало ли что» может случиться.

— Вот! — горячо говорит Андрей. — А я её чуть в машине не того!

Тоня пересаживается ближе к Андрею и, смотря прямо в глаза, ей так казалось, во всякому случае, говорит:

— Я тебе так скажу, неважно где, приятно не будет, гарантировано, — на этом Тоня подняла вверх указательный палец, видимо, он и должен был объяснить, кем или чем гарантировано, — главное аккуратно, нежно, деликатно... пам... пам... чпоки — моки, там... ну, сам знаешь, кому я говорю, ловелас наш доморощенный.

Чпоки Поки Моки... со всей деликатностью, в рот мне ноги... Хари Кришна — Кришна Рама.

— Да не хочу я этого. Де-ли-ка-т-но. Ак-ку-ра-т-но. Не-ж-но. Не хочу. Не хочу я всё время думать мало ли что...

Но, все равно ведь думаешь... нужно, чтобы все было в кайф, иначе какой смысл, тогда уж лучше онанизм. Здравствуй, юность в сапогах... привет, восьмой класс.

— Я каких женщин люблю? Чтобы грудь О-ооо, — характерный жест, который показывает, какой именно должна быть грудь у женщины, — чтобы задница У-уух, чтобы не бояться, что она переломится, нахрен. А Лиза... она... — растягивая губы в улыбке, — она маленькая, — Андрей, поднимаясь, показывает рукой себе по грудь и делает кольцо руками, как бы показывая талию девушки... — а она еще и девочка...

— Не трахай, — вынес свой вердикт Митька, вода осоловевшим взглядом от Андрея к Тоне и обратно, весь его вид говорил о том, что какая-то мысль не даёт ему покоя, и он силится её сформулировать и донести наконец до общественности. Антонина! — неопределенный взмах рукой.

Хорошая мысль. Правильная. Эврика, ешкин кот...

— Не могу! Она яблоками пахнет, — заключает Андрей, видимо, запах яблок должен все объяснить брату и его жене. — И меня парализует, к ядреной фене.

Митька встает, покачиваясь, говорит, что надо спать, завтра на работу, Андрей пусть остается у них, места полно и уходит спать. Андрей помогает Тоне убрать со стола, когда она вдруг серьезно, не пьяным голосом, говорит:

— Ты знаешь что, Андрюш, ты не связывайся, а... Она сегодня хочет, завтра не захочет, а ты виноват окажешься... хотя, ты ж не удержишься, если она яблоками пахнет... парализованный ты наш... — хлопает его по плечу и, оставляя недопитую бутылку с Андреем, заходит в дом. Андрей сказал, что хочет спать на улице, на диване, жара стоит невыносимая, даже ночью от земли парит жаром, нет ни единого ветерка. Духота.

Андрей переваривает разговор, глядя на низкие звезды, понимая, что он мало чем помог, да и чего он ожидал, зато вина напильсь, уж что-что, а вино Митька делает отменное.

Андрею не приходит в голову, что ему следует волноваться о том, что он рассказал Митьке и Тоне. Выросшие в маленьком городе, где основным занятием были сплетни, в довольно известной семье, они с малых ногтей привыкли к главному и основному принципу — сор из избы не выносят. Все решается внутри семьи, внутри пары, но если вдруг проблема становится достоянием большего круга, если в конфликт или проблему становятся замешаны другие члены большой семьи, можно было сказать уверенно — дальше ворот дома это не уйдет.

Ничего этот разговор не принес Андрею, кроме, пожалуй, облегчения и головной боли на утро.

Несколько дней Андрей прибывает в каком-то болезненном состоянии. Заезжая пару раз на озеро, он не застаёт Лизу, что может говорить только о том, что Лиза специально не пришла. Он, было, думает, не случилось ли что, но случайная встреча с Анькой, когда он с осторожностью интересуется, все ли в порядке с Лизой, все расставляет на свои места.

Так даже лучше, думал Андрей. Видимо, Лиза все же испугалась или еще что... в любом случае, ему, Андрею, определено, меньше проблем.

Проезжая вечером мимо дома Лизы...

Реально случайно, конечно же.

Он увидел Лизу в компании девочек и парней, парни ему не понравились, он не очень знал парней младше его, только местных, что живут в паре кварталов от него, эти были какие-то пришлые. Один из них явно пускал слюни на Лизу, придерживая её за талию, что-то шепча на ухо. Голова Лизы немного отклонялась в интуитивной попытке отстраниться, но стояла она, не шелохнувшись, что-то слушая, что-то отвечая. Андрей даже остановил машину, чтобы понаблюдать, и тут же столкнулся с глазами Лизы, было бы странным, если на безлюдной улице, вечером, она не заметила бы его машину, но он и не подумал уехать... Наблюдая за Лизой и малолеткой, который обхватил её уже двумя руками, он собирался духом, чтобы нажать на газ и уехать. Даже, когда ему было десять, и его отец первый раз посадил его за руль, ему не было так отчаянно сложно перенести ногу на сцепление и нажать на газ...

Приняв отчаянное в своей глупости решение, он выходит из машины и идет прямо к группке ребят.

— Лиза, иди-ка сюда! — бесцеремонно хватая Лизу за руку и волоком тащит в машину. — Ты не объяснишь, кто это? И что он, нахрен, делает? — зло шипя ей в лицо,

замечая сомны мурашек по коже, от вида веснушек на носу, взгляд сам опускается ниже, в надежде найти ту самую веснушку, но она скрыта простой футболкой.

— Ты ревнуешь, — не то со злостью, не то с восторгом заявляет Лиза.

— Я волнуюсь за тебя.

— Для этого у меня есть папа. А ты — ревнуешь! — как-то очевидно победно заявляет Лиза.

Андрею кажется, что сейчас она издаст победный клич индейцев и снимет с него скальп, как знак победы над врагом.

— Нет!

— Да!

— Да! Довольна?

— Довольна, — личико Лизы растекается в такой искренней улыбке, как будто она только что выиграла миллион или получила от деда Мороза розовый домик для Барби.

Ох уж эти маленькие девочки... От маленьких девочек всегда проблемы. Улыбается она... Улыба моя...

По телу Андрея растекается странное тепло, не такое, к которому он привык и легко понимал, зная, что именно надо делать в этом случае, а просто тепло, примерно, как когда держишь в руках месячного котенка, а он пытается царапать тебя малюсенькими коготками, а потом доверчиво засыпает, а ты сидишь, как болван, с котенком на руках и боишься отпустить, чтобы не разбудить.

— Лиза, давай сходим куда-нибудь.

— Давай, а куда?

— Придумаю... я заеду, завтра или на днях, хорошо?

— Хорошо, — глазки становятся еще синее, а на щеках проступает румянец.

Лиза выскакивает из машины, перебегает через дорогу, что-то говорит пацану, целует его в щеку...

Вот засранка!

И забегает за железную калитку своего дома.

Заехать ни завтра, ни на днях не получилось, приехав домой, Андрей узнал, что он едет на побережье с отцом. Там строятся две гостиницы, и сейчас возникли какие-то проблемы. Обычно, хорошо справляется свой человек, прораб Степаныч, но сейчас, похоже, не тот случай. И Андрею приходится ехать, загружая в багажник еды столько, что хватило бы на роту, как минимум.

Он думает о том, что надо как-то предупредить Лизу... только как? Просто заехать, всего-то соседняя улица, тогда придется отвечать на вопросы отца и отмахиваться от причитаний матери о скоропостижной и такой желанной женитьбе младшенького, как бы маман не вцепилась мертвой хваткой в Лизу, перепугав её до смерти своим рвением женить сынулю. Может, какая-нибудь местная дуреха и обрадовалась бы, но точно не Лиза — школьница, отличница, умница, которая хочет учиться на архитектора, но как запасной вариант держит Гонконгский университет.

Не фиговый запасной план. А какой еще может быть у единственной дочери нефтяника?

За эти дни он по крупяцам собирает информацию о Лизе, нет, если спросить напрямую у той же Аньки, она расскажет все, даже то, о чем её не спрашивали, но отчего-то Андрею не хочется афишировать свои отношения с Лизой, тем более в наличии каких-либо отношений

он совсем не уверен.

Он узнает что-то через Митю, чей интерес к семнадцатилетней девочке не кажется столь подозрительным, и Тоню, чьё природное любопытство не оставляет ей шансов держаться в стороне. Оказывается, Лиза живет с отцом вдвоем, её мама погибла лет пять назад. Одно время с ними жила мать отца, но не смогла ужиться с собственным сыном, который, по слухам, имел суровый нрав, но дочке своей позволял вить из себя веревки, отчего Лиза не знала ни в чем отказа.

Отсюда и сногсшибающие наряды — какой отец будет спокойно смотреть на кружева под полупрозрачным безобразием на теле своей несовершеннолетней дочери?

Мама её, родом из этого городка, была единственной дочерью у родителей. Сейчас Егорова осталась одна, муж умер уже давно, и приезжающая порой внучка — её единственная отрада в этой жизни. Лиза, определенно, была из числа залюбленных девочек. Можно было бы решить, что она была избалованной, но нет, Андрей порой слышал её разговоры, она рассказывала о своей жизни, о планах на будущее, она не была избалованной или завистливой. По сути, она была обыкновенной школьницей.

Школьницей с серым цветом глаз, переходящим в ярко синий, с карими прожилками у зрачка. С веснушками, рассыпанными на носике, по плечам и одной безумно сладкой веснушкой, нашедшей свое пристанище между маленьких грудок с сосками-горошинами.

Так и уезжает Андрей, по пути ругая себя на чем свет стоит, что даже не спросил телефон Лизы, это же так просто, первое, что делают люди при знакомстве — это обмениваются номерами телефонов, он же, чуть не лишив её невинности в собственной машине, даже не догадался спросить об элементарном.

Я же непутевый... А, может, Лиза сама это поймет... может, оно и к лучшему... черт его знает.

Неделю они с отцом проводят на побережье, из которых Андрею удастся вырвать буквально пару часов, чтобы искупаться в море, а потом снова с головой окунается в дела. Отец учит его, объясняет, наставляет, показывает, порой кричит, но видно, что он доволен младшим сыном.

Старший, Митька, уже давно уверенно стоит на ногах, является его правой рукой и то, что отец еще работает — это вовсе не необходимость, а скорей желание и отказ сидеть дома, да и Мария Степановна гонит «старого» на работу, потому что после пары дней дома прирожденный трудоголик Роман Никодимович превращается в зануду и ворчуна, который ходит по пятам за женой и начинает ей указывать, как ей вести хозяйство. «Сорок лет справлялась, а тут объявился, ишь умник», — ворчит она, не то со злостью, не то в шутку... кто её разберет, когда она «крутит и крутит» бесконечные банки.

Средний Серега, тоже был при деле, все по уму, женился, двое детишек у него, жена работает в банке. Что и говорить, Роману Никодимовичу было отчего быть довольным жизнью, только вот младший, порой шалопутный Андрюха, вызывал опасения у отца, но сейчас становилось видно, что все идет нормально, смекалистый парень, а что гуляка непроходимый, так тоже по уму все у него, еще ни одной обиженной девки не было, видать разбирается как-то со своими амурными делами, выпивает порой — да, даже перебирает, но здоровье у парня недюжинное, дело молодое. Время придет — женится. Или женим, не век в бобылях ходить.

Если бы какой-то умник снял сейчас документальное кино про Андрея, выглядело бы это примерно так: в центре кадра стоял бы Андрей, в роли Чарли Чаплина, смешной и

растерянный, именно так он себя чувствовал — растерянным, а вокруг, сзади, по бокам, везде, был бы огромный экран и там бесконечно, разными планами — близкими и второстепенными, цветными, яркими, с три-Д-эффектом, была бы Лиза. Её веснушки, розовые губки, пальчики под его пальцами, синие глаза, алые щечки, её победное «довольна», а сверху на голову Андрея, летели яблоки и разбивались о землю, брызгая соком...

Вернулись домой они к выходным вечером. После сытного ужина, причитаний матери и очередного обещания «жениться, прямо завтра, просто на побережье времени не нашлось», заметив ухмылку в усах отца, Андрей решает сходить к Лизе. Именно сходить, после восьми часов за рулем из-за пробок, когда как ехать там часа полтора, и это с соблюдением всех правил, он не может смотреть на машину, даже свою.

Улица Лизы плохо освещена, ночи на юге невероятно темные, черные, только звезды висят низко и ярко. В конце улицы, на перекрестке, Андрей видит Лизу в компании ребят, тех же, замечает Андрей, и тот же парень стоит рядом, явно нарушая границы личного пространства его веснушки...

Сам же Андрей находится в темноте, он было решает быстро подойти к девочке, обнять, взять на руки, зацеловать её при всех, на зависть этому патлатому сопляку, что пытается жаться к девочке, но что-то останавливает Андрея. Он просто смотрит на Лизу, видит, что она одета в облегающие голубенькие джинсы с дырочками, сквозь которые видны яркие вставки, видит футболку в цвет этих вставок, открывающую одно плечо, видит несколько подвесок на шее, видит босоножки на плоской подошве, и ему кажется, что он видит цвет пяток Лизы. Он смотрит и удивляется себе, ей, вселенной, которая привнесла в этот мир его Лизу... Удивился бы в этот момент Андрей, если бы Лиза, подпрыгнув на месте, вдруг начала играть в классики, забрав свои короткие волосы в хвостики — нет. Лиза была школьницей. Школьницей... Она не была девочкой, определенно, не с такими сладкими изгибами, она не была женщиной, только если в графе паспорта «пол».

Интересно, можно ли записать туда «школьница»?

Андрей попросту идет домой, ощущая затылком взгляд Лизы, точно зная, что она никак не может увидеть его, со света в темноту, в такую невероятно темную ночь, когда от тепла застыли даже звезды.

Проснулся Андрей рано, не раньше обычного, но рано для выходного, от того, что кто-то прыгал на его голой спине, и чьи-то малюсенькие ладошки хлопали по ней, утыкаясь, порой, малюсенькими кулачками. Проснулся от того, что чья-то мордашка в шоколаде и слюнях нагнулась к лицу Андрея, вытаскивая его из подушки и пробурчала:

— Лофатка, ставай...

Дашка... интересно, знает ли её мать, что она трескает шоколад и сидит у меня на втором этаже...

— Лошадка хочет спать, — в подушку.

— Нет. Лофатка хочет ставать...

— Н-е-ет, Дашуля, лошадка точно хочет спать, — Андрей закатывает глаза и издает храп вкупе с лошадкиным ржанием, — видишь, лошадка хочет спать, — сам быстро вставая и подбрасывая девочку высоко вверх, ловя её и снова подбрасывая под визги «есе, есе, лофатка». Сажая девочку себе на живот, поддерживая двумя руками, спускается вниз, ища мать или Тоню, чтобы отдать им Дашу

В туалет охота, вот непруха...

— Ну, что расскажешь? — приподнимая, «пуркая» в животик.

Блин, вот почему они такие сладкие... пузяка голая.

Тоня находится на дорожке, рядом с матерью, они что-то жарко обсуждают, в то время, как Машка — двойняшка Даши, сидит на корточках и с интересом раскладывает огурцы, видимо, только сорванные с грядки, в одном, только ей известном порядке.

— Никого не потеряли, мамаша?

— Даша! Где ты взяла шоколадку? И это ты разбудила дядю Андрея? Я же говорила, чтобы не шумели... Прости, Андрей.

— Я буила лофатку, а Андей спить, — заявляет Даша, пряча личико на груди у любимого дяди, размазывая шоколад.

— Ладно, все равно вставать... Возьми её, — уже нервно перебирая ногами.

— Так поставь, что вцепился, как в родную.

В это время Машунька, всё это время перебирающая огурцы, внимательно смотрит себе под ноги, где образуется небольшая, но очевидная лужица. Даша в ужасе округляет глаза и, поднеся ладошки к лицу, произносит:

— Непиятность поочилась...

— Заигралась, — виновато говорит Маша, хватаясь за руку матери, семенит к дому. Маша уже почти не картавит, в отличии от своей сестры, замечает про себя Андрей.

Неприятность... пф... получилась неприятность... вот у меня тоже, чуть было не получилась неприятность...

Часом позже позвонит Митька, чтобы поинтересоваться не собирается ли Андрей в соседний город, у Митьки там машина в ремонте, надо забрать, не подкинёт ли его брат до городка.

Мысли Андрея выстраиваются в привычный ассоциативный ряд, и он говорит, что да, подбросит, хоть и не собирался. По пути они останавливаются в большом магазине, недавно в их городе открылась пара сетевых продуктовых магазинов, и все жители почитают за огромную честь отстоять очередь в кассу поутру в выходной день. То, к чему привыкли и от чего устали жители в больших мегаполисах, жителями провинциальных городков пока еще воспринимается с радостью.

Митька берет воду, оглядываясь, прихватывает чипсы, вид у него такой виноватый при этом, что Андрей понимает — у Тони обострение под названием «нечего есть канцерогены всякие», а чипсы представляются даже большим злом, в глазах Тони, чем майонез. И если майонез Митька отстоял на своем столе, то чипсы ест втихаря, пока не видит Тоня, видимо терзаясь в душе угрызениями совести.

Андрей автоматически захватывает то, что ему нужно на кассовой зоне и, практически отъезжая, на развороте, в стекло заднего вида, он видит свою девочку, свою Лизу, свою маленькую... и готов поклясться, он чувствует запах яблок, который бежит с невероятной скоростью по его венам, заполняя все пространство, не оставляя эритроцитам никакого жизненного пространства — только яблоки. Он видит малюсенькие шортики, трикотажные, видит футболку, которая открывает одно плечо, подставляя под утреннее солнце стайки веснушек, подъезжая ближе, он видит в ушках сережки в виде плюшевых мишек.

Мишки в ушах... У неё в ушах мишки... и эта попка... мать моя... и кружево на плечике...

Хочу... хочу, чтобы мишки покачивались в такт моих движений, когда я стащу это кружево к чертям...

Мишки и кружево — малосовместимый комплект, смешные мишки с бантиками, задевают шею Лизы... Ту самую шею, которая откинулась в машине на грудь Андрея, ту самую шею, которая пошла небольшими розовыми пятнышками, когда он шептал ей «глупая, я бы заметил».

— У меня дела, задержимся на пару минут, — говорит Андрей Мите, тот кивает в знак согласия, с интересом смотря на Лизу, девушку, о которой он слышал больше, чем надо бы, девушку, о которой он узнавал по просьбе младшего брата...

Остановившись, Андрей сообщил Лизе, что довезет её домой. Он знает, что тут близко но нечего такую тяжесть носить, по пути говорит что-то про побережье, про телефон, смотря заморожено на мишек, опуская глаза в поисках веснушки между маленьких грудок, но и то, и другое скрыто футболкой, зато открыто плечико, которое хочется потрогать, лизнуть, ощутить тот самый вкус.

В машине, в стекло заднего вида, он ловит взгляд огромных глаз, в которых стоят слезы, губы плотно сжаты, и кажется, что от слез девушку останавливает какая-то невероятная сила, потому что слезы близко-близко, перекачиваются в синеве с карими прожилками...

— Лиза, у меня сейчас дела, я заеду позже, я действительно заеду, — говорит Андрей, ловя взгляд со слезами, после чего синева смотрит на дорогу, а по приезду выскакивает из машины, шурша пакетами и старается как можно быстрее добраться до калитки, но ноги Андрея длиннее, а пакеты тяжелые, и через один всхлип пакеты уже в руках растерянного Андрея, который, бросив их прямо тут, на траву, держит в руках личико с синими глазами, ища в них ответы на свои вопросы.

— Лиза, что случилось? Ты обиделась? Послушай, у меня... там... дела у меня, я приеду после обеда, маленькая, не плачь...

Что не так? Что Не Так? С маленькими девочками гарантированы проблемы! Вот они полюбуйся... плачет на ровном месте... Что не так? Болит? Испугалась? Обиделась? Дед мороз не подарил обещанный домик для Барби? Японский бог... Далай Ламе в задницу его спокойствие... Что Не Так?

— Отпусти меня, — хватая пакеты, — вали по своим Де-Ла-М! — кричит Лиза, хватая пакеты и убегает, пока растерянный Андрей смотрит за зеленую калитку дома Егоровой.

Мог бы он догнать Лизу? Мог, конечно, мог..., думает Андрей.

Это что сейчас было?

Растерянно садясь в машину, Андрей старался не думать о яблоках, давая себе мысленное обещание разобраться с ситуацией... Митя рядом молчит, глядя на бледное лицо брата, надвигающиеся желваки и руки, вцепившиеся в руль так, что у Мити возникают опасения, что Андрей сейчас его или расплющит, или вырвет...

— Ну... видимо ей не пришлись по душе твои сегодняшние дела... — косясь на заднее сиденье.

— Что? Какие дела? Какого хрена, а? Это, что было? Это, как, блядь, называется? — начинает заводиться Андрей, пока Митя перегибается на заднее сиденье и молча суёт под нос прозрачный пакет Андрея из супермаркета, где черным по белому: Конфеты. Шампанское. Презервативы. Ассоциативный ряд: Маленький соседний городок — Зойка — Конфеты — Шампанское — Презервативы.

Три-Д-пленка, бесконечно крутившаяся в мозгах Андрея, начинает работать на ускоренной скорости:

Лиза, веснушка, её картины, грудки с горошинами сосков, кружево, пастель на его теле,

её тело на его теле, «думала не заметишь», «довольна», мишки в ушах, голубые джинсы, яблоки, яблоки, яблоки... Какого Хуя?!

Все время, пока Андрей молча разглядывал свой пакет, ему казалось, что кто-то сильно пнул его в солнечное сплетение, лишив его возможности дышать, думать, существовать, вселенная свернулась и обратилась в упаковку презервативов, которые лежат на каждой прикассовой зоне...

Мы за безопасный секс...

— Так и будешь сидеть или поедешь к ней? — интересуется Митя. — Парализованный, — усмехаясь.

— А?

— Говорю, езжай к своим яблокам, доберусь я, раз такое дело, сейчас она себе такого напридумывает, что до конца лета не расхлебает... — и, выпрыгивая из машины, со смехом, — скажи, что ли, что это мой пакет!

Развернув машину практически на месте, он подъезжает к дому Егоровой, умиряя страх, а иначе никак он не может идентифицировать свое состояние, заходит, здоровается с самой Егоровой, что-то говорит, на что-то отвечает, пока она не показывает ему комнату, с закрытой дверью, вздыхая, что скорее всего опять включила свой компьютер и сидит в наушниках, вот и не выходит, спеша покидает дом, надо в огород до солнцепека.

Пройдя, Андрей видит обыкновенную комнату, обои с фиолетовыми цветами, тюль по всем окнам, которые сейчас открыты настежь, но не колыхнутся, ни единого ветерка на улице почти месяц. Обыкновенная комната в доме пожилой Егоровой, «все чистенько и нарядно»...

Как инородное тело — большой монитор на столе, как яркие штрихи — карандаши, след от пастели на скатерти, блокнот для рисования, папка с ручками для больших рисунков, как пришелец — планшет в ярко синем чехле на белой простыне. Простыне, где всхлипывают плечики, а маленький носик в веснушках направлен на стену...

Так... что говорят в таких случаях... Прости, это пакет брата? Прости, это не твое дело? Прости, я больше не буду? Выходи за меня? Какого чёрта, что это за слезы...?

Весь опыт общения Андрея с женщинами не дал ему ни малейшего понятия о том, что делать, когда маленькая девушка плачет по его вине, а в своей вине Андрей отчего-то не сомневался. Лиза плачет, этого вполне достаточно, чтобы быть виноватым...

Пипец тебе, по ходу, мужик...

— Лиза... — легко дотрагиваясь до слишком напряженного плечика, — маленькая... маленькая, прости меня...

Этого явно недостаточно. Что достаточно-то? Может, цветы... да тут весь двор в цветах! Подарить... надо было купить подарок... точно... карандаши цветные, что ли... Класс! неделю назад ты чуть не трахнул её, в машине, твои руки были в её трусах... и ка-ра-н-да-ши?! Да это пиздец какая ерунда! Что... маленькая... маленькая...

В какой-то момент Андрею показалось, что он попросту сейчас задохнется, попятившись к двери, он решил выйти, уйти отсюда...

А вот хрена лысого ты уйдешь. Плачет? Придумай что-нибудь. По твоей вине плачет! По какой, нафиг, моей вине? Я что, ей обещал что-то? Или обещал? Твою мать! Надо было держать свои руки при себе, она просто школьница! Маленькая девочка... маленькая... с маленьким девочками гарантированы проблемы...

Андрей не находит ничего лучше, чем просто лечь рядом с Лизой, прижав к себе её

испуганную спину. Не находит ничего лучше, чем просто гладить её по ножкам, по животу, по маленькому ушку, игнорируя ехидно улыбающегося плюшевого медведя в этом ушке. Не находит ничего лучше, чем тихо целовать затылок, равномерно покачивая Лизу, крепко прижав к себе.

— Расскажи мне... Расскажи, маленькая... — шепча в мишку, щекоча воздухом шейку.

— Что? — голосок злой и звонкий, но ведь не отстраняется, не убегает и не плачет, Андрей провел пальцем по личику.

— Не знаю, расскажи про Гонконг, ты была там?

На черта мне этот Гонконг... Говори, говори что-нибудь, маленькая...

— Была.

И Лиза рассказывает что-то, Андрей едва ли слышит половину, все, что имеет значение — это то, что маленькая говорит, все, что имеет значение, что плечики расслабились, а спинка уже не такая испуганная, все, что имеет значение — это аромат яблок, который становится все более насыщенным, врезаясь в нос, мозг и руки Андрея, которые в очередной раз отказались слушать команды этого самого мозга и теперь живут своей жизнью, забираясь под футболку Лизы, под кружево, под резинку малюсеньких шорт, притягивая к себе уже совсем по-другому, властно, жарко, ориентируясь уже на свое желание, которое становится практически невозможно контролировать и невозможно исполнить...

Никак невозможно... Сейчас невозможно...

Лиза юрко переворачивается в руках Андрея, встречаясь с ним глазами и в этот момент происходят две вещи:

Первое. Лизино побледневшее личико, отчего веснушки стали отчетливо видны, краснеет.

Второе. Глаза наливаются огромными слезами, которые через долю секунды выливаются на рубашку Андрея с отчаянным «прости-и-и».

Что? Что? А это что? Нет! Нет! Нет! Подождите, остановитесь, быстро, все слишком быстро... Маленькая, пожалуйста... мои мозги сейчас разлетятся на куски и съедут по фиолетовым обоям этой комнаты... Что происходит... Блять, чертовский черт... ЧТО ЭТО?

Рывком Андрей встает на колени, прямо на кровати, притягивает Лизу на себя, обвивая ей ноги вокруг себя и придерживая, одновременно поглаживая,

— Маленькая... маленькая... пожалуйста, пожалуйста, объясни мне, я не понимаю. За что прости? Откуда эти слезы? Маленькая... — аккуратно целуя в уголок губ, встречаясь с упрямым взглядом, — давай, маленькая, скажи мне.

— Прости меня за то, что я так отреагировала, мне надо было сдержаться, я всё понимаю, прости меня, вот, — на одном дыхании, как пионерскую речевку в старых фильмах.

— Хорошо, — растерянно глядя в личико маленькой...

Нифига не хорошо, потому что реально непонятно...

— А что ты «все понимаешь»? — улыбаясь, кажется нервно.

Маленькие девочки гарантируют не только проблемы, но и нервные тики... И запах яблок, и папиллярный рисунок на пальчиках... под языком... и «давай попробуем», и царапину на ноге... Нет, нет, Нет! Маленькая, ты не будешь прятать от меня свои красивые глазки...

Удерживая рукой лицо Лизы, удерживая глазами её взгляд:

— Ну?

— У тебя есть... потребности, — шепотом.

— Есть... у всех есть потребности... И?

— И я девственница, а не дура! У тебя есть потребности, поэтому ты ехал по своим Де-Ла-М, — морщась, — и поэтому там были... эти... презервативы, — выдохнув.

А так-то сразу и не скажешь... Знала бы ты, моя девственница — а -не — дура, какая потребность у меня самая основная... Вот она — моя потребность.

И губы Андрея накрывают губы маленькой в слишком откровенном, требовательном поцелуе, на который получает мгновенный ответ таких же слишком откровенных губ.

Заваливаясь на спину, позволяя расстегнуть свою рубашку, Андрей шепчет:

— Поехали.

— Куда? — поглаживая пальчиками по груди.

— Кто-то говорил, что тут нечего рисовать, что нет видов, — приподнимая маленькую, ставя на ноги на пол, — я обеспечу тебя видами, хватит на десяток лет, — подмигивая, ловя взгляд Лизы на...

О, нет... маленькая моя...

— Не этими видами, маленькая, не сейчас, но твоя заинтересованность мне льстит, — подмигивая.

— А когда?

Мать моя... ты чего творишь-то... я и без того держу свой контроль с большим трудом...

— Будет видно, обещаю... всё будет, как ты захочешь... — секунду помолчав, — и, Лиза, по поводу Тех потребностей, Тех потребностей больше нет, хорошо?

— Хорошо...

Андрей быстро помогает Лизе собрать её бесчисленные краски, карандаши, маркеры Интересно...они ей понадобятся?

и выходит, оставляя её одну в комнате, наверняка есть что-то, что ей нужно взять, и что бы она не хотела афишировать...

У женщин всегда столько барахла...у женщин, а у школьниц?

Ему приходится отпрашиваться маленькую у бабушки.

Даже забавно, отпрашиваться...надо же.

Невероятно, Егорова даже звонит её отцу за разрешением, которое, к счастью, получает после уверения, что Андрей — хороший парень из хорошей семьи и ничего такого...

Хм...ничего такого...А может, и вправду, ничего...Не хочу думать... Не могу думать... Хочу...

Потом Андрею предстоит заехать к себе, чтобы захватить свои вещи, и, немного смущаясь, он заводит Лизу во двор, где мать, как обычно, занимается чем-то стратегически важным для пропитания семьи, бегают Маша и Даша под зорким взглядом Тони, а отец сидит на стуле, уткнувшись в газету, которую якобы читает.

Оставляя маленькую во дворе, быстро забегаю в дом, хлопком двери понимаю, что он натворил. Что сейчас свалится на голову его маленькой девушки, когда быстро, на ходу сказал, что едет в горы «с ней». В ужасе выскакивая обратно, он видит мать, которая в немом, практически религиозном экстазе смотрит на Лизу, оставив все свои дела, молча присев на стул, сложив руки на коленях, а рядом, в таком же онемении, стоит отец, хмыкая, по обыкновению, в усы. Еще никогда до этого Андрей не приводил девушек домой, говоря, что поедет куда-то «с ней»... Никогда...Порой у него оставались на ночь женщины, но он старался выпроваживать их раньше, чем встанет мать, или, коротко познакомив, отвозил домой, всем своим видом показывая, чтобы Мария Степановна помалкивала, она и помалкивала, пока не появлялся Андрей и не клялся, что этого больше не повторится, и он, конечно, больше не станет водить в дом всяких шалав, и он, конечно же, скоро женится. Никогда до этого он не заводил среди бела дня за руку девушку, говоря, что собирается с ней куда-то поехать.

Андрей мог бы поклясться, что в голове Марии Степановны уже звучал вальс Мендельсона, и мысленно она прикидывала вес будущих внуков, глядя на бедра девушки, стоящей перед ней. Тоня, поймав полный ужаса взгляд Андрея, показала ему жестам, что у него есть пять минут, на большее её не хватит...

— Лииза, а что там Аня? Ты же подружка Ани, да? Давно я её не видела, — подхватывая под руку, отводя в сторону, по пути прося смелую Дашу рассказать Лизе стишок, а потом бабе, ей тоже хочется.

Бросая спортивную сумку в багажник машины, усаживая Лизу, он слышит Тонино нарочно громкое, с растяжкой, но не злобливое, с какой-то довольной улыбкой:

— Урожайный год на яблоки-то, да Андрей?

И только отъехав, он понимает, в каком состоянии находилась его мама, которая отпустила сына без багажника еды, усмехается, понимая, что разговора теперь не избежать.

Ну и хрен с ним...потом... все потом...

— Горы? Далеко?

Андрей удивленно смотрел на Лизу, насколько он знает, её мама отсюда родом, Лиза приезжала сюда раньше.

— Эй, отличница, посмотри в атлас, да, тут есть горы, маленькая, ты не была? Ни разу?

— Я не помню, не знаю, была, когда еще... — Лиза молчит какое-то время, опустив глаза, — а потом все перемешалось, я думала-это совсем далеко, действительно, надо же...

— Прости, Лиза.

— А? Нет, ничего, я привыкла уже, ты знаешь? Здесь все всё знают...

— Не все и не всё, — усмехаясь, вспоминая кредит на машину.

Солнце вступало в свои полноценные права, принеся с собой жар, духоту, ломоту в теле, покалывание пальцев, сухой воздух кондиционера, который не освобождал от безжалостных лучей, что били через стекло машины прямо в глаза, скользя по рукам, по сиденьям, по оголенным ножкам Лизы, по лицу, где цветной россыпью играли веснушки, удивляясь, смеясь, кружась под этим солнцем.

Андрею стало душно, душно от жары, которая стоит уже больше месяца и, кажется, только входит в свои права, душно от бесконечного воздуха кондиционера, который хоть и отлично работал, но не мог охладить жар в животе Андрея, поднимающийся и сдавливающий горло, когда Андрей видел периферическим зрением коленки Лизы, пальчики с яркими разноцветными ноготками, веснушку, которая выглядывала из выреза кофточки Лизы, когда она поворачивалась резко к окну или, в ребяческом нетерпении, к Андрею.

Выворачивая на нужную ему дорогу, практически задыхаясь от осознания жары, Андрей нажатием кнопки открывает все окна в машине, и горячий воздух врывается в лица, руки, коленки, широко открытые глаза Лизы.

Андрей давит на газ, наплевав на правила движения — здесь нет перекрестков, и плавным поворотом входит на участок дороги, окруженный со всех сторон лесом, густым, тенистым, кажется, даже непроходимым. В одно мгновение воздух в машине становится другим — влажным, насыщенным, прохладным, выгоняя из внутренностей машины и пассажиров жару, одаривая хвойным запахом, наряду с сыростью и другим солнцем.

Андрей ловит взгляд Лизы, ловит руку Лизы и, поднося к своему рту, аккуратно целует каждый пальчик, отмечая, что каждый ноготок покрашен лаком разного цвета, ладошка пахнет яблоками и еще чем-то, может прелыми листьями, что лежат под ногами деревьев, что изгнали жару из мыслей Андрея.

Трудно сказать, что гонит Андрея, заставляя давить на газ, вписываясь в крутые повороты, игнорируя знаки дорожного движения. Сегодня не день соблюдения правил.

Ехать недолго, серая лента асфальта вьётся, вьётся, огибает, обвивает горы, так же, как рука Андрея прямо сейчас обвивает руку Лизы.

Через тысячи «ай, как страшно», через тысячи «не бойся, маленькая», через тысячу взглядов, удивленных, восторженных, манящих, они приезжают на место назначения.

Заглушая автомобиль, закрывая окна, Андрей смотрит на группу немногочисленных туристов, которые в восторге фотографируются, как им кажется, на краю мира, выбирая ракурс лучше, меняя фокусы, позы и улыбки.

Он бывал здесь многие сотни раз, в детстве, когда он еще был убежденным поклонником Медной Горы Хозяйки, да, да. Он мечтал её найти, и дед привозил его сюда, не туда, где сейчас толпятся туристы, а чуть поодаль, на еле заметную тропку, только для

знающих путь в затерянный мир, отпуская мальчика вперед, зная, что детские ножки помнят каждый камень, каждую веточку, что останутся ровно там, куда ход одному, без крепкой, шершавой руки деда запрещен. Удивлялся ли дед такой влюбленности внука, умилялся или просто шел на поводу прихоти малыша, теперь уже никто не скажет. Но они искали и искали эту сказочную царевну, заходя дальше и дальше, взяв с собой рюкзаки и палатки, отправлялись с ночевкой, пройдя многие километры по одним и тем же тропам. В другом лесу, в других горах Медной Горы Хозяйка никак не могла прятаться.

Потом это стало просто видом на фотографии, просто местом, куда привозили родственников, чтобы они удивились, сделали пару красивых фотографий, спешили домой, к столу. Чаще всего ограничиваясь смотровой площадкой, где им казалось, что они находятся на краю мира.

Ну что... пойдём найдем эту царевну что ли... Посмотреть бы ей в глаза, подлюке...

— Пойдем? — голосок нетерпеливый.

— Пойдем... — и выводя Лизу из машины, встречаясь с прохладным ветром, он не может удержаться и целует маленькую веснушку.

Мою любимую... извращенец, что возьмешь...

— Пойдем...

Сквозь папоротники, по узкой тропинке, задевая пальчиками кору старых сосен, по серым камням, вверх, выше и выше, пока под ногами в босоножках не появился скользкий камень, серый, сквозь который росли цветы, невесомого оттенка. И юркие, ярко зеленые ящерки разбегались, чувствуя шаги человека. Одна из ящерок, наверное, была той самой Медной Горы Хозяйкой, настолько ярким был её узор.

Лиза смотрела огромными глазами, не говоря ничего. Подводя её к самому краю спиной, держа крепко, внимательно смотря под её ноги, чтобы не споткнулась, не разрешая повернуть голову в сторону обрыва, ловя её взгляд на своих губах, Андрей, поворачивая её, шепчет:

— Смотри, — держа за талию, прижимая к себе, — тебе хватит вида?

Огромная панорама неба, сколько хватает глаз и дальше, возвышается над зелеными лугами, которые перекатываются, лежат внизу, растянувшись разными оттенками зеленого, а потом убегают в небо белыми шапками снега.

Синим было небо, без облаков, потому что облака остались ниже, синими были глаза Лизы, которая нагибалась то влево, то вправо, то приседала, то шагала в сторону и все её движение, всё её дыхание, будто в отражении зеркала, повторял Андрей, все так же держа за талию.

— Что там?

— Где, маленькая?

— Воон, смотри, это озеро?

Андрей, улыбаясь в макушку Лизы:

— Не знаю... можно дойти... посмотреть.

— Хочу! Пошли!

— Далеко Лиза, устанешь.

— Очень далеко? — с разочарованием.

— Хм, часа за два-три управимся, пойдём, маленькая.

Это было вовсе не сложно, был спуск, почти удобный, были цветы — яркие, разные, были ящерки, одна из которых Хозяйка Горы Медной, видимо, почуяв в Лизе соперницу,

увидев в её глазах отражение чего-то, спешила пробежать впереди, а может она просто показывала дорогу. Была высокая трава, очень высокая, заканчивающаяся на окраине реликтового леса, была причудливая кора деревьев на кромке этого леса. И был сам лес, темный, переливающийся всеми оттенками зеленого, изумрудного, мягкого, и было не видно неба, настолько высоки деревья, уходящие ввысь, встречающиеся на самой кромке, шепча, целуясь, удивляясь маленьким человечкам у их изножья.

Так и Андрею хотелось шептать, целовать, приворожить его маленькую девушку навсегда, оставить в этом заколдованном лесу, не отдавать, не показывать, приручить...

Андрей снимает босоножки с ног Лизы, стоя перед малюсеньким ручейком, где по камням перекачивается кристальная вода, поднимает Лизу, хочет перенести, а возможно, хочет ощутить запах яблок ближе, слишком сильные ароматы примешиваются к его яблокам — ветра, зелени и неба.

— Эй, я сама дойду!

— Дойдешь...

— Поставь меня! Сейчас же!

— Нет, маленькая, неет.

— Поставь, поставь меня, — а руки уже в волосах, губы пробегаются по краешку этих волос, — поставь.

— Ладно, — с хитрой улыбкой, — ставлю...

И оп-па, бегут мурашки, вода ледяная, снег так близко...

— Холодно, маленькая?

— Нет, — и упрямо шлепая по камушкам, держась за руку Андрея.

Андрей грел в ладонях ноги Лизы больше, чем это требовалось, его руки поднимались выше до коленок, выше по внутренней стороне бедра, по бедрам, по животу, к шейке, невесомо целуя, пока она ложилась на мягкую траву под его настойчивыми руками, пока поцелуй не перестал быть невесомым, пока дыхание не сбилось, и где-то на краю сознания он услышал:

— Здесь.

— Что?

— Давай здесь.

О...нет...нет...маленькая...как...черт...нет... Точно нет...Или да...Нет же, это точно не это место...да... хочу... хочу тебя, маленькая.

— Ты хотела дойти до озера, мы не успеем...

— Плевать на озеро, — целуя губы Андрей, — плевать на озеро...плевать...

Плевать на озеро...Хочу...Хочу...

Как метроном в ушах «хочу».

Это невозможно!

— Пойдем, маленькая...рядом...все рядом... — поднимая маленькую, надевая обувь.

Андрей увидел высокие заросли травы, улыбнувшись, дал девочке подбежать к озеру, медленно идя следом, обнимает её, смотря на воду.

— Это просто лужа...

Обиделась маленькая...

— Это большая лужа, маленькая.

— Это большая, грязная лужа.

— Да, это большая, грязная лужа, посередине альпийского луга.

— Ты знал, — не вопрос, утверждение.

— Знал, — целуя макушку.

— Знал и не сказал... — вздыхая.

Обойдя Лизу, приседая на камень у ног, сажая на колени.

— Ты бы поверила?

— Поверила.

— И не пошла?

— И не пошла.

— А потом, потом ты бы думала, что, может, там все же озеро, а, может, за этим озером еще одно..., а, может, я ошибся, думала?

— Думала, — вздыхая, широко открыв глаза цвета неба.

— Теперь ты знаешь, что это просто лужа.

— Это большая лужа.

— И что ты видишь еще, маленькая?

Лиза задумчиво смотрит в сторону...

— Цвет, много цвета...много неба, деревья, там, вдали горы, синие цветы, желтые цветы... снег вон там, тебя... — дыхание останавливается, а потом скачет неровно и громко.

— Видишь, если бы ты не пошла, как много всего не увидела, иногда по пути к большой грязной луже можно увидеть очень многое, маленькая... Может, лужа не имеет значения, — продолжая целовать, — может, стоит дойти до этой лужи, чтобы увидеть что-то еще...К тому же, эта лужа чертовски очаровательная, — смеясь, — посмотри, она круглая, как блин.

И Лиза смеется, забавные веснушки подпрыгивают, когда ладони закрывают лицо, а потом эти же ладошки бегут по лицу Андрея, обводя его, скрываясь в волосах, притягивая к себе...

На обратном пути девушка почти засыпает, но старательно морщит нос, говоря, что не устала.

Устала, маленькая...устала...спи...

На обратном пути Андрею некуда спешить, мотор возмущается и недовольно урчит, только Андрей все равно едет медленно, опасаясь резких поворотов отчего-то...

60 километров, так 60...потерпишь.

Так они и ехали, мотор возмущался, Андрей молчал, а Лиза спала, прикрыв веснушку.

Могла бы и оставить посмотреть...

Лиза не проснулась, когда Андрей тихо вышел у магазина, поставив беззвучно машину на сигнализацию, не проснулась, когда они переехали старый мост у извилины двух рек, не проснулась, когда машина перестала ворчать обиженным мотором, останавливаясь на небольшом лугу, где трава достигала пояса Андрея, а маленькой была и вовсе по грудь, где пестрили разными красками цветы и удушающий терпкий аромат горных трав, он был настолько интенсивный, что если бы не дыхание реки у изножья луга, можно задохнуться.

— Лиза...Лиза, — дует в ушко.

Захлебнись, плюшевый, чего глаз шуришь? Моя теперь...

— Просыпайся, соня.

Проснулась, удивилась, потянулась.

— Где мы?

— В лесу, надо полагать.

— Зачем?

Ах ты лиса...

— Будем тебя будить.

— Ооооо...

— Дааааааа, — с придыханием, быстро целуя губы, — пошли...пойдем же, маленькая... маленькая... Ты испугалась? — обнимая, — глупая, пойдем, мы будем купаться в реке.

— Не испугалась!

— Хорошо, ты не испугалась, все так, как хочешь ты...помнишь...Как...Ты...Хочешь... Так ты идешь?

— Сейчас, мне нужен купальник, подожди.

Отодвинув в сторону планку кофточка, пробегая по кружеву, целуя под кружевом:

— Не нужен. Тебя никто не увидит, только я...

А я хочу тебя видеть...Просто хочу...

Оставив Лизу на берегу строгим «не входи в воду без меня!», Андрей идет дальше по берегу, забираясь на валуны, прыгая в стремительный поток прозрачной, невероятно голубой воды, которая обжигает, стягивает, душит, потом отпускает и дает выдохнуть, вдохнуть полной грудью. Главное, быстро грести к берегу, где стоит маленькая, кутаясь в полотенце, пробуя пальчиками ноги воду — ледяная, снег так близко.

— Иди сюда, Лиза, держись за руку, не пугайся, течение очень сильное.

А что так хитро смотрим?

Сбрасывая полотенце, медленно спуская по плечам, бедрам, опуская волной на каменистый берег.

Твою мать! Это что? Что это? Т Охренеть...Школьницы не носят такого...Не могут... Школьницы играют в классики и рисуют пастелью...Стой, стой...лучше бы тебе не двигаться сейчас! Не на меня! Лучше бы мне в воду...Да! С головой, нахрен! Лет на сто!

Те прозрачные трусики, которые чуть больше недели назад держал в руках Андрей, удивляясь, были образцом целомудрия, это был строгий монашеский наряд по сравнению с этим кружевом, настолько тонким, манящим, что даже срывать его было бы грешно, казалось: подуей сильней и порвется, как паутинка на ветках яблони.

Когда вода стала из обжигающе ледяной настолько горячей?

Ну, держись, маленькая девочка в кружевах.

Подхватывая Лизу, кружа, шепча «зажми носик», прыгая с ней в обжигающую воду, ловя её испуганные руки, хватающиеся за шею Андрея.

Вооооооттттт, в следующий раз будешь в обычном купальнике...или без...В следующий? Следующий...лето кончается не завтра, маленькая.

— Проснулась?

— Да!

— Замерзла... — накидывая полотенце, растирая плечи. — Пойдем к машине.

Поднимаясь по узенькой каменистой тропке навстречу удушающему аромату горных трав, Андрей понимал, что до машины они не дойдут, не сейчас. Запах яблок, смешанный с запахом цветов, леса и неба, становился невыносимо тяжелым, скручиваясь, отправляя горячие волны от головы к ногам, останавливаясь где-то в области живота.

Эта тяжесть давит Андрея к земле в окружении высоких трав, и, бросая полотенце, он утягивает на это самое полотенце Лизу, целуя хаотично, рвано, неконтролируемо.

Ох, маленькая, зачем же ты надела эти трусики...Сидела бы сейчас в машине...

Теперь ложись...давай...так...Боже...Вон эти паутинки...нам они не нужны...сверху не

нужны, снизу не нужны...Прочь...

Хаотичные движения губ и рук вскоре превращаются в настойчивые, из настойчивых в легкие, Андрей точно знает, что он хочет, что он может и что из этого себе позволит.

Позволяя своим рукам скользить по телу, задевая соски, он встает между ног Лизы, ловя её взгляд, смущающийся? испуганный? Проводя по внутренней стороне бедра горячими ладонями, накрывая её тело своим, шепчет влажными губами:

— Не сейчас.

— Не сейчас?

— Не сейчас, — продолжая целовать рядом с ушком, за ушком, за растерявшимся плюшевым мишкой, — Лиза, я не сделаю тебе больно...не сейчас...

— Не сейчас, — как замороженная.

Я хочу приворожить тебя, моя маленькая девочка... Я хочу тебя, моя маленькая...

Проведя рукой по животу, ниже живота, настойчиво разводя ноги, едва задевая клитор, опуская палец в уже слишком горячую плоть:

— Лиза, ты помнишь? Это не больно...Я не сделаю тебе больно, я не сделаю тебе неприятно... — придавливая ножку к земле, — Лиза, посмотри на меня, посмотри...мне надо это сделать, надо...я не могу этого не сделать...Но если тебе станет страшно, ты можешь меня остановить. В любой момент. Хорошо? Просто позволь мне...Разреши... Попробуй...Да, маленькая?

Непонимающий взгляд и выдох «Да».

Пока руки мягко держат ноги, разведя их в стороны, губы скользят по телу, останавливаясь на веснушке — вкусно, кружа вокруг пупка — сладко, найдя губами, а потом и языком маленький комочек — цель.

Ооооооооууу, поняла, маленькая...не бойся...ну же, расслабь ножки...давай маленькая...

Ноги дергаются, сжимаются, боятся...Попка отползает куда-то...

Эй, у меня не четыре руки...Хорошо...Хорошо...

Приподнимаясь, оставляя по пути рваные поцелуи, дойдя для плюшевого мишки, оставив палец там, где он и был...

— Лиза, тебе так приятно?

Пробежался пальцами по складочкам.

Ну вот...приятно...я же знаю, что приятно...

— А так?

Проведя языком по губам, по зубкам, самым беспардонным образом заявляя права своего языка на сладкий ротик.

И так приятно...ну же...

— Мы просто попробуем, лежи спокойно, давай...ну? Да?

Глаза в глаза...

И как бы отказались...мы бы не отказались...маленькая...

И снова-губы скользят по телу, останавливаясь на веснушке — вкусно, кружа вокруг пупка — сладко, найдя губами, а потом и языком маленький комочек — цель. Придерживая мягко, изучая, сканируя, запоминая, под тихое «аай», под всхлип, под крик, который сорвался высоко, выше травы с желтыми цветами, закрывающим их от внешнего мира, выше деревьев, дальше реки.

Реки, в которую сейчас жизненно необходимо было прыгнуть Андрею, в ледяную

бурлящую воду, сразу, с ходу, пока он дышит в шейку, в мишку, а в ушах с параболической скоростью бежит кровь.

Твою мать...блять...кто-нибудь...пристрелите меня...не-вы-но-си-мо

— А ты? — очень тихо.

А мы тут примус починяем, ага...

— Что я?

А мы не понимаем вопроса, ага...

— Я бы могла...ну...

— Что бы ты могла, маленькая, ууу... — подтягивая ближе, выводя круги на животе.

Вот только не говори мне, что у тебя большой опыт в оральном сексе, потому что это не так...твою...она бы могла...могла бы она...могла...ну, кое что ты можешь...

Смотря на её ладонь на своем животе, ниже живота, шипя, накрывая её пальцы своей рукой, разбивая своё сознание на миллиарды микрочастиц.

Выезжая на извилистую дорогу, поворачивая резко влево, а не вправо, туда, где дом, с улыбкой ловит удивленное:

— Эй, дом не в той стороне.

— Ты уверена, Лиза?

— Нет! Но точно не там, — рукой в лобовой стекло.

— Боишься? Завезу и брошу маленькую... — подмигивая.

— Не бросишь...

— Не-а, не брошу.

— Нам надо поесть, Лиза, тут хорошее кафе, видишь, все просто, никаких страшных серых волков, — останавливаясь на обочине рядом с кафе с тенистой террасой, — никаких съеденных красных шапочек...хотя... — шепотом, — есть одно местечко, которое бы серый волк откусал еще раз, — смотря на румянец, поднимающийся по шее, — вообще-то не одно местечко, я бы съел тебя всю, — прижимая, щечка, улыбаясь, удивляясь, целуя веснушку.

— Маленькая, почему ты не ешь, у?

— Не хочу, — и румянец.

Вот...скажи мне...съесть бы этот румянец...но что-то же случилось...что? Маленькая... с маленькими девочками всегда проблемы...

— Хорошо, иди-ка в машину, я сейчас.

Аккуратно поставив пакеты с контейнерами, Андрей смотрел на Лизу, внимательно, изучающее, молча.

— Ты скажешь?

— Меня тошнит...

— Это оттого, что ты не ела целый день, мороженое не считается — это не еда, сейчас мы поедем, не в машине, значит в лесу...где захочешь ты, мест много, хорошо? Еще?

Быстрый шепот на ухо.

О, боже, маленькая...ну нет же...нет...глупенькая маленькая девочка...поздно ты спохватилась...и что только творится в голове школьницы...

— Тебе не должно быть стыдно. Никогда. Понимаешь? Все просто...мне же не стыдно, — целуя, — забудь это слово...маленькая.

— Ну, тогда поехали, я хочу есть!

Упс, вот это переход, ну...поехали.

— Андрей?

— Лиза?

— Ты собираешься...эм...решить мою проблему?

— Любые проблемы, маленькая, какая у тебя проблема?

— Девственность. Ты. Собираешься. Решить. Эту. Проблему.

Черт, маленькая... вот это...да, я собираюсь, уверен, что собираюсь, пусть Будда перевернется, если я не решу эту проблему...определенно...в ближайшем будущем...или я не смогу ходить...

— Собираюсь, — давя на газ.

— Когда?

— А когда ты хочешь?

— Сейчас.

Нога давит на газ сильнее.

— Сейчас не получится, мы на скорости больше ста километров, на горной дороге, это было бы опрометчиво с моей стороны.

Отшутиться, походу, не получится...Ходить тоже... где же ты, душ в конце огорода!

— Сегодня!

— Сегодня?

Черт. Черт. Черт...Нет! Нет... нет! Да...Почему нет? Да...Сегодня, завтра...какая и черту разница...

— Сегодня!

— Хорошо, я говорил, все будет так, Как Хочешь Ты.

Резко поворачивая руль, въезжая на тихую улочку, перекатываясь на кочках, мимо домов, больших и маленьких, соседствующих сарайчиков и новых, с претензией на фешенебельность построек, останавливаясь в конце улицы, перед металлической оградой, которая плавно отъезжает в сторону, пропуская автомобиль, под удивленным взглядом мишек.

Выпрыгивая из машины, ошарашено глядя по сторонам, на небольшой дом, на тенистый навес, на траву, на гору, что возвышается за домом.

— Что это?

— Это дом, Лиза, — усмехаясь.

— Твой дом?

— Ну...фактически...да...

Синие глаза, с прожилками карего у зрачка, удивленно смотрят, моргают, хмурятся.

— Что, прикидываешь, сколько остается денег после выплаты кредита за машину, чтобы хватило на дом?

— Я знаю, что ты не водитель...Спросила.

— Я польщен, чертовски, ты мной интересуешься, маленькая — улыбаясь, — это дом моего деда, он оставил его мне, я просто отремонтировал его, поэтому он не выглядит таким уж старым...на самом деле, это как бы общий дом, но приезжаю в основном я... Пойдем, ты сказала «сегодня». Я весь твой, маленькая, — целуя полушутя, полусерьезно, легко касаясь губ, опасаясь дать себе волю, — но сначала ты поешь. Считаю это моим условием.

Включая везде свет, оставляя Лизу оглядеться в доме, Андрей идет в котельную, чтобы включить горячую воду и найти убежище для собственного страха, который сковал не только живот, но и руки, сделав ватными, и ноги, которые не подгибались только потому, что

привыкли твердо стоять на этой земле.

Так...так...без паники.....

Какое, нахрен, без паники...дышать...что там про счет десять говорится...

Раз...какого хрена ты обещал это школьнице?

Два...какого хрена я не должен был обещать?

Три...ты имеешь представление, как это делается?

Четыре...дебил! Конечно, ты имеешь представление!.

Пять...Представление о боли...Представление... Не избежать...Или избежать...должны быть варианты...общий наркоз еще вспомни, раньше надо было думать, когда вез её сюда, когда руки свои распускал...черт, черт, ЧЕРТ!

Шесть...твою маковку, а если что-то пойдет не так... Маленькая... она маленькая... больница, где тут больница... реанимобиль еще вызови. Для себя, придурок не умеющий держать свои руки при себе.

Семь...Я хочу её.

Восемь...Я хочу её!

Девять...Я хочу её, БЛЯТЬ!

Десять...Если этого хочет она. Все Как Хочешь Ты, маленькая...

Через время тишины, опущенных глаз, время неуверенных вздохов и прикушенных губ, Андрей заводит Лизу в спальню, спокойно подводя её к большой кровати.

— Здесь?

— Здесь, — целуя каждый миллиметр, открывающийся под пальцами, которые с неторопливой нежностью пробегают по телу девушки.

— Лиза, это...будет болезненно, ты знаешь?

— Знаю...

— Ты можешь остановиться, — продолжая целовать, укладывая на кровать уже без кофточки, без кружев, уделяя особое внимание веснушке- вкусно и соскам- сладко.

— Знаю...

— Ты знаешь... — продолжая целовать, даря нежный поцелуй, который как-то сам собой переходит в невероятный по силе воздействия, чувственный поцелуй, отчего по телу Андрея пробегает дрожь, от невозможности двинуться дальше, быстрее, как нужно ему, как невероятно хочется.

Через время, ушедшее на облюбование, обцеловывание каждой веснушки, каждого вдоха, папиллярного рисунка на пальчиках, горошин сосков, тонкой талии, от которой невозможно оторваться. Через сотни «красивая, ты красивая», через тысячи «маленькая», «моя маленькая храбрая девочка», через глубокое дыхание и расширенные зрачки, как при наркотическом опьянении, Андрей входит, придерживая бедра маленькой, ловя её дыхание, ставшее поверхностным и рваным, сцеловывая слезы со вкусом яблок, двигаясь максимально медленно, так, что это приносит практически боль. Боль от движения, боль от осознания, боль от вкуса яблок под его языком. Понимая, что останавливаться сейчас нет смысла, рисуя на бедрах, животе, груди замысловатые узоры, пока не приходит осознание, точка невозврата, пока по венам не проносится тропический шторм, и со словами «прости» Андрей делает малоконтролируемые им толчки, унося его в бессознательное, оставляя на поверхности лишь рваный вздох и веснушку, что нашла свое пристанище между маленькими грудками с горошинками сосков.

Моя маленькая... моя красивая...моя девочка.....моя...

Убедившись, что Лиза крепко уснула, дав на всякий случай таблетку обезболивающего, смыв немного крови с ног, Андрей выходит во двор старого дедовского дома и в бессилии опускается на землю, долго смотря на звезды, которые отсюда кажутся еще ближе, тяжелее, пронзительней. Проведя рукой по мягкой траве, он задерживает дыхание, и именно в этот момент время делает кувырок, и Андрей остро осознает, что оно начинает ускользать у него между пальцев.

Время, время ускользало от Андрея, бежало стремительно, лишь изредка останавливая свой бег, бежало, как разделительная полоса, вдоль которой ехал Андрей, улыбаясь маленькой, которая сидела рядом, подняв руки вверх, играя с тенью от солнца.

Лиза никогда не сидела ровно, она подкладывала одну ногу под попу, а то и две, порой вытягивала их на торпеду или, как сейчас, облакачивалась головой на плечо Андрея, смотрела на улицу, на стремительно пролетающие поля подсолнечника за окном.

Время ускользало от Андрея — полем, слившимся в одно желтое пятно, прерывистой полосой, ставшей сплошной. Время ускользало, дразня веснушкой, синими глазами, которые смотрели открыто и прямо в глаза Андрея, задевая, лаская, убаюкивая что-то в солнечном сплетении, ногами, которые вставали на носочки, когда розовые губы шептали в губы Андрея, быстро и доверчиво.

Время ускользало, когда Андрей нагибался, ловя этот шепот, а потом, словно устав стоять нагнувшись, поднимал Лизу одной рукой, прижимая к себе, проводя губами по губам, к ушку, за ушком, поправляя волосы, упавшие на лицо маленькой, принимая с благодарностью руки, заблудившиеся в его волосах.

— Андрей? — голосок выдернул из мыслей.

— Лиза?

— Андрей!

— Лиза!

— Я думаю...

— О чем ты думаешь? — поглядывая на улыбающуюся девушку, которая повернулась к нему лицом, оставив свои игры с солнцем.

— Твой автомобиль обижается на меня...

— Ох, это ужасно, ты уверена в этом?

— Да, твой не-самый-дорогой-зато-большой-и-удобный-автомобиль обижается на меня! — задумчиво проведя по торпедке рукой, — я уверена в этом, сегодня он таааак на меня смотрел... обижено. Мне бы не хотелось, что бы он держал на меня зло.

— Это было бы прискорбно, не догадываешься, в чем твоя вина?

— Я так и не объездила его.

Упс. Маленькая, а чего у нас шейка краснеет? Продолжай... Мне нравится направление твоих мыслей, и твоя шейка, и то, что ниже... и то, что значительно ниже... Черт.

— Это ужасное упущение с твоей стороны, маленькая. Уверен, у тебя еще есть шанс исправить ситуацию... Думаю, тебе надо как-то загладить свою вину. У тебя есть идеи?

Свернув с дороги на проселочную, дальше и дальше, рядом с лесополосой в тень, отстегнув Лизу, проводя по её руке пальцами, пробегаясь выше, к откинутой молчаливой шейке, дергая на себя, позволяя быстро запрыгнуть на него, ловя губами губы, быстро отбрасывая сидение назад.

Позволяя целовать себя быстро, влажно, играть с губами, расстегивать рубашку, легко царапая.

Сдерживая себя, дыша глубоко, притягивая к себе ближе, но так, чтобы в любой момент она могла извернуться, передумать, испугаться...

Прошло не так много времени с их первой ночи, когда Лиза подарила себя, и Андрей отчетливо помнил вкус яблок под своим языком.

Последующая близость всегда носила привкус горечи вкупе со сладостью. Сладостью поцелуев, заблудившихся пальчиков, царапающих ноготков. Всегда, всегда Андрей сдерживался, опасаясь давить слишком сильно, настаивать, придерживая, направляя, теряясь в сладкой патоке тягучих движений.

И эта невозможность двигаться с его скоростью, подчиняться его страсти, его силе, его желанию овладеть тут же — рвано, глубоко, на грани с жестокостью, врезаясь сильно, отчаянно скручивала внутренности, ломала кости, запястья рук, которые двигались по телу Лизы заморожено медленно, играя с собственной настойчивостью в игры.

— Моя маленькая девочка... — проводя по ножкам, что оседлали его, — ловя губами дыхание, проведя языком по этому дыханию, давая волю этому языку, расстегивая платье, найдя свободную от кружев грудь, задев горошинки, углубляя поцелуй, скрутив соски, с удовольствием услышав «аах», прижимая к себе настойчиво, властно, борясь сам с собой, чтобы не сорваться тут же, не ворваться, не взять...

Пока его руки беззастенчиво снимают трусики, проводя по складочкам, находя самое сладкое местечко, углубляясь, её руки проворно и с такой же беззастенчивостью снимают брюки, белье, стягивают вниз, сбрасывая к педалям машины.

Какая нетерпеливая... подожди... дай себе время...

Кружа, дразня, помня маленькие хитрости, маленькие точки, не боясь входя пальцем, ловя её взгляд, её покачивания бедрами, учащающаяся дыхание...

Её рука оборачивает, гладит, направляет.

— Подожди, маленькая, подожди...

— Не хочу ждать...

Да... к черту ждать... возьми... вбери..... хочу...

— Лиза, послушай меня...

— Не хочу слушать... — направляя ровно в себя, вздрагивая, приостанавливаясь...

— Хорошо... сама, давай сама, — придерживая, направляя, корректируя угол так, чтобы было легче.

Тесно..... невероятно... надо дальше... глубже..... к черту...

Аккуратно, моя нетерпеливая девочка... чёрт...

Поощряя движениями бедер, удерживая от резких движений, смотря в глаза...

— Смотри на меня, смотри... чувствуй... сейчас.

Наблюдая за расширенными зрачками, за испариной на лбу, нажимая, уже настаивая, поглаживая, успокаивая, давя сильнее, настойчивей, на всю длину.

— Больно?

— Нет.

Врушка.....

Покачиваясь медленно, поглаживая пальцами клитор...

Направляя бедра, приподнимая и опуская на все длину медленно.

Слишком медленно... надо сильнее..... надо...

Продолжая в том же ритме, срываясь, начиная двигаться быстро, агрессивно, давя, держа, принуждая...

Кружа рукой по клитору, обнаглев вконец, проведя пальцем по другой, запретной дырочке, вцепившись зубами в сосок, в губы, в шею, ловя крик, сдавливание, пульсацию,

отправляя себя к чертям собачьим со всей своей осторожностью, потому что невозможно, слишком жарко, тесно, плотно, слишком сильный аромат яблок пробегает по артериям, взрываясь, находя освобождение.

Тихо... Тихо... давай аккуратно..... непривычно тебе... непривычно...

Андрей мало что мог поделать с ощущением ускользающего времени, точно так же, как и мало что мог поделать с ревностью, которая бурлила в нем постоянно, практически снедая остатки здравого смысла в его сознании.

Он почти взорвался, когда придя на «их» место на озере, нашел Лизу не одну, а в компании ребят. Очевидно, не было ничего криминального в том, что Лиза общалась с другими людьми, она дружила с Анькой, дружила с её толстой подружкой, естественно, в компании были парни.

Только ничего естественного в том, как Лиза прыгала со сплетенных рук двух парней, ныряя в воду, Андрей не видел. То, что это было извечной забавой — встать вдвоем и в четыре руки подбрасывать девчонок в воду, Андрей знал. В том, что тот же патлатый подбрасывал Аньку и её подружку, которые веселым, смеющимся кульком падали в воду, поднимая брызги, не было ничего необычного. Но вот в том, что Лиза вставала на сплетенные руки, облакачиваясь на плечи, потом, выпрямляясь по струнке, ловя равновесие, прыгала в воду, выныривая, придерживая купальник или то, что можно было бы назвать этим — было очень криминально. Очень.

Этот патлатый успевал осмотреть все прелести Лизы, пока она карабкалась на их руки и, облизнув губы, бросить её в воду.

Тварюга патлая... смотрю ноги лишние.

Одним прыжком оказавшись в воде, схватив Лизу, прижав к своей груди, прошептал прямо в губы:

— Это что было? Маленькая? Ну-ка, расскажи-ка мне, может, я чего-то не понимаю?

— Что это было? — так же в губы, держась руками за плечи, прямо на виду ошалевшей Аньки и патлатого.

— Ты не будешь больше прыгать так!

— Почему?

— Потому что.

— Очень информативно, мистер Очевидность, — прямо в губы.

— Лиза, ты идешь? — патлатый.

Охереть..... конец тебе, парень... Идет она... Как ты в воду сейчас серанул...

— Лиза?

На редкость недогадливый.....

— Ты, блять, что-то попутал? А?

— Чееего?

Этот глест мелкий залупается? Если я сейчас его покалечу... А я это сделаю, мать твою...

— Ань, или ты уберешь отсюда этого... или...

Аня, знавшая Андрея всю свою жизнь, знавшая его, когда была еще крошкой, а он, злясь, откручивал головы её куклам, быстро соображает, что лучше уйти... сейчас, утащила патлатого, что-то говоря ему на ходу, оборачиваясь, смотря в удивлении то на Андрея, то на Лизу, которая, уткнувшись в плечо Андрея, прятала лицо.

— Ты ревнуешь.

— Нет, не ревную.

— Ревнуешь.

— Нет, пока не ревную. Пока, Лиза.

Ну... ноги у него не из задницы торчат, так что ревностью это считать не можем.

— Но, как же я буду прыгать в воду? — очевидно дразня.

— Хочешь прыгнуть? — поднимая высоко, раскручивает и тут же бросает на глубину, смотря на испуганный всплеск руками, выдергивая из воды одним рывком.

— Бойся своих желаний, слышала такое?

Лиза, прижавшись всем телом, практически вдавив себя, шепчет:

— Не боюсь...

Они проводили все свободное время Андрея вместе. Отвозя её в живописные места, он наблюдал за её порхающими над листом бумаги руками, пока его терпению не приходил конец, и он не откладывал рисунки в сторону аккуратной стопкой, притягивая Лизу к себе, целуя легко, пробегаясь руками по спине, снимая лишнее, дразня, даря, наслаждаясь.

Сегодня был канун дня рождения Марии Степановны, и Андрей, зная, что завтра он будет занят целый день, и нет никакой возможности уйти от своих обязанностей, отвез Лизу на старую дамбу, где она, по обыкновению, рисовала.

Ей нужно было сдать какое-то ужасающее количество рисунков, а Андрей просто смотрел, наблюдая, как ускользает время, борясь со своей ревностью к этому времени.

В тот день, когда Андрей вернулся из дедова старого дома, его ждал разговор, тот самый разговор с матерью, от которого не было смысла отворачиваться и который прошел совсем не так, как он предполагал.

— Лизавета, значит?

— Лиза.

— И о чем ты думал?

— О чем я, по-твоему, думал? — начиная раздражаться от очевидной правоты матери.

— Она же девчонка совсем! Да что же, не мог найти постарше, чтобы школу Хотя Бы закончила? Что ты теперь делать-то собираешься? А? Я тебя спрашиваю.

Если бы у Андрея была хоть одна, хоть какая-то мысль о том, что он собирается теперь делать, он бы ответил...

— Ты... женишься?

— Я... я... не... — отчего Андрею стало невыносимо вести дальше этот диалог, невыносимо отвечать на вопросы, на которые он сам не знал ответы, вопросы, которые жалят, как осы.

— Что ты его дергаешь, мать? — Роман Никодимович. — Вишь, на парне лица нет, ничего, годок пройдет, отучится, сыграем свадьбу... все по-людски чтобы.

— Да кто ж её отдаст за Андрея-то нашего? Отец её? Ты вспомни... ты подумай... Ох, господи, позор-то какой. Да что ж тебя все из крайности в крайность бросает, бестолочь ты!

— Чего ж не отдаст-то, что мы нелюди?

— Да ты посмотри на неё, она ж куклёнок, как есть куклёнок!

Весь этот разговор Андрей молчал, не имея сил возразить, не зная, что ответить на упреки матери, смотря исподлобья, решил просто уйти, чтобы не слышать...

— Оставь его мать, не видишь...

— Да вижу я, Рома, вижу! Ох, ты господи, горе-то какое... да что же это... сглазили нас, Рома, сглазили, — утирая слезы уголком фартука.

В тот день Мария Степановна, одевшись нарядней, выбрав платок, отправилась в церковь. Она не была верующей, скорей суеверной, как всякая женщина остро чувствующая боль своих детей, боль, которую они еще не осознавали, искала помощи у внешних сил, не видя, не ощущая в себе этой силы, когда как она была заключена в крепких руках, поднявших трех сыновей, ласковый руках, балующих внуков, во все подмечающем взгляде и извечном материнском страхе за своих детей.

Еще было остро воспоминание, как Серега, средний её сын, всегда отличающийся легким нравом, расстался со своей Мариной-Маришкой, веселой девчушкой с золотистыми кудрями. Расстался по своей вине и глупости, так и не простив себя, не позволив Маришке простить его, став в одночасье хмурым, малоразговорчивым, смурным...

Сколько слез пролила Мария Степановна, сколько поклонов набила в старой церквушке не знает никто, даже Роман Никодимович, но отошел Серега... ожил, привел в дом Викторину — красивую какой-то холодной, чужой красотой, статную, молчаливую и, казалось, высокомерную, но стоявшую рядом с мужем, державшая его за руку, с молчаливым согласием вступающая в их уклад, родившую двух ребятишек на радость Сереге и дедам.

Викторина так и не стала для них родной, да и по всему было видно, что не хотела, но Мария Степановна уважала свою среднюю невестку, а, возможно, даже и побаивалась иногда, таким холодом веяло от неё. Только какое это имело значение, если Серега ожил... Большого и желать-то грешно, думала Мария Степановна.

У старшего Митьки тоже не сложилось с первой женой, уехала, увезя внука Колю, по которому скучала Мария Степановна, отправляя посылки, а порой и деньги на имя бывшей невестки.

А теперь она отчетливо увидела этот потерянный взгляд у Андрея, своего младшего, самого шалопутного и самого любимого, что греха таить, сына.

— Сглазили нас, Рома, сглазили, — быстро приговаривала Мария Степановна.

Андрей не придавал значения реакции матери, её вздохам, он эгоистично был рад тому, что ему больше не задают неудобных вопросов, как бы смирившись с положением дел, с тем положением, с которым Андрей сам мог смириться не без труда и усилий.

Мария Степановна на ногах с самого утра, встав еще засветло, она начала суетиться на кухне, столько надо было приготовить, сделать, накрыть, угостить. Так же, с самого утра стали подтягиваться сыновья с семьями, привозя с собой шум и топот детских ножек по дому и во дворе, когда детские ручонки, в незамысловатой попытке помочь, роняли, крошили, мяли и перепутывали планы взрослых на спокойное приготовление к торжеству.

Отвлекаясь на воздушные шары, что сейчас развешивал дедушка по всему двору, не сколько для украшения, сколько на радость внукам.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Андрей, ты Лизавету позвал?

— Зачем? — Андрею совсем не хотелось из дня рождения матери устраивать смотрины Лизы, на что смотреть-то... И без того всё всем известно, в маленьком городке не бывает тайн, соседям и семье порой известны мельчайшие, самые интимные подробности жизни горожан, а уж когда никто и не строит тайны, как Андрей не строил тайны из своих отношений с Лизой, то и вовсе все, как на ладони.

— Как зачем? Не чужая она... Нехорошо это, не по-людски, приводи и бабушку её тоже. По-соседски что не зайти? — поделаясь своей нехитрой логикой, рассуждала Мария Степановна. — Уж как там сложится — жизнь покажет, а сейчас... господи благослови... —

это уже себе под нос, сосредоточенно чистя картошку.

Он привел. Старенькая сухонькая Егорова чувствовала себя неуютно, мостясь на краешке стула, по всему было видно, что она отвыкла от шумных застолий, от большой семьи, да и не было у неё такой семьи-то. Дочь да муж, и те уже покинули этот мир, оставив щуплую старушку доживать свои дни в чистеньком и нарядном доме, проводя летние дни в огороде, а зимние за чтением газет, которые она исправно выписывала на почте.

Роман Никодимович не скупился на угощение и вино для гостя, и вскоре старческие, морщинистые щеки размялись, Егорова уже прямо сидела на стуле и что-то с оживлением обсуждала с Машей.

Лиза же выглядела, скорей, испуганной, чем смущенной. Она смотрела большими синими глазами на многочисленных родственников Андрея, держа на руках трехлетнего Семёна, который не терял времени даром и не только оккупировал все внимание нового человека в его окружении, но и объявил, что когда он вырастет и станет человеком-пауком, сразу женится на Лизе. Настолько красивой показалась ему девушка и особенно пожарная машина с зелеными колесами, которую нарисовала Лиза. Кто осудит малыша за такое искреннее желание прибрать к рукам девушку, умеющую рисовать пожарные машины.

Все шумели, говорили одновременно, при этом каким-то невероятным образом слыша друг друга, перебивали, передавали овощи, хлеб и детей через стол, улыбались чему-то, смеялись громко и раскатисто, обсуждая последние новости из жизни друг друга.

Порой Мария Степановна поднималась, чтобы донести еды на стол или вина, но всегда её останавливали невестки, со словами «посидите мама, сегодня ж ваш день рождения» бежали в дом, хозяйничая на кухне, приносили все, что нужно и даже сверх того. Мария недовольно фыркала, пряча в уголках глаз счастливую ухмылку.

Пока не стемнело, не включили фонарь, который освещал двор, делая из людей, сидящих под ним, яркие цветные пятна с причудливыми тенями.

Семен так и не покинул рук Лизы, уснув итоге, Андрей было хотел забрать его, все же Семка был увесистым пацаном, по росту и весу превышающим все нормы, будто кому-то есть дело до этих норм, когда ребенок растет счастливым, с хорошим аппетитом и сном, но Лиза сказала, что все нормально.

И было что-то такое в его маленькой, которая держала крепко спящего малыша на коленях, покачивая ими, что Андрею стало невыносимо больно где-то в груди, почувствовав снова время под пальцами, ревность к этому времени, ко времени, которое будет потом... Почти задохнувшись от паники, охватившей его, он переходит на известную ему территорию, шепча на ушко:

— Лиза, у тебя такие сладкие губки... уммм... ты дашь мне свои губки, Лиза? И шейку... да, ты дашь мне лизнуть твою шейку... тут, — дую, — и тут... Лиза, ты знаешь, что у тебя невероятно сладкие соски... только я никак не могу решить, левый или правый... ты дашь мне определиться? — с удовольствием наблюдая за румянцем, что поднимается по шее, вверх, к лицу... — Оооо, я забыл о главном, самом главном сладком месте... Лиза, ты позволишь...

— Ты очень умный, Андрей... — так же шепотом, — очень умный... да... и опытный, — смотря лукаво, пряча улыбку, — и я подумала... ну... решила спросить тебя...

— Что?

— Про минет...

— Что?

Охр... Черт... про... да... ДА! Поможем, чем можем...

— Так что ты хотела знать? — невозмутимо.

Да, блять, я спокоен, как Моисей, раздвигающий воду...

— Я смотрела... фильмы...

Не..... а что ты ожидал, что она не смотрела..... черт... черт... вдох... выдох... не могу же я встать из-за стола с этим.....

— Какие фильмы, маленькая? Научно-публицистические?

— Можно и так сказать, не перебивай меня!

— Хорошо, говори.

— Так вот, я смотрела и там... разные техники. Как лучше? — нагибаясь к уху, шепча, проводя пальцами по кромке волос на шее. — Сначала лизнуть... снизу вверх? И сколько раз?

Твою мать...

— Или облизать головку... по кругу?

Охренеть...

— Или сразу... в рот?

Нет... нет... нет..... это неправильный разговор за столом... походу, сидеть мне тут до ночи.....

— А потом уже облизать?

Если я нагну её голову прям сейчас, за столом, с Семкой на руках... это... Черт...

— И как он помещается во рту... ну... он довольно большой... я имею ввиду не в фильмах... а то, что я видела... у тебя.

Тебя переиграла девочка на твоём же поле, смирись с этим придурок. Хотел смутить... ходи теперь со стояком... если вообще сможешь ходить...

— И зубы... знаешь, никогда не видно... зубы... что с этим? А вдруг поцарапаешь...

Да похрен!

— И если задействована рука — это же фелляция, да? Или минет? И разница... она ощутима?

До звезды на разницу...

— Потому что я совсем не уверена, что смогу... ну, целиком...

Шах и Мат. Тебя сделали... вспоминай таблицу Менделеева, тебе еще из-за стола надо встать...

Лиза перестала шептать, тихонько, вскользь поцеловала уголок губ и смотрела в глаза с откровенным вызовом, кажется, усилием воли сдерживая себя от смеха.

Ты маленькая... девочка... с маленькими девочками всегда проблемы..... Фиг ты меня переиграешь... и пофиг, кто что подумает, не велика тайна...

Жестом прося Серегу забрать Семку, Андрей в следующей секунду хватает Лизу за руку и тащит в дом, напрямик к себе в комнату, на второй этаж, немало не волнуясь о состоянии своих штанов, кто в самом деле станет приглядываться. В конце концов, не их дело.

Хлопком закрывая дверь, поворачивая защелку, давит на плечи девушки, опуская её вниз.

— Ты спрашивала, маленькая. Давай-ка я тебе лучше покажу, — расстегивая ремень под изумленно-испуганный взгляд синих глаз.

И нет никакого шанса съехать с этой темы... Черт... есть... испугается если... да похрен, я могу и силой..... Не можешь ты силой... в душ пойдешь... или тут...

Руки Лизы перехватывают руки Андрея, продолжая расстегивать, снимать, поглаживая по всей длине... и Андрей чувствует влажное дыхание, от чего его дыхание перехватывает.

И это дыхание, и вид сверху на грудь Лизы, на её колени, разведенные в стороны, на губы, которые она облизывает прямо сейчас — выносит остатки самообладания, если они и были, судя по тому, что они сейчас находятся в этой комнате, куда он протащил маленькую на виду всей своей родни и её бабушки.

Черт...

Он не успевает сформировать мысль об угрызении совести и что-то там о поруганной чести, потому что в этот момент остро ощутил горячий язык, который проходится снизу вверх, раз, потом другой, третий, пока не облизывает головку по кругу, так же несколько раз и, наконец, не вобрав в рот... будто приноравливаясь, примеряясь, начиная делать поступательные движения, и когда рука Андрея оказывается на затылке девушки, ему стоит нечеловеческих усилий, чтобы не подтолкнуть, не надавить, направив глубже, остатки самообладания уходят на то, чтобы не толкнуться бедрами.

Как в замедленном кадре, он наблюдает за Лизой, за её губами, за рукой, которая теперь двигается синхронно с губами, за другой её рукой, которая направилась напрямиком в кружевные трусики и край подола юбки скрывает, что она делает... когда её рот вбирает с каждым разом все глубже и глубже.

Черт...

Где-то там, на периферии сознания, Андрей думает о том, что не стоит кончать прямо в рот Лизы, или надо хотя бы предупредить, спросить, но мысль так и повисает где-то в глубинах сознания в тот момент, когда он все же кончает, на долю секунды направив глубже, но остановив себя, сосредоточившись на том, чтобы не упасть.

Одним рывком он поднимает Лизу, накрывает её рот своим и, одновременно оказавшись на кровати, все еще целуя, не отрывая губ, ловя её стон, а потом и крик, доводит Лизу до её оргазма уже своей рукой, быстро и уверенно.

Такая громкая... маленькая..... с маленькими всегда проблемы..... а окно надо было закрыть, придурок озабоченный... хрен с ним..... иди сюда маленькая... не стану я тебе говорить, что окно выходит прямо во двор.....

В это время гости начинают расходиться, со стола неспешно собирается посуда, а Мария Степановна выходит проводить Егорову, которая в растерянности смотрит по сторонам, пытаясь найти внучку.

— Пусть тут остается... Чего теперь-то... — говорит Маша, приобнимая Егорову, — не обидит он... любит он её, сама видишь.

— Да вижу, Маша, вижу... но как же, а отец её... а ну как узнает, позора-то мне будет... не вовремя как-то все, ой не вовремя...

— А когда оно вовремя-то было? Почитай, что и никогда... Эх... так ведь кишки скручивает, что не продохнуть, вспомни, по- молодости.

Мало что могла вспомнить Егорова, вздохнув, пошла домой одна, оглядываясь по сторонам, будто боясь, что отец Лизы сейчас выйдет из темноты и осудит её за недогляд за внучкой.

С того дня Лиза стала часто оставаться у Андрея, а Мария Степановна, потирая своими натруженными руками лицо, пряча в них болезненный вздох, сидела до вечера и ждала их. Встав из-за стола кухни в тот момент, когда слышала шум мотора, оставляя на кухонном столе горячий ужин, сама в спешке уходила в свою комнату, где уже спал, разнося по

комнатам храп, Рома.

По утрам Андрей сажал полусонную Лизу в машину и отвозил домой, от предложения оставаться, пока не выспится, хоть на целый день, маленькая в панике отказывалась.

Утром отвозил, после работы забирал, окунаясь в другую вселенную, в мир веснушек, пальчиков, удивленных глаз, ласковых вздохов, рук в его волосах, рук в её волосах, в нежных поцелуях, которые в одночасье превращались в страстные, сбивающие дыхание и уносящие мысли, в испарину на лбу, в дрожь, в быстрый шепот, в царапающие ногти, в откинутую шейку, которая краснела всякий раз, когда Андрей шептал непристойности, ловя несказанное удовольствие в этих розовых пятнышках, которые поднимались выше, к лицу.

— Лиза, а почему архитектура? — спросил Андрей, сидя в своем «офисе» на недостроенной улице из желтых домиков эконома класса.

— Ты не будешь смеяться? — очень серьезно.

— Нет, маленькая, я не стану.

Посмел бы я...

— Я хочу строить дома. Идеальные. Правильные дома.

— Идеальные?

— Да, идеальные.

Ах ты, максималистка маленькая..... идеальный дом... возможно ли это...

— Расскажешь?

— Ну... — после паузы, — это помещение, где мы сейчас, это кухня?

— Да.

— Это неправильная кухня. Она маленькая. И дома у вас маленькая кухня. Дом большой, а кухня маленькая.

— Ну, вроде никто не жаловался.

— Это неправильно. Не идеально. Не так. Твоя мама, она все время крутит эти банки, постоянно, целый день. А потом готовит и ставит тесто на пироги, а потом снова крутит... а банок становится все больше и больше, и остается маленькая тропинка вдоль кухонного стола к двери. И она ходит и ходит по этой тропинке, где с одной стороны стена, а с другой банки. И перед глазами стена. Всю жизнь стена! А правильно — небо.

И потом, здесь, на юге, так много света, так много цвета, почему такие маленькие окна?

И зачем на этой веранде так много фрамуг, они разбивают вид, дробят... И скажи мне, почему ванная комната всегда такая маленькая? А если большая, то обязательно заставлена стиральным порошком, нет, это лучше, чем стиральный порошок в туалете... потому что... знаешь что, я всегда думаю, зачем он там?

Лиза всё говорила и говорила, рассказывая в деталях, в мельчайших подробностях концепцию идеального дома, пока не взяла большой лист бумаги и угольным карандашом не начала рисовать этот дом, четкими выверенными линиями, будто делала это не первый раз. Начала с фасада, потом внутренний двор, каждую комнату, каждую дверь, казалось, продумано было все. Андрей порой останавливал Лизу замечанием:

— Нет, маленькая, это неправильно, это несущая стена...

— Маленькая, это можно облегчить, смотри...

— Нет. Нет. Это никак не может нести такую функцию... смотри... граничит с... это гараж? О, тем более.

— А вентиляция?

— Нет... экономически это — полнейший провал, это надо упростить, иначе никакой

рентабельности.

— Тут убери.

— Что с перекрытиями... ууу... тут?

— Перенеси эту комнату, это только на картинках красиво.

На полном серьезе торгуясь о строительных материалах, облегченных конструкциях, несущих стенах, французских окнах, вычисляя, просчитывая, чертя и поминутно ругаясь, в итоге изрисовав и исписав приличную стопку бумаг, сначала уснула Лиза, а потом и Андрей, решив, что ехать домой «экономически не рентабельно», если вставать через 3 часа...

Так и нашла их Тоня. Лизу, которая уткнулась в грудь Андрея, вцепившись в его рубашку, оставляя на ней пятна угля, Андрея, который практически подмял под себя Лизу, и листы бумаги с рисунками и чертежами, которые Тоня аккуратно собрала в стопку, положив на стол Андрея, после чего толкнула его в плечо.

— Тсс... не разбуди... ухайдохал девчонку... Это что там?

— Это? — ухмыляясь, глядя на Лизу, на носу и руках которой были следы от угля. — Это идеальный дом.

— Ну... это всё объясняет.

Идеальный дом... Идеальная веснушка... Идеальная вселенная... Идеальное лето...

И неидеальное время, которое ускользало, убегало, просачивалось душными ночами, жаркими днями, пока однажды лето просто не подошло к концу.

— Андрей, помнишь, ты говорил про поляну, куда вы ходили с дедом? Ты так и не показал её... Давай, остался один день.

— Туда далеко идти...

— Очень?

— Да, маленькая, действительно далеко и в гору... — Андрею не хотелось тратить последнее время на поляну, насколько бы красивой она не была.

— Жаль. Я... я так и не увижу её... наверное...

Увидишь. Сегодня и увидишь... Все, как Хочешь Ты... помнишь?

— Поехали, есть дорога.

Действительно была дорога, проложенная еще при царе горохе, которую за время существования не один раз размывало стремительными потоками воды с гор, смывало в ущелья, оставляя после себя расщелины и впадины, мимо которых едва протискивалась одна машина, балансируя по краю. Какое-то время её расчищали грейдером, а потом решили попросту закрыть шлагбаумом с надписью «проезда нет», только огромные лесовозы, раскачиваясь под весом вековых деревьев, теперь уже мертвых, выезжали с этой дороги, устремляясь вниз на гладкую трассу, довольно урча и подпрыгивая на кочках.

Андрей отвез бы Лизу куда угодно, сделал бы что угодно, сегодня, сейчас, наверное, он бы мог даже поспорить со временем, если бы знал как, но он не знал, поэтому, улыбнувшись, усадил маленькую в машину и, пообещав ей незабываемые виды для её картин, привез на место.

Уже пару часов Лиза стояла, будто её приворожили, примуровали к одному месту. Она не скакала в восхищении, не шептала, быстро перебирая палитру красок, не грызла ноготь, всегда мизинец левой руки. Она просто стояла, Андрей сомневался, видела ли маленькая эту поляну, эти цветы и многовековые ели, которые устремлялись ввысь, деля небо надвое, сомневался, что она видела гряду гор, что нависли на ними, видела тучи, которые кружили уже продолжительное время, принося прохладный ветер, который сулил дождь. Дождь, который был совсем некстати. Не сейчас. И не тут.

— Лиза, надо ехать...

— А?

— Лиза, поехали, скоро стемнеет... и тучи.

— Подожди.

— Жду...

Пока терпение не лопнуло раскатом грома, который ударил настолько рядом, что кажется, заложило уши, а потом покатился по ущельям, гремя, отражаясь эхом от каменных стен, громыхая огромным колесом... бум... бум... бум. Пока маленькая не вцепилась в ладонь Андрея и не вздрогнула.

— Эй, это просто гром, маленькая. Поехали.

Пока машина отъезжала, медленно перекачиваясь, огибала выступы, мостясь на

краешке обрыва, гром стал ближе... бум... бум... по ужасу в глазах Лизы, бум... бум... по скальной породе, что возвышается слева...

— Эй, это просто гром, сейчас будет гроза, не пропусти её... это эксклюзивное зрелище, гроза на этой высоте... тебе очень повезло, Лиза.

Гроза на уровне облаков — эксклюзивный вид. Гром на уровне облаков, раскатывающийся по венам вспышками адреналина — эксклюзивное явление.

— Открой окно, маленькая, почувствуй воздух. Не бойся, — целуя каждый пальчик, — не бойся, это просто звучит грозно, на самом деле весело.

Не было ничего веселого оказаться на этой богом забытой дороге под ливневым дождем, когда в любой момент грязевые потоки с гор могут обрушиться на остатки этой дороги.

Не было ничего веселого в дожде, который закрывал обзор и барабанил по крыше с грохотом, конкурировать с которым мог только гром... бум... бум... по вздрагивающим плечам... бум... бум... по ладошкам, которые прикрывают личико в испуге.

— Лиза, ты чего? Я бы не повез тебя, если бы это было опасно. Ну?

Не повез бы... Урод... блять... блять... блять... если там, ниже, сейчас размочит, то... блять, жопа, не развернуться обратно, не проехать вниз... СУКА!

— Слышала, что когда гром гремит, это Илья пророк на колеснице по небу катится?

— Что?

— Походу, сломалась у него колесница. Слышишь, ступичный подшипник хрустит?

Бум... бум... бум... по нервам Андрея.

Нельзя быстрее... нельзя наперегонки с водой... блять... надо быстрее... сейчас еще поворот и газ... подшипник, блять, в мозгах у себя подшипник смени...

В одночасье ставший темным воздух взрывался вспышками молнии, яркой, освещающей горы, сосны, скалы, синие глаза, адреналин, который стремился по венам Андрея, останавливаясь в пальцах рук, которые сжимают руль, словно это может помочь.

Все... один поворот и газ... Один Блять Поворот.

Есть... Газу... к черту... тут проеду.

На максимально возможной скорости, одним поворотом руля, едва ли не снеся сначала ограду, потом навес, машина остановилась у старого дедова дома.

Адреналин не сразу дает отпустить руль.

Просто дыши..... все..... все..... при любом раскладе... все...уже Не Опасно...

Какая-то неведомая сила придавливает Андрея к земле, когда он, выдернув из машины Лизу, не беспокоясь о холодном пронизывающем ветре и дожде, что стекает сейчас по щекам Андрея, утыкается в живот девушки, чувствуя на губах... соль?

Какая-то невероятно гремучая, взрывоопасная, ядовитая смесь несется по артериям Андрея, смешиваясь с острым запахом яблок и соли на губах, заставляет его поднять девушку одним рывком и, кажется, в следующее мгновение оказаться в холодном доме, на диване, потому что не дойти до спальни.

Какое-то непередаваемо острое желание, на грани с похотью, на грани с религиозной экзальтацией, срывает кружева и, попросту задрав платье, заставляет Андрея войти сразу, на всю длину, отдавая дань своему желанию, своей силе и страсти, прижимая руки девушки в подушке, шепча неразборчивое «не шевелись».

Какая-то сладкая, дремотная нега несет ноги Андрея в горячий душ, где он отогревает Лизу не только водой...

Какая-то медовая истома со вкусом яблок кружится вокруг огромной кровати, под жаркий шепот, под поцелуи почти до крови, а потом снова невесомые, под поглаживания и стоны... когда за окном барабанит и барабанит дождь.

Идеальный дом...

Стон

Идеальная веснушка...

Вход

Идеальная Лиза.....

Выход

Через двенадцать часов Андрей сидел на заднем сиденье своего автомобиля на стоянке в аэропорту, держа на руках Лизу, которая плакала, казалось, уже вечность, и ровно ту же вечность Андрей пытался найти нужные слова, правильные, чтобы стало легче, чтобы отпустило, чтобы не плакала...

— Лиза... маленькая, это просто лето. Все заканчивается, и лето закончилось. Послушай, у тебя много впереди и лет, и зим... просто лето, Лиза... Ты закончишь школу... поступишь в свой университет, а то и Гонконг... там красиво, Лиза, там много красивых видов, много увидишь... Лиза...

— Ты говоришь неправильные вещи!

— Маленькая... какие правильные?

Я скажу все, что угодно... сейчас..... потом..... всегда...

— Обмани меня...

— Хорошо... как?

— Скажи, что люююбишь меня, — всхлип, слезы.

Если бы я обманывал тебя... Лиза... станет тебе легче, маленькая... от этого...

— Я не говорил? Какое непростительное упущение, смотри на меня, посмотри мне в глаза, — захватив лицо девушки в мягкий плен ладоней, смотря в синие глаза. — Лиза, я люблю тебя. Очень сильно. Очень. Я Люблю Тебя.

— Это было на самом деле? Не в шутку?

— Нет, Лиза. Не в шутку. Все было не в шутку. Я Люблю Тебя, — срываясь, будто поперхнувшись, — Люблю.....

Люблю... Люблю...

— И я...

Я знаю...

— Вот и хорошо, пойдём, времени уже не осталось.

Перед посадкой, уже в аэропорту.

И снова слезы и вцепившиеся руки, которые сейчас трясутся, когда Лиза в каком-то изнеможении стекает к ногам Андрея.

Господи... маленькая... ну должны же быть слова! Что-то должно быть... что-то я должен сказать... уговорить...

— Смотри на меня. Слушай. Смотришь? Не плачь. Внимательно слушай... Твой отъезд сейчас — это лужа. Просто грязная, круглая лужа посередине альпийского луга. Неинтересная лужа. Дурацкая лужа. Но подумай, сколько ты увидишь всего... Подумай, представь... Иногда лужа не имеет значение... Может, надо дойти до этой лужи, может, надо обойти эту лужу, чтобы увидеть многое... Вот это имеет значение... а не лужа.

Подумай. Целый мир, где много света, цвета... неба... не надо думать о луже, подумай о том, что вокруг... Хорошо? — целуя. — Хорошо, маленькая? — осыпая лицо невесомыми поцелуями, — просто лужа и целый мир.

— Хорошо... — кажется, не плача.

— И... сделаешь для меня кое что, маленькая? Когда построишь свой идеальный дом, пришли мне фотографию, ладно? — подмигивая.

— Хорошо, — уже улыбаясь.

Отлегло... только больше не плачь...

— И... Андрей, это тебе, — протягивая альбом для рисования на пружинах, — тут... потом посмотришь.

— О, тогда и ты потом посмотришь, — доставая из кармана синий бархатный мешочек с серебристой тесемочкой, зная, что там тоненькая цепочка из белого золота, специально белого, потому что он никогда не видел на Лизе обыкновенного, значит не любит, с маленькой подвеской — яблоком, где на листике примостился камушек, как капелька дождя... или меда.

Через полчаса, проводив глазами самолет, покрутив в руках альбом, так и не открыв его, Андрей выезжает со стоянки, вливаясь в стремительный поток на трассе, жмет на газ с максимальной силой и едет... едет... едет...

Андрей сидел во дворе дома, мучаясь то ли от духоты, что вступила в свои права, удушая ночами, не давая покоя днем, то ли от того, что не спал уже бог знает сколько.

Но скорей всего от того, что поминутно смотрел на смс «Поступила!!».

Девять букв, пробел и два восклицательных знака, еще смеющийся смайлик. Смотрел, будто в какой-то момент текст этого дебильного смс мог измениться, будто эта желтая улыбающаяся падла перестанет щериться, будто бесконечное чтение одних и тех же девяти букв, одного пробела и двух восклицательных знаков могут изменить хоть что-то.

Поступила... Поступила... Поступила...

Это не могло не случиться. По-другому не могло быть. Земной шар крутится вокруг своей оси, планета Земля бежит по своей орбите, миллиарды звезд и планет бегут по своей. Все закономерно. Правильно. Идеально.

Идеальный дом...

Идеальная веснушка...

Идеальная Лиза...

Год, как плохая мелодрама о любви.

Год, как дерьмовая драма.

Год, как третьесортная трагикомедия.

В самом начале на почту Андрея прилетали письма, много писем, они были странные, сумбурные, всегда начинались правильно, без ошибок, выверенным стилем, потом, к середине письма появлялись огрехи, а к завершению и вовсе начинали прыгать, перескакивать буквы, окончания слов перемежались с запятыми, будто мысли бежали впереди пальцев, впереди букв, эти буквы просто захлебывались в нехитрых новостях.

Андрей, улыбаясь, вспоминал лукавый блеск синий глаз, размеренный шепот, который переходил в быстрый, еще быстрее и заканчивался «вот» или тонул в его губах...

Порой было не одно письмо, в одном со скрупулезной точностью были описаны события дня, всегда одни и те же. А потом вереницей шли «о, вот еще» и «еще забыла» и «а, точно, еще...». Надо сказать, что Андрей не был мастаком писать письма, пришлось учиться, кто бы мог подумать, что это так сложно...

Шесть часов разницы во времени, много ли это? Мало?

Когда Андрей приходил с работы, Лиза уже ложилась спать. Когда Андрей вставал, Лиза сидела в школе.

Он точно знал её расписание, звонил на большой перемене.

Школьница.....

Дразня её, а больше себя. Он бы не звонил, не стал, есть предел и у хроника-мазохиста, только слыша «ты позвонишь завтра?» неизбежно отвечал «Да!».

Лиза показала ему свою комнату, через камеру ноутбука, все стены которой были оклеены её картинками и записками, а стол был завален учебниками, которые она отодвигала в сторону, но они все равно маячили то слева, то справа.

Школьница.....

Потом писем стало меньше, буквы не скакали, не путались, не менялись местами, пока однажды и вовсе не перестали приходить.

Бесчисленное количество раз Андрей хотел написать, позвонить, но останавливал сам себя, шар крутится вокруг своей оси, всегда. В другом часовом поясе, в другой климатической зоне была совсем другая вселенная, где правила всем веснушка, нашедшая пристанище между маленьких грудок с горошинками сосков...

Все правильно, все верно, думал Андрей. Так и должно быть.

Есть лужа, а есть целый мир... так ты говорил...

Он смотрел на фотографии Лизы, улыбаясь чему-то, сквозь удушающую пелену боли, боли, которую он откидывал, сбрасывал, не хотел. Лиза улыбалась с этих фотографий, она была очень забавной в вязаной голубой шапочке с помпоном и в белой куртке. Она казалась очень серьезной в черном строгом костюме, сидя на парте, корча рожицы, в обнимку с другой школьницей. Она была почти несчастной, стоя в длинном пуховике на снежной дорожке, а у ног валялись два огромных рюкзака и папка для рисования большого формата. Она была желанной, до невозможности, до боли, до выбитого махом дыхания. Она была недоступной. Она не отпускала, или Андрей не отпускал, не мог...

Дорожка у дома Андрея тоже покрылась снегом, и он тоже выглядел почти несчастным.

Мария Степановна отчего-то оставила попытки скоропостижно женить младшего сына, видимо отчаявшись, однако, не сняв с себя обязанности обеспечивать ему по утрам большую головную боль, боль, которая никак не могла заглушить другую, как не пытался Андрей.

Казалось будто кто-то давит на шею, душит, душит... и никакого гуманизма у него нет, никакого чувства жалости, потому что силы заканчивались, воздух заканчивался, хотелось уже сдохнуть нахрен, чтобы не чувствовать эту боль, удушье, нехватку воздуха. Но вместо сдохнуть, Андрей, в очередном приступе самобичевания, открывал страницу и смотрел, смотрел, смотрел...

Лиза шла с каким-то парнем, правильным парнем, подходящим, из её вселенной, она улыбалась, когда он сдергивал с неё смешную голубую шапочку, так подходящую к её глазам.

Она улыбалась, когда лбом ко лбу они читали что-то на фоне ламп... Кафе?

Какой-то талантливый человек фотографировал их, её... потому что фотографии всегда были живые, эмоциональные, улыбающиеся. И Андрей улыбался. Улыбался этому носику и своей глупой, не отпускающей боли.

Отчего-то вдруг вспомнив Ирку — его первую, острую, пронесшуюся, как комета, первую любовь, которая длилась едва ли три месяца и закончилась так же, как и началась. Быстро. Сейчас, встретив Иру на улице, едва вспомнив, узнав, он вежливо улыбался, встречая такую же вежливую улыбку.

Отпустило тебя, маленькая... отпустило... вот и хорошо... это правильно... идеально...

Идеальный дом...

Идеальная веснушка...

Идеальная Лиза...

Он нажимал на ссылки этих счастливых фотографий веснушки и находил всё новые и новые, не перестающие удивлять Андрея.

Лиза в умопомрачительном бальном платье, откинув руку невероятно изящным жестом, стоит рядом с тем же парнем. Правильным парнем. Тот же парень, только Лиза младше, еще младше, совсем крошка, и рядом с ней мальчик, в котором того парня выдают только карие глаза, которые как-то странно контрастируют со светлыми волосами.

Лиза танцует? Танцевала...? По всему видно, что да... не замечал.....

А что ты замечал, кроме веснушек...

Обыкновенная школьница. В ней от обыкновенной школьницы столько же, сколько в тебе от Плисецкой.

Одну фотографию, ближним планом, так, что видны веснушки, Андрей распечатал и положил в стол на альбом с большими пружинами, который он уже открыл и не один раз.

Наброски, эскизы, картины... две огромные ели, раздвигающие небо, ящерка на сером камне, только видна не она и не камень, а другая... серенькая, неприметная, на заднем фоне. Лизе удавалось сделать второстепенное важным, а важное очеловечить, даже если это просто камень.

Простые рисунки. Не простые. Он помнил каждое мгновение, когда она рисовала. В мазохическом стремлении выдрать из себя внутренности он вспоминал ножки в босоножках и ревнивый взгляд Медной Горы Хозяйки, вспоминал белую шляпу, когда Лиза обгорала, вспоминал удушающий запах трав, стремительным потоком несущийся по венам Андрея, и запах яблок, который выбивал этот запах. Будто ему было мало, он вспоминал шепот губ в губы и тепло её маленького тела, когда он поднимал Лизу одной рукой, прижимая к себе, ловя губами веснушки.

Нет писем. Нет смс. Нет школьницы. Есть другая вселенная. Есть другой часовой пояс. Есть другая климатическая зона.

И есть боль. Она не отступает, берет своё, как её не глуши. Она знает свои права и заявляет их на Андрея, даже ночью, даже во сне, где он блуждает среди веснушек, раздвинутых коленок, синих глаз, папиллярного рисунка под языком, горячего дыхания, «думала ты не заметишь» «довольна» «не хочу ждать» «здесь» «я не уверена, что...» «у тебя есть потребности» «я тоже...».

Больно. Всегда. Везде.

Должно пройти... должно... отпустить должно..... все правильно.....

В очередной раз смотря фотографию...

Отпустило тебя, маленькая... отпустило... это хорошо... это правильно...

Потом это «Ты забыл меня? Забыл? Да?» в одиннадцать вечера, значит у Лизы почти утро...

Почему ты не спишь, школьница?

«Нет, не забыл»

«Ты не пишешь...»

«Хочешь, чтобы писал?»

«Да»

«Хорошо. Я говорил. Помнишь? Все, как хочешь ты» и «Почему ты не спишь, маленькая?»

«У меня экзамен. Это важно»

«Ложись спать, я напишу тебе. Сейчас. Откроешь глазки и прочитаешь».

И снова письма.

И снова низкосортная мелодрама.

Андрею хотелось спросить, кто этот парень. Хотелось убить его, задушить, удушить вместе со своей болью, болью от её улыбки, от его рук на её талии в умопомрачительном платье.

Андрей спрашивает, зачем так много репетиторов, ведь Лиза отличница. По всем предметам, которые она сдает... и английский, на всякий случай... это невысказано.

Так ли важна золотая медаль?

Так ли нужен именно этот институт, именно этот факультет, именно бюджет, если глаз на личике всё больше, если синяки видны через камеру, если письма срываются, буквы путаются.

Если:

— Как ты, Лиза?

— Темно...

— Как ты, Лиза?

— Холодно...

— Как ты, Лиза?

— Черно-Белое все...

— Ты спала, Лиза?

— Да... наверное, не помню...

— Лиза тебе надо отдохнуть...

— Потом.

— Лиза, надо... Съезди куда-нибудь, где лето.

— А ты?

— Хочешь, чтобы я с тобой?

— Да...

Перелететь через полстраны, чтобы сказать, что на самом деле важно, что на самом деле больно, перелететь на другой конец земного шара, чтобы на чуть-чуть, на мгновение во вселенную с веснушкой, чтобы потом снова боль, чтобы по кругу, под дых, до потери дыхания, до слабости в ногах, до стучащих висков по утрам...

«Да, Лиза, куда ты скажешь. Помнишь? Все, как хочешь ты»

— Папа женится!

— Так бывает, маленькая.

— Не бывает!

— Бывает, маленькая...

— Он хочет нас познакомить на каникулах... он хочет, чтобы мы поехали...

— Это важно, маленькая.

— Это не важно. Я хочу к тебе. Я хочу с тобой.

Как объяснить маленькой девочке, что в сорок лет мужчина не может быть один, что любая боль проходит, что люди просто живут, живут вопреки... Что невозможно чувствовать потерю вечно? Как объяснить маленькой девочке, что для папы важно... Что папа мужчина... Как смириться маленькой девочке, что в их доме, в их доме с мамой будет другая женщина?

— И я хочу... Мы решим что-нибудь.

— Как ты, Лиза?

— Темно...

— Как ты, Лиза?

— Холодно...

— Как ты, Лиза?

— Черно-Белое все...

Пока письма не превращаются в нервный комок.

Пока на экране не остается ничего, кроме глаз.

Слишком для тебя, маленькая..... сложно тебе... сложно...

Оставь эту медаль.....

Оставь этот холод.....

Оставь эту темноту.....

Пока глаза с синяками не сказали «Гонконг».

Сказали со слезами, пнув, лишив дыхания, вырвав сердце, надежду... Надежду на что?

Андрей не знал, на что он надеялся...

Уехать через полстраны, туда, где холод и темно?

Увезти Лизу сюда, где нет дела, какая медаль?

На что?

На всё. На исчезновение Боли.

Боль вернулась троекратно. Вернулась паникой, пробежавшей по суставам, вывернув их, когда рука в панике выключила компьютер и отбросила телефон в сторону, предварительно отключив его.

Боль вернулась троекратно, когда водка не приносила хмель, зато приносила рвоту до желчи и разорванные листы с изображением идеального дома. Когда ноги запутались в свежей весенней грязи, когда все, что возможно — это просто упасть на колени и выблевать наконец эту боль, потому что невозможно больше, невозможно, потому что организм противится такому количеству, потому что передозировка...

«Ты обиделся»

«Где ты?»

«Позвони мне!»

«Ты расстроился»

«Я не поеду»

«Я не поеду...»

«Найдись»

«Все хорошо, маленькая, у нас отключился свет, снег на проводах»

В конце марта...

«Наледь»

Когда цветут яблони...

«Ты должна ехать. Ты умненькая, славная... тебе надо, обязательно, слышишь?»

Чтобы он взорвался, этот Гонконг, со всеми китайцами в придачу!

— Как ты, Лиза?

— Темно.

— Как ты, Лиза?

— Холодно.

— Как ты, Лиза?

— Я не сдам!

— Сдашь!

— Нет...

— Дааа... ты же отличница, Лиза. Даже медведь бы сдал с таким количеством репетиров.

— Медведь бы сдал, а я нет.

Еще месяцы тишины, прорывающиеся вспышками писем, сквозившими отчаянием, страхом, запутавшимися буквами.

Еще месяцы тишины, прорывающиеся изображением камеры, где видны только глаза и тонюсенькие ключицы из-под футболки, накинутой на одно плечо.

Еще месяцы тишины, прорывающейся паническим «не сдам!».

И вот.

Итог.

Девять букв. Пробел. Два восклицательных знака. Смайлик.

Боль.

Боль.

Боль.

Андрей сидел во дворе дома, мучаясь то ли от духоты, что вступила в свои права, удушая ночами, не давая покоя днем, то ли от того, что не спал уже бог знает сколько.

Но, скорей всего, от того, что поминутно смотрел на смс «Поступила!!»

Боль.

Опустошение.

Пустошь. Выжгла напалмом. Жарой. Духотой.

Шум мотора, остановившийся у ворот, выводит на доли секунды Андрея из ступора, пока руки снова не лезут в телефон, в проклятое смс, пересчитывая ровно девять букв, пробел и два восклицательных знака.

Андрей не поднял головы, когда кто-то тихо вошел во двор, не поднял головы, когда слышал чьи-то невесомые шаги, не поднял головы, когда увидел рядом синие туфельки, не поднял головы, когда по венам пробежал аромат яблок, отправляя в небытие все знания медицины о составе крови, потому что кровь Андрея состояла из яблок, которые вытесняли боль.

— Как ты, Лиза?

— Тепло.

Андрей смотрит какое-то время, смотрит внимательно, как никогда внимательно. Он видит, что короткие волосы Лизы подстрижены еще короче, сейчас они немного завиваются на концах, отчего она еще больше походит на маленькую девочку, он видит, что исчезли щечки, зато под глазами пролегли тени, которые оттеняют карие прожилки, где серый цвет превращается в ярко синий, он внимательно рассматривает маленький носик и пухлые розовые губки. Он пробегает глазами по одежде маленькой, никаких струящихся полупрозрачных тканей, никакого выглядывающего кружева. Узенькие брючки и белая блузочка, строгая, почти пуританская, маленькая сумочка перекинута через левое плечо и фенечки на руке.

Школьница...

Он протягивает руку, не веря себе, молча... Проводит рукой по руке, притягивает к себе

на колени почти невесомую девушку и прячет лицо в шею, уткнувшись в тоненькую ключицу.

— Что ты здесь делаешь, маленькая?

Не говори... помолчи... в жопу твой Гонког... хочу, чтобы моя... пусть две минуты... моя... потом можно по кругу... боль....

— Я поступила.

— Ты писала...

— Ты не ответил.

— Я поздравляю тебя лично, Лиза, — подмигивая, через напалм, через пустошь, через духоту.

Хочу, чтобы моя..... моя..... хочу... потом можно боль... по кругу... до бесконечности.....

— Я поступила в /.../

— Что?

Не надо... маленькая... и без того больно... зачем ты разрываешь живьем, надеждой...

— Я поступила в /.../

— Где ты будешь жить? — видимо не осознавая.

— Папа снял квартиру или тут, у бабушки, или...

— Тут... сто пятьдесят километров до института — это много.

— Сто пятьдесят километров до института — это меньше, чем семь с половиной тысяч километров до тебя.

Медленно осознание приходит к Андрею, слишком медленно, слишком глубоко осела боль, угнездилась рвотой вперемешку с грязью. Надавливаясь всей своей опустошающей, выжимающей силой, придавливая к стулу, приковывая руки Андрея к телу маленькой, когда пальцы пробегают по позвоночнику, по рёбрышкам, и он, кажется, может пересчитать их все... Медленно.

Медленно он поднимает Лизу на руки, отмечая, что она не весит практически ничего.

Маленькая... куда же ты еще больше похудела... маленькая..... с маленькими девочками всегда проблемы...

— Ты хочешь есть?

— Нет.

— Тогда пойдем спать... Я устал. Ты устала, — глядя на мотающую голову, — нет, Лиза ты устала, у тебя глазки красные, пошли спать.

Укладывая её спать в своей футболке, прижимая к себе сильно, засыпая практически сразу, под какой-то невнятный шепот, под запах яблок, под пальцы в его волосах.

Просыпаясь несколько раз, не веря, не отпуская ни на миг, не выпуская из рук, пока не видит сквозь сон мать, которая, постояв немного на пороге, тихо закрывает дверь, что-то говоря отцу.

У меня выходной... не отпущу... не уйду... моя... моя... МОЯ!

Пока не просыпается окончательно от плача и трясущихся плечиков рядом. Просыпается мгновенно, наконец, осознав, приняв, поняв «сто пятьдесят километров до института — это меньше, чем семь с половиной тысяч километров до тебя».

Моя... теперь не отпущу... никогда... никуда.....

Плачет... почему? Маленькая..... с маленькими девочками всегда проблема... маленькая... маленькая... маленькая.....

— Лиза, что случилось? У?

— Ничего...

— Лиза... Просто скажи, я не видел тебя год... скажи мне, — глядя испуганную спинку, как когда-то, в другой жизни, когда он не знал вкус боли от потери яблок, когда он мог только догадываться.

— Я не должна была приезжать, — шепотом.

А вот это больно, блять... это реально больно!

— Я должна была уехать в Гонконг.

Да что же это такое! А? Ну невозможно уже... невозможно... маленькая... ну хочешь, сними с меня кожу живьем, мне НЕ будет ТАК больно.....

— Я должна была думать.

Убей меня просто. Не думая... Все равно я дышать уже не смогу.

Откидываясь на подушку...

Все, Как Хочешь Ты... ты помнишь?

— Лиза, я уверен, все можно переиграть... У тебя отличные результаты... все еще возможно...

А я тут просто сдохну без кожи, воздуха, захлебнувшись в желчи...

— Не думаю...

— Через год?

— Через год возможно, — вдруг захлебываясь слезами, бросаясь на грудь Андрея, задыхаясь, душа себя в истерике, душа Андрея... — я не хочу через год, я не хочу сейчас, я хочу тут, с тобой... мне надо было думать... я просто хочу тут, с тобой, прости, я уйду, я сейчас уйду...

Да это ЕРАЛАШ какой-то! Я БЛЯТЬ ничего НЕ понимаю! Черт. Хочу с тобой. Не надо! Надо!

— Давай подробней. Потом я тебя отвезу. Говори.

Всхлип.

— Говори, Лиза.

— Я поступила в /.../ на архитектуру, я хотела тут, с тобой.

— Лиза, откровенно говоря, я сейчас ни хрена не понимаю, но давай я скажу. Я хочу с тобой. Я хочу тебя. С архитектурой. Без архитектуры. Я. Хочу. Тебя.

Синие глаза в окружении темных ресниц, которые сейчас отбрасывают тени, делая круги под глазами еще больше, смотрят, кажется, удивленно.

— Тогда почему ты...?

— Почему я Что?

— Почему ты не стал?

— Не стал Что, Лиза?

— Ты не стал заниматься со мной... любовью. У тебя кто-то есть? Ты не хочешь? Я все понимаю... год — это долго...

Охренеть! Черт! Максималистка... моя маленькая девочка...

— Лиза... я хочу тебя. Я хотел тебя всю ночь... Я хочу тебя сейчас... ты можешь посмотреть сама, — подмигивая, с удовольствием отмечая любимые розовые пятнышки, которые поднимаются к лицу. — Я хочу тебя. И у меня никого нет... Кто может у меня быть... маленькая... я ТЕБЯ хочу, — уже обнимая, укачивая, целуя затылок, — глупая, маленькая девочка, ты устала, я устал... Подожди меня... я сейчас.

Андрей вышел на кухню, быстро нацепив легкие брюки, увидев только подол матери,

который мелькнул в дверях в спешке.

Берет то, за чем пришел, поднимается на второй этаж, в свою комнату, где правит всем веснушка, нашедшая своё пристанище между грудок с горошинками сосков, где встречается со счастливыми синими глазами, которые смотрят на Андрея и улыбаются, отправляя по телу сонмы счастливых мурашек.

— Лиза, у меня к тебе два вопроса и одно предупреждение.

— Что?

— Давай по порядку. Первое. Где моя веснушка, что ты с ней сделала, у? Уверен, я буду по ней скучать, — заглядывая под футболку, — где твои веснушки Лиза? Это возмутительно, — целуя место, где год назад была веснушка — вкусно.

— Второе. У тебя есть какие-нибудь потребности, прямо сейчас? Есть? Пить? Туалет? Позвонить? Ну... вот я принес тебе завтрак, думаю, поесть все же надо, Лиза. Ешь.

Что же ты так похудела... маленькая...

— И, наконец, предупреждение. Это важно на самом деле, — нагибаясь, придавливая, настаивая, снимая футболку, кутая пальцы в волосах, сдергивая кружево трусиков рывком, прижимая к себе, потираясь, отправляя своё сознание в небытие, сворачивая в районе паха необходимостью, потребностью, с которой он не в силах совладать, говоря в губы, — сейчас я намерен удовлетворить свою потребность, основную потребность, Лиза. Более того, я абсолютно уверен, что одного раза мне будет мало. Мне будет мало одного раз в течение дня, на протяжении всей жизни, и я намерен удовлетворять эту свою потребность сейчас, потом, каждый день, каждый хренов божий день, Лиза, — накрывая губы в безжалостном поцелуе, притягивая, разводя ноги в стороны, врезаясь, даже не пытаюсь быть аккуратным, потому что нет на это сил..... ловя губами крик, потом отпуская его, и наплевать, что день, и наплевать на открытое окно, наплевать на все...

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя.

Люблю

Толчок.

Люблю

Вдох.

Люблю

Выдох.

Люблю

Толчок.

Я дала полностью главу, не хотелось оставлять читателей в неизвестности накануне нового года.

Если вы найдёте вопиющие ошибки сообщайте, не стеснясь)

Если у вас появится желание нажать лайк — не отказывайте себе, нам с веснушкой будет приятно.

Андрей был готов отпустить свою любимую Лизу, чтобы девушка осуществила свои мечты, тем более она так запутывала парня в течении года своими перепадами настроения... школьница)

Но наша школьница оказалась храброй, хоть и не совсем уверенной в себе девушкой.

Поздравляю всех с праздником!

Любви, здоровья, удачи, душевного тепла, благополучия, вам и вашим близким.

Наташа.

Бонус. Лиза. Кукла

О том, как же жила Лиза в своём прекрасном-далёко.

До знакомства с Андреем. Потом мало что изменилось...там, на севере, среди вечной мерзлоты.

От лица Лизы.

Раз. Раз. Раз. Два. Три.

Раз. Раз. Раз. Два. Три.

Поворот.

Раз. Раз. Раз. Два. Три.

Поворот.

Руки на поясице отсчитывают ритм.

Поворот.

Зеркало.

Кукла. Белая кожа. Голубые волосы. Нет глаз. На месте глаз зияющие черные дыры.

Очень странно, что я вижу эти дыры. Ведь у меня нет глаз. Кукла — Я.

Нитка дергает вверх — рука вверх.

Руки на поясице отсчитывают ритм.

Нитка дергает другую руку вверх — рука вверх.

Звонок. Тошнота. Резко открываю глаза.

Лежу в тишине совсем немного, до второго звонка, через две минуты.

Темнота. Снег. Почти всегда темно...

Черно-Белое Всё.

— Привет, куколка, готова?

— И тебе не хворать, Буратино.

Раз. Раз. Раз. Два. Три.

— Куколка, следи за моей рукой.

— Слежу.

Раз. Раз. Раз. Два. Три.

— Евтушенко, спину. Егор, придержи её... Спина! Рука, Евтушенко, рука!

Темнота. Черно-Белое всё.

— Куда ты сейчас, куколка? Эй, Мальвина, подожди...

Тошнит...

— Ты домой?

— Да, тебя подвезти?.. За мной Олег приедет.

— Смешная... Пойдем, рассказывай.

— Елизавета, мне надо с тобой поговорить.

— Да, пап.

— У тебя четыре по экономике, скорей всего в году тоже.

— Она факультативная.

— Какое это имеет значение. Почему четыре?

— Я не сдала эссе. Два раза.

— И?

— Меня тошнило.

— И?

— Я боюсь... её...

— Лиза, какие бывают оценки?

— Пять и два...

— Значит у тебя что, Елизавета?

— Два...

— Ты не можешь иметь два. Понятно?

— Да.

— Что тебе понятно?

— Я не могу иметь два...

— Два — это для неудачников. Два — это для проигравших, Лиза.

Ты не должна бояться учителя. Никогда. Надо просто сдать. Что надо делать, чтобы сделать?

— Начать делать... Контролировать ситуацию.

— Начни сдавать, завтра.

— Меня тошнит!

— Тебя всегда тошнит. Или ты поборешь свой страх или он тебя, понимаешь?

— Это тяжело, папа!

— Лиза, мне, по-твоему, легко? Я семь лет не был в отпуске. Семь! Ты пойдешь и сдашь всё, что должна, Лиза.

— Я боюсь её...

— Ты слишком эмоциональна. Слишком, Лиза! Я очень много терплю от тебя, очень! Но я не стану терпеть два, даже по факультативному предмету. Достаточно того, что я терплю эту твою придурь с архитектурой... Приспичило тебе ходить на курсы, ходи, но зачем, Лиза, скажи мне?

— Я хочу на архитектора... я хочу идеальный дом.

— Не бывает идеальных домов, Лиза. Образование должно быть фундаментальным, ты должна смотреть вперед. Мы говорили сотни раз... Зачем ты ходишь в эту студию... как она... рисуешь... это отнимает массу времени, Лиза. Скажи мне, что это нарисовано?

— Грустная табуретка.

— Грустная... грустная табуретка. Не бывает грустных табуреток. Табуретка это четыре ножки и доска. Ей не бывает грустно. И весело ей тоже не бывает. Табуретка — это кусок доски! Ты слишком эмоциональна, ты приписываешь свои эмоции людям и даже предметам, окружающим тебя. Хватит дурить, Лиза. Это не страшно, ты должна это сделать.

— Да.

— Я завтра проверю.

— А если...

— Елизавета, мы не обсуждаем если, ты должна научиться преодолевать страх и трудности. Ты обрезала волосы, почему? Почему, Лиза?

— С ними трудно... я не справилась.

— А должна была.

— Ты тоже не справился!

— Я мужчина. Это твои волосы. Ты! Не справилась, я промолчал. Ты крысу завела. Лиза. Крысу! Я молчал. Твоими грустными табуретками обвешан весь дом, я молчу. Но завтра ты пойдешь и сдашь это эссе, я звоню классному руководителю. Ты поняла меня, Елизавета?

— Да.

Раз. Раз. Раз. Два. Три.

Раз. Раз. Раз. Два. Три.

Поворот.

Раз. Раз. Раз. Два. Три.

Поворот.

Руки на поясице отсчитывают ритм.

Поворот.

Зеркало.

Кукла. Белая кожа. Голубые волосы. Нет глаз. На месте глаз зияющие черные дыры.

Очень странно, что я вижу эти дыры. Ведь у меня нет глаз. Кукла — Я.

Нитка дергает вверх — рука вверх.

Руки на поясице отсчитывают ритм.

Нитка дергает другую руку вверх — рука вверх.

Утро. Второй звонок. Ненавижу холод. Иду в душ. Холодный.

Закаляет.

Перечитала. Восемь раз. Рассказала зеркалу, отражению куклы.

Сдам.

Блузка — белая. Форма — черная.

Черно-Белое все.

— Евтушенко, ты готова поведать миру своё эссе?

Тошнит.

— Евтушенко, я жду.

Тошнит.

— Евтушенко, класс ждет.

Не могу. Бегу. Паркет под ногами старый.

Кафельная плитка — белая. Ромбы на ней — черные.

Черно-Белое все...

Рвет.

Неудачница. Все учителя смирились — неудачница. Все. Кроме Маргоши.

Она права. Папа прав. Надо делать, чтобы сделать...

Контролировать ситуацию.

Рвет.

Обрезала волосы.

Завела крысу. Крыса умерла. Все умирают. Неудачница. Не справилась.

Не контролировала.

— Лиза... Лиза... девочка, вставай.

Туфли — черные. Плитка — белая.

Черно — Белое все.

— Лиза, пойдём.

Тошнит. На юбку Елены Павловны. Желчью.

Не контролировала.

— Лиза, пойдём... девочка.

— Тебе лучше?

— Да, спасибо...

— Думаю, мне надо поговорить с Маргаритой Александровной, как ты на это смотришь?

— Нет!

— Лиза... страх публичных выступлений — это нормально. Иногда он проходит, иногда нет.

Не нужно переступать через себя.

— Нужно контролировать ситуацию.

— Лиза, не все можно контролировать...

— Все!

— Хорошо, мы потом поговорим.

— Ты говорила про Филиппа... а что про волосы?

— Вы помните Филиппа?

— Конечно, очень сложно забыть крысу, который так часто посещал школу, что его поставили на довольствие в столовой. Он был красивым и умным. И домик у него был особенный...

— Он умер... все умирают...

— Крысы мало живут, ты знаешь. Но ведь это не меняет того, что он был славным парнем, правда?

Тепло.

— Так что с волосами? Можешь рассказать?

— У... меня... у меня были длинные волосы, а я их обрезала, сама, в ванной, вот.

— Ну... по-моему, тебе очень идет стрижка. Ты очень красивая.

— Кукла...

— Нет, девушка... Расскажешь, почему ты обрезала волосы?

— Я не справилась... Когда мама... мамы... эм... когда мама умерла... она всегда

заплетала мне волосы. Мыла, а потом заплетала, чтобы не путались... они все время путались, мама говорит... говорила, что это домовый их запутывает, потому что любит меня... И потом, после... когда уже... совсем не стало... после похорон... я не мыла волосы... совсем... они расплелись. Бабушка... она делала больно... дергала... они запутались сильнее... Папа сказал, что надо уксусом и расчесать... я не смогла... больно... не контролировала... и обрезала, сама, в ванной, вот.

— Лиза, сколько тебе было лет... двенадцать?

— Да.

— В этом возрасте сложно справиться с длинными волосами, а у тебя густые, красивые волосы... И стрижка очень тебе идет.

— Правда?

— Конечно, правда.

— Лиза, я вызвала твоего папу... ты не возражаешь?

— Я... Я... мне...

— Мне бы хотелось с ним поговорить.

Тошнит.

— Тебе не следует бояться. Я контролирую ситуацию, — подмигивает.

Смешно.

Коридор длинный.

Ботинки — черные. Глаза — карие.

— Как ты, куколка?

— Что ты здесь делаешь? У тебя урок!

— Эй, Мальвина, у меня литература, забей. Как ты?

— Не справилась... Снова...

— Маргоша — сука!

— Неа... это я... не контролировала...

— Лиз, Маргоша — бешеная сука, мочалка она, понятно? А ты — куколка... Пойдем в столовку, утюг, я угощаю.

— Такой щедрый?

— Ага, банкую... сегодня мы с тобой танцуем... па-ра-ра-пам-пам-па...

Бонус. Грустная табуретка. (Папа)

От лица папы Лизы

— Анатолий Дмитриевич, там... — секретарь.

Есть только одно «там», ради которого меня можно перебивать в любое время дня и ночи, в любой ситуации, в любой точке земного шара. Лиза.

Захожу в школу, вахтеру:

— Где?

Мне даже не нужно задавать вопросы.

— У психолога.

— Не у врача?

— У психолога, у Елены Павловны. Второй этаж.

Захожу, Лизы нет... На немой вопрос:

— Она в столовой, с Егором. Вы же знаете Егора?

— Да, знаю. Здравствуйте, извините.

— Здравствуйте.

Смотрю... Елена Павловна. Психолог... Сведенные колени, напряженная поза, юбка из супермаркета, поношенные туфли, красивое лицо, аккуратная укладка, отчего-то возникает вопрос, делает ли она её сама... Не молоденькая, морщинки у глаз, морщинка на переносице, о чем-то думает... о чем?

— Я бы хотела поговорить о Лизе.

— Да, я понимаю... что она сделала?

— Ничего. Лиза — прекрасная девочка, очень старательная... очень, слишком старательная, понимаете?

— Не очень, простите.

— Мы можем говорить откровенно?

Слишком напряжены руки в замке, хочется расслабить эти руки... разгладить морщинку на переносице...

— Да, конечно...

— Мне кажется, вы слишком давите на Лизу. У неё боязнь публичных выступлений... Боязнь ошибиться... Она тонкая, творческая девочка, думаю, вам следует быть с ней мягче.

— Мягче? Я мягок с ней... Порой даже слишком... мне Кажется, Елена Павловна, что в этом проблема Лизы.

— Чем занимается Лиза вне школы?

— Ходит на подготовительные курсы. Она решила, что хочет быть архитектором.

— И что в этом плохого?

— Ничего. Но учиться в России она не будет... она это знает, но ходит.

— Еще?

— Она танцует... много лет... занимается в одной студии с Егором.

— И ей нравится?

— Наверное, она не жаловалась.

— А когда Лиза последний раз жаловалась?

— Что, простите?

— Когда Лиза последний раз жаловалась на что-либо или кого-либо?

— Не помню... послушайте, сейчас с Лизой все нормально? Я могу её забрать домой? Я ограничен во времени...

— Да, конечно, вы можете, последний вопрос.

— Да.

— Что вы думаете по поводу художественной деятельности Лизы, о её картинах... она талантливая девочка, вы не находите?

— Я нахожу, что рисовать грустную табуретку — глупая деятельность. Причем, занимающая массу времени.

— Но Лизе необходимо рисовать... девочке необходимо выплескивать свои эмоции.

— На грустную табуретку?

— Да, на грустную табуретку!

Ноги перекинула, злится...

— Не бывает грустных табуреток... До свидания.

— До свидания.

— Почему же не бывает? С одной я только что разговаривала, — вслед. Я не должен был этого слышать... Хм...

— Лиза, тебе нужен отдых? Прежде, чем попробовать снова?

— Снова?

— Да, Лиза, снова. Мы говорили. Нужно учиться контролировать свои эмоции.

— Нет, не нужен.

Через пару недель, ночью, в супермаркете.

— Елена Павловна?

В корзине молоко, хлеб, сыр... Российский...

— ?????

— Анатолий Дмитриевич, папа Лизы Евтушенко.

— О, простите, не узнала, неожиданно. Что вы здесь делаете?

— Продукты покупаю, а что тут еще можно делать?

— Лиза?..

— Нет, нет, Лиза... она все время занята учебой, Грустными Табуретками, но готовить научилась.

Отводит глаза... поняла, что слышал... хм...

— Вас подвезти?

— Нет, спасибо, тут рядом.

— Хорошо. До свидания.

Кидая пакеты с продуктами... на две недели должно хватить, по мелочи Олег подвезет Лизе.

Елена Павловна. Черное пальтишко, тоненькое, сильный ветер, кутается... во что там кутаться?..

— Садитесь.

— Нет... спасибо, тут рядом.

— Да садитесь же.

Сидит, ноги сведены, руки замком... морщинка на переносице, отчего-то хочется разгладить эту морщинку...

— Приехали.

Слишком быстро.

— Я провожу.

— Не надо, спасибо.

— Простите, я поставлю вас в неудобное положение...

— Что? Нет... нет... но спасибо, не надо. До свидания.

— До свидания, Елена... Павловна.

Вся моя жизнь — работа и Лиза.

Лиза и Работа.

В ней нет места напряженным в замке рукам...

Пальто — черное, тонкое... Морщинка.

У меня была одна женщина — моя жена. И... да, глупость какая вспоминать, что было до... один раз... или два. Уже не важно. В моей жизни одна женщина — моя жена.

Её нет пять лет... Пять лет.

Работа и Лиза.

Сведенные колени, юбка из супермаркета, поношенные туфли, красивое лицо...

Не молоденькая, морщинки у глаз, морщинка на переносице, о чем-то думает... о чем?..

Звоню.

— Вы?

— Я...

— Проходите.

— Что?

— Проходите, ведь зачем-то вы пришли. Проходите.

Прихожая маленькая, типовая квартира... трикотажная футболка, растянутая, теплые носки... удивленное лицо... красивое.

— Чай?

— Эм... да... спасибо...

— Так что вы тут делаете?

— Я... не знаю, простите, я пойду.

Маленький коридор, узенький, картины на стенах, прихожая... горячая рука на моем запястье.

Держу эту руку... Лицо. Красивое. Не молоденькая... морщинки у глаз... губы, она ела варенье, только что... Пахнет вареньем.

— Лена... я...

— Останься... сейчас.

На вкус, как варенье.

Проснувшись от отсутствия тепла рядом, от неяркой щелочки света в ванную комнату, которая граничила со спальней, мелком глянув на часы «три часа ночи», Андрей встал и машинально пошел на кухню. Снова. Снова. и Снова.

Он налил стакан воды, достал кубик льда с мятой, какое-то время смотрел, как кубик тает, а зеленые листики разворачиваются, выжал лимонный сок и зашел в ванную. Давно, уже давно он запретил ей закрывать дверь, после того случая... того...

Застав Лизин затылок над унитазом и содрогающееся тело, просто сел рядом, потом усадил маленькую к себе на колени.

— Уйди, от меня пахнет противно.

— Переживу.

— Уйди...

— Не-а. Выпей.

— Нет. Меня снова вырвет.

— Лиза, пусть тебя вырвет водой... что ли. Это лучше, чем так... Ты скажешь мне? — закальвая её волосы, протирая лицо водой...

— Что сказать? Это бывает. Ты знаешь.

— Знаю. Пойдем... — поднимая на руки, относя в постель, — давай поспи, у тебя долгий день.

Лиза, по привычке закинув ногу на Андрея, моментально засыпает.

Сколько же ты сидела там маленькая... скажешь... это бывает...

Действительно, это бывает. Первый раз Андрей столкнулся с такой реакцией Лизино организма на волнение, когда она, бледнея, пряча глаза и хватаясь за край стола, отказалась выходить за Андрея. «Это слишком серьезно». «Это очень страшно».

Приехать на другой конец страны, отказаться от лучшего образования, положив на это самое образование мегатонны сил, приехать к мужчине и отказаться выйти за него, потому что «это слишком серьезно»..

Тогда Андрей ухмыльнулся, что еще можно подумать, когда молоденькую девушку вырвало едва ли не на обувь Андрея после месяца совместной жизни. Оказалось, действительно, «Это бывает».

В тот же день, когда Андрей пообещал удовлетворять свою основную потребность, уже после обеда, когда Андрей так и не вышел к столу, так и не выпустил Лизу из своих рук, не веря себе, не веря в себя, Мария Степановна постучала в дверь и со словами «Тебе лучше выйти, Андрей, и Лизе тоже», разглаживая фартук, пошла вниз.

Действительно, было лучше. Во дворе стоял отец Лизы, стоял спокойно, не разговаривая ни с кем, отказавшись даже присесть, стоял, источая власть. Даже Роман Никодимович, привыкший управлять ни одной сотней народа, чувствовал себя неуютно под этим спокойным, властным взглядом. Лиза выскочила следом за Андреем, в его футболке, босиком, с взлохмаченной головой...

— Елизавета, оденься, сейчас же, — сказал отец Лизы. Это были первые слова, которые он произнес.

— Лизочка, избавь папу от подробностей, девочка, держи, — с улыбкой протянула

пакет женщина, которая стала видна только сейчас, на фоне своего спутника она терялась. Хотя, бесспорно, была довольно приятной, даже красивой, с аккуратно уложенными волосами, в простом платье, настолько простом, что очевидна была его совсем непростая цена.

— Итак, думаю, нам надо познакомиться, раз уж так... получилось, — взмах рукой в сторону двери, которая хлопнулась за спиной Лизы. — Я — Анатолий Дмитриевич, отец барышни, — со смешком, — которую вы только что имели удовольствие лицезреть в столь... кхм... красноречивом виде.

— Андрей, — протянул руку. Хотел было добавить «причина красноречивого вида», но промолчал.

Через десять минут знакомства напряженная тишина спала, однако властный голос и парализующий взгляд никуда не делался, позже стало ясно, что это неотъемлемая часть отца Лизы, как и безупречные стрелки на брюках, которые он носил в любую жару, как и отсутствие какой-либо яркой одежды в его гардеробе. Как и его спутница Елена, с её неизбежно мягкой улыбкой, глядя на которую Анатолий, а то и Толя, впоследствии, все же улыбался.

— Елизавета, у нас четыре часа до самолета, ты знаешь, и я надеялся, что ты все же появишься.

— Извини... я...

— Извинения приняты, малышка, слушай внимательно. Квартира оплачена до конца учебного года, сейчас там убираются, ключи отдадут консьержу. Это карточка, сюда каждый месяц, двадцать пятого числа я буду переводить деньги, ты должна подключить смс уведомление, поняла меня?

— Да.

— Это карточка с неприкосновенным запасом, на случай форс мажора и, Лиза, случай форс мажор — это не покупка сумочки. Поняла?

— Да.

Андрей попытался возразить... Даже Мария Степановна решительно вытирала о фартук руки, что говорило лишь о том, что она намерена рассказать эту человеку, что уж на сумочку для Лизаветы у них средства-то найдутся, Анатолий Дмитриевич перебил сразу:

— Сейчас я разговариваю со своей дочерью. Во-первых, во-вторых и в-третьих — она моя дочь, и решать, когда и в каком количестве выделять денежные средства, я буду сам.

Чем вызвал уважительный взгляд со стороны Романа Никодимовича. По всему было видно, что человек перед ним обстоятельный, дело говорит, сойдемся.

— Твои вещи у бабушки, я не стал ничего отвозить на квартиру, сама разберешься. И... ключи от машины, страховка, твои документы. Уверен, тебе понадобятся услуги инструктора, Елизавета, ты неуверенно чувствуешь себя за рулем, но с этим разберешься сама.

— Ох, ты господи, да что у нас не найдется кому Лизавету на машине возить, да и зачем ей машина-то своя, страху только натерпится, полный дом мужиков, машин, отвезут, привезут... — это уже причитала Мария Степановна. Не так она представляла себе знакомство с будущим родственником, а в том, что этот человек — её новый сват, она не сомневалась нисколько, достаточно посмотреть на лицо Андрея, на его руки, которые, казалось, не отпускали рук Лизы ни на секунду.

— Ну... кхм... разберетесь сами... — с улыбкой, видимо, не хотелось Анатолию

спорить с этой полноватой, уже немолодой женщиной, в простом халате и фартуке, поглядывающей на Лизу с теплотой и улыбкой.

И, отведя Лизу в сторону, что-то еще сказал, попрощавшись крепким рукопожатием, обняв дочку, ушел под улыбающийся взгляд Елены, которая, обернувшись у калитки, вдруг задорно подмигнула то ли Лизе, то ли Андрею, то ли всем вместе, включая Романа Никодмовича, который даже хмукнул в усы от неожиданности.

«Это бывает». Действительно, бывает. Такое случилось, когда Лиза занялась покраской стен в этой самой спальне, где сейчас крепко спит, пока Андрей перебирает волосы, её волосы, легонько поглаживая по голове. Тогда Лизе понадобилось три оттенка синего цвета. Всего три. Что может быть проще? Но не для Лизы. Это должны быть определенные оттенки. Идеальные оттенки, правильные, на четверть тона бледнее, на треть ярче.

Она провела в этой спальне почти месяц, доведя до нервного тика не только Андрея, его братьев и отца, которые не понимали, что от них требует маленькая фурия с синими глазами, но и рабочих, которые, отводя глаза, отказывались заниматься отделкой этой комнаты.

Синий — это синий. Не красный же. Но нет... три определенных оттенка. Андрей не понимал, в его голове не могло уложиться, как можно переживать из-за цвета стен, ладно бы хотела зеленый, а получила желтый. Но оттенки... Однако же, Лизу сначала тошнило, а потом и вовсе рвало из-за невозможности подобрать нужные оттенки при определенном освещении. Андрей был готов притащить колеровочный автомат и приковать к нему парня, чтобы смешивал цвета, был готов взорвать эту спальню и этот хренов идеальный дом, который он все же построил для Лизы, взяв кредит в банке под совсем неидеальные проценты.

Этот дом был большущим экономическим провалом, это был катарсис нерентабельности. Если однажды его придется продать, он не оправдает даже средств, затраченных на материалы, но что мог сделать Андрей? Он пообещал Лизе идеальный дом. И построил. В неидеальном месте, на его взгляд. Когда они подыскивали место для строительства, перебрали массу вариантов, пока Лиза не показала ему этот участок, на окраине станицы, с огромными раскидистыми яблонями, тенистым садом и спуском к илистой, с камышами, речке. Даже не в городе. Станица. С ума сойти. Все здравые аргументы иссякли, и Андрей не без удовольствия согласился, что им конечно необходим и этот сад, и эта речка, и комары от этой речки, и отдаленность от города, да он бы согласился на соседство с гуманоидами, когда маленькая самым беззастенчивым образом залезла ему в джинсы и шептала: «Нам нужен Этот участок».

Надо сказать, что дом действительно получился идеальным, каким-то невероятным образом вписавшись в окружающую среду, даже слившись с ней, он смотрел на маленькую речку и корявые яблони своими огромными, во всю стену, окнами не менее огромной и невероятно светлой кухни. Каждая деталь, каждая мелочь в этом доме была продумана.

«Прежде, чем готовить тыкву, надо взять синее блюдо» — в этом была вся Лиза...

Благодаря этому дому и случаю у Лизы появились первые клиенты. Покупатель из разряда «хочу что-то, сам не знаю что» довел Тоню почти до ручки, когда она передала его в руки Андрея, со словами «корова не доена» убежала, можно подумать у них есть корова...

Андрей привез его к себе на обед, потому что мужик попался интересный — поговорить. Александр, так звали первого клиента Лизы, долго ходил по дому, Андрей показал всё, кроме спальни, не мог он допустить, чтобы кто-то увидел кружево, которое

почти наверняка сейчас свисает со спинки кровати... «У какого бюро заказывали проект?», — поинтересовался Александр, как раз в тот момент, как «бюро» собственной персоной всплыло в кухню в маечке, потертых трикотажных штанишках и в краске, видимо «бюро» решило сделать перерыв в учебе и рисовало.

Издали Лиза была похожа на восьмиклассницу, вблизи — немногим больше, в этой майке и с краской на носике. «У этого», — хмыкнул Андрей. Таким образом, Лиза спроектировала пять домов, не без помощи Андрея, два из которых, правда, по протекции отца, но дома-то от этого не стали хуже... Их смело можно назвать идеальными.

«Это бывает». Действительно, бывает. Диплом стал бесконечной катастрофой для Андрея, он был в паре шагов, чтобы попросту запереть Лизу дома или вызвать скорую на постоянной основе, настолько часто повторялись приступы Лизы. Она все время волновалась из-за диплома. Ей было мало хорошо. Ей было мало отлично. Ей было нужно безупречно. И она получила своё безупречно... Сорвав аплодисменты у комиссии, которые даже по окончании её учебы не могли поверить, что такое чудо посетило их ВУЗ, предлагая продолжить учебу, учить самой, что тут же отверг Андрей, ему страшно было думать о продолжении учебы его маленькой школьницы. Нет. Нет и Нет. Что угодно. Пусть она переживает из-за оттенков синего и перестроит парочку раз этот дом или построит еще один... она давно поглядывает на участок, доставшийся Андрею от деда, но но не этот кошмар с дипломом.

Сейчас... от чего сейчас сходила с ума его Лиза?

Переживает, что диплом будет не того оттенка? Лиза может...

Обычно, переживания Лизы читались бегущей строкой в синих глазах, тогда Андрей сажал её на колени, говорил «Рассказывай» и внимательно слушал её маленькие, а то и большие тайны и проблемы, которые она начинала рассказывать медленно, потом переходя на шепот, быстрый шепот, очень быстрый, потом плач и неизменное «вот» в конце.

Её проблемы, как правило, не стоили выеденного яйца, но если маленькая переживала из-за ерунды, то это автоматически переставало быть ерундой. Андрею жизненно необходимо было, чтобы Лиза улыбалась, он был зависим от смешинки в синих глазах.

Только один раз она замкнулась, закрылась, молчала больше месяца. Один раз.

Тогда было понятно от чего, было ясно, что говорить, главное — понятно, что делать. Делать легче, чем просто смотреть и не понимать.

Тогда... тот раз. Андрей мало, что помнит из того ужасного дня, помнит — чужой голос по телефону сообщил отделение и номер палаты, этот же чужой голос сказал «вам лучше приехать» и «возьмите там... что нужно».

Андрей помнит нескончаемую пробку на въезде в город, которая тянулась и тянулась, и он готов был уже бросить машину и побежать, но рядом сидела Тоня, которая никак не могла бежать на пятом месяце беременности, зато точно знала «что нужно». В панике, он отчего-то позвонил ей, а не матери, что было бы правильной и понятней. Или не звонить никому, но это «возьмите там... что нужно» и гудки. Что нужно-то?

Андрей помнит, как вошел в палату, где из пяти кроватей были заняты две, Лизы не было и вид кофточки, в которой она уезжала утром, пританцовывая, сковал его в каком-то животном ужасе, пока он пальцами перебирал мягкую ткань, не соображая ничего. Даже не пытаясь понять происходящее. В то время, как Тоня своим пытливым женским умом быстро расспросила соседок по палате, узнала имя врача и, постелив пеленку на кровать, убежала на поиски кого-нибудь, кто объяснит, даст указания.

Андрей помнит, как привозили по очереди соседок по палате, и он помогал медсестрам, худеньким девчущкам, перекладывать женщин на кровати. Это было форменное издевательство — кровати не на уровне каталок, и щупленькие сестрички, которые никак не могли аккуратно переложить находящихся в полунаркозе женщин. Был вариант просто скинуть, скатить, попытаться придержать, когда ночные сорочки задирались и Андрей видел то, что не представляет никакой тайны, но видеть этого не следует, неправильно.

Он попросту перекладывал женщин на кровати, отводя глаза, оставляя их на попечение сестер. Видимо, за оказанную помощь его не выгнали, позволив сидеть и ждать Лизу.

Помнит, как пришла Тоня и села рядом, пока молодой врач объяснял Андрею про замершую беременность, плод... выкидыш... потеряла много крови... критически много... потеряла ребенка... Ребенка — слова резанули Андрея, он даже не знал, не предполагал.

Он помнит, как привезли маленькую... которая в одночасье, кажется, стала еще меньше и была настолько белой, что пропали даже веснушки, настолько, что простынь на одеяле, которое было накинуто на Лизу, показалась ярче во сто крат. И все мысли о ребенке вмиг покинули голову Андрея, потому что... черт возьми, он даже не знал об этом ребенке, он не мог думать о ребенке, когда видел свою маленькую в таком состоянии, когда, так и не сумев выпустить её из рук, сидел на кровати.

Он помнит, что пришла процедурная сестра и заставила Андрея выйти, помнит, что скатился по стене в коридоре, когда приехала мать и Митя, который ничего не сказал Андрею, но тут же отвел Тоню в кафе, кажется.

Помнит, как быстро Мария Степановна «порешала вопросы» с отдельной палатой для Лизы, с разрешением находиться Андрею в этой же палате.

«Как это, кто он ей? Живут они, не первый год... Значит, муж он ей. А кто же еще? А родственники, милый... так мать, покойница, почитай уже лет семь, как в земле, а отец на севере. Вот мы и есть её родственники, так что ты этикой своей меня не путай. Он — муж. Я — мать. И не дело это, молоденькой девчонке на абортниц смотреть, когда сама ребеночка... не дело»

Помнит бледное личико, помнит до невозможности худенькие руки поверх зеленого постельного белья с казенными печатями, помнит синяки, буро синие, огромные, которые растекались по рукам Лизы... «Вены не могли найти». Были ли вены у его маленькой, почти эфемерной девушки с веселыми веснушками, которые от испуга, видимо, тоже пропали.

Помнит, как привез её домой, молчаливую, тихую, пытался что-то говорить, уговаривать, шептал, что это ничего... что они попробуют еще раз, потом... когда-нибудь, когда Лиза будет готова, что даже если... что все не имеет значения. Лиза молчала. Месяц. Месяц замкнутого круга, когда вечером она ест, что нужно для повышения гемоглобина, для хоть каких-то сил, а ночью сидит в ванной комнате, на подушке, которую принес Андрей, еще во вторую ночь.

С ней пытались говорить, все, кроме Тони, которая не показывалась у них, виновато отводя глаза, будто её растущий живот был грехом или виной.

Лиза отчаянно молчала, тогда... Тогда все было ясно, понятно, читаемо... Тогда она потеряла сознание в этой ванной комнате, и Андрей вышиб дверь, запретив ей закрываться. По сей день этот запрет действует в их доме.

Лиза отчаянно молчала, когда Андрей увез её на море, и плевать, что не сезон, так даже лучше, народу меньше, и сидел с ней в номере, смотря её любимые фильмы, гулял, разговаривая больше сам с собой, молчал так же с собой. Пока однажды губы Лизы не нашли

губы Андрея с вполне очевидными намерениями, и в глазах не появились смешинки, когда она шептала непристойности, недвусмысленно поглаживая живот, и ниже, Андрея...

Что сейчас беспокоит Лизу? Почему пропали смешинки... Отчего веснушки не резвятся?

Что за упорное отмалчивание, когда не помогает «рассказывай», когда игнорируется любая попытка достучаться... закрылась, испугалась. Чего?

Мысли крутятся в голове Андрея, должен быть ответ, должна быть причина... Должен быть способ разговорить Лизу... Все должно быть просто. На поверхности.

Маленькая... с маленькими девочками всегда проблемы.....

Что... Что...Что..? Поговорим... Все... сегодня получишь свои корочки и поговорим... Разговорю... заставлю.

Последняя мысль перед тем, как заснуть... под сладкое сопение, бормотание, под перекинутую ножку через ногу Андрея.

Проснувшись от звука будильника, он максимально тихо выходит на кухню, пусть Лиза поспит еще минут двадцать-тридцать...

После того, как маленькая перебралась жить к Андрею, а это случилось в тот же день, как уехал её отец, а то и накануне, когда она тихо вошла во двор, Андрей не отпустил бы её ни на какую квартиру, ни к какой бабушке.

Моя — билось в висках. Моя — неслось по венам.

Практически сразу выяснилась полная недееспособность маленькой по утрам, она вставала, чтобы проводить Андрея на работу, но каждый раз он всерьез опасался, что она заснет прямо на лестнице и покалечится, упав с неё, поэтому сначала, пока они жили у родителей, Мария Степановна готовила завтрак и, пользуясь отсутствием Лизы на руках Андрея, причитала:

«Когда вы распишитесь?»

«Ну, сколько можно-то? Сколько можно?»

«Позорище-то какое... расписывайся давай!»

А потом Андрей, привыкший вставать рано, взял на себя эту функцию, спокойно готовил завтрак и убирался на кухне, иначе завалы кружек и тарелок после его приготовления простоят до вечера, пока Лиза не приедет с учебы и не примется за уборку.

Моя маленькая соня...

Вскоре к сонному состоянию Лизы прибавился приятный бонус, который Андрей не променял бы ни на какую кашу и блины поутру. Он обнаружил особую прелесть в том, чтобы взять полусонную Лизу, пока её сознание практически отсутствует, а горячее со сна тело реагирует как никогда жарко, при этом лениво, плавно, тихо, податливо, когда только зрачки и откинута шейка выдают желание, пока вихрь не пронесется по телу маленькой, и с тихим «пфф» она падает на грудь Андрея.

Бывали дни, когда он не стеснялся разбудить её именно для этого, оставляя потом спать дальше, подоткнув одеяло под ноги... мерзнут.

Зайдя через десять минут в спальню, чтобы разбудить Лизу, он видит, что маленькая уже встала и пританцовывает в одних трусиках... формально это были трусики. И формально она пританцовывала.

Он чуть не засмеялся в голос, когда первый раз застал танцующую Лизу под невообразимо громкую музыку. Она напоминала обезьянку, махая руками и ногами абсолютно невпопад, крутя попкой и мотая головой из стороны в сторону. И эта девушка занималась танцами много лет, уму непостижимо.

— Ты уверена, что у тебя нет сестры-близнеца, маленькая? — смеясь, спросил Андрей.

— О чем ты говоришь? Я изящна и это... о, вспомнила, грациозна!

— Конечно, Лиза, конечно, — поднимая одной рукой, ловя губы, — ты чертовски грациозна, как жеребенок, наступивший на оголенный электрический провод, — получив подзатыльник. — Я люблю тебя, я тебе говорил сегодня?

— Говорил. Я тоже люблю тебя.

— Ну, значит, скажу еще раз... и еще раз... и еще... — неся в сторону спальни, — ты чертовски хорошо крутишь попкой, маленькая, ты должна понимать, что я не могу оставить

без внимания эту попку...

Один раз он все же увидел, как умеет танцевать Лиза, когда пару лет назад к ним, проездом, заехал её бывший партнер по танцам. Андрей отказывался знать, кем он еще был для Лизы, потому что отчетливо помнил его руку на талии и карие глаза, так контрастирующие со светлыми волосами на фотографиях.

Включив музыку, после долгих уговоров он повел Лизу... феноменально, это было именно так, насколько изменилась Лиза, насколько стали плавными движения, насколько отработано попадали ноги в такт музыки, насколько невероятно изящным был поворот головы и даже поклон публике — Андрею и спутнице её бывшего партнера.

После чего Лиза сказала.

— Доволен? Всё!

Всё так всё, Андрея устраивали их танцы, когда он попросту поднимал Лизу и в нехитрых движениях кружил маленькую, продолжая свои па уже в горизонтальном положении, едва ли дойдя до середины песни.

Вид покачивающейся попки в кружевах имеет вполне определенное воздействие на Андрея, особенно сейчас.

Кружева, кружева, кружева... теперь-то Андрей знал, где берет Лиза эти безумные вещички, некоторые из них он покупал лично, но это не значит, что они по-прежнему не сводили его с ума. Они каждый раз взрывали мозг острым желанием, особенно сейчас, когда Лиза поправилась, совсем немного, и от этого стала невероятно сладко-сексуальной. Она повзрослела, её движения стали более плавные, желание острым, она научилась томности, страсти, откровенности...

Это невозможно... Больше невозможно... надо... хочу... необходима...

В два шага он достигает Лизу, притянув к себе спиной, встречаясь с ней глазами в большое зеркало... Она красивая, её волосы отросли и теперь спадали волнами по плечам, заканчиваясь как раз у сосков чуть-чуть пополневшей груди. Её живот был гладким и мягким, она не слишком уважала спортивные занятия, на радость Андрея, поэтому никакого супер-пресса, просто девичий гладкий, мягкий животик и упругая, круглая попа.

Невероятная... иди сюда....

Его руки, кажется, знают сами, куда им двигаться, вот они пробегают по груди, немного сдавливая, потом отпуская, поглаживая, вот одна рука спускается к животу и прижимает тело маленькой к себе, вот эта же рука пробегает по краешку кружева, вот вторая рука ложится на талию, обхватив её, вот эта рука отстраняет Лизу от горячего тела Андрея, потому что есть еще спинка, есть те самые местечки у круглой попы, когда зрачки расширяются, когда дыхание становится глубоким, и руки маленькой цепляются за Андрея, где бы он не был, впереди, сзади, сверху, снизу...

Руки живут своей жизнью, у тел свой танец. У глаз свой, которые говорят сейчас через зеркало.

— Люблю тебя...

— Люблю...

Вот большая рука аккуратно снимает кружево, позволяя ножкам переступить через него, вот пальцы отправляются в своё путешествие, собирая влагу, дразня, совсем немного, пока попка вдавливаясь с силой, ища большего контакта, пока нога отодвигается в сторону, предоставляя больший доступ, пока голова откидывается назад, и губы произносят «ааааааййхх».

— Я хочу тебя, маленькая... хочу, позволь мне, — целуя шею.

— Я опаздываю, — подставляя шею под горячие губы.

— Я отвезу тебя сам, — проникая пальцем.

— Так ты опоздаешь, — начиная покачивать бедрами в такт пальца.

— Я хочу тебя, Лиза...позволь мне...

— Я... аайй... оу... опаздываю...

Никуда ты не опаздываешь..... ну же..... давай... маленькая.....

— Нет? — глаза в глаза через зеркало.

— Нееетт, — продолжая двигаться, ослабевать в руках...

Какое нет... ну, какое нет..... ты же хочешь, ты сейчас растаешь..... ты посмотри...

это НЕ нет... маленькая.....

Я не могу больше слышать НЕТ... Моя.....

Отрывая маленькую от пола, одним шагом оказавшись на кровати, целуя глубоко, рвано, на грани осознания уже теряя контроль над своими руками, своим пониманием, своей силой, продолжая ласкать, ритмично, ровно под покачивания бедер...

— Лиза, давай НЕ нет!

Смотря словно через пелену тумана, похоти, злости на девушку, которая так близка к своему освобождению от пут желания... желания, которое он породил и его желания, которое натывается на упрямое «нет» уже три недели.

А вот уж ХРЕН..... и тебе НЕТ... маленькая де во ч ка.....

Резко отрывая руки, облизывая пальцы, смотря в глаза с широкими зрачками, которые смотрят прямо в глаза Андрея, из синевы кажется, сейчас пойдут слезы разочарования, от того, что оборвали, сбили...

Неприятно, правда, маленькая?

Придавливая плечики двумя руками в подушки.

— Скажи мне, Лиза.

— Что?

— Ты знаешь что, не надо рубить дуру, потому что ты не дура!

— Я опаздываю... — всхлип, прячет глаза со слезинками в уголках.

Злость, какая-то глухая, давящая, как пуховое одеяло, лишаящая дыхания, горькая, как польнь, злость поднимается из глубин подсознания Андрея. Это то, что сильнее его. Это то, с чем он не может справиться сам, сейчас. Сейчас он может только контролировать свою силу, чтобы не сжать одной рукой эту хорошенькую головку с синими глазками и не раздавить её нахрен, потому что нужно "да", потому что нужны ответы. Сейчас.

Ему осточертело молчание, ему осточертели отведенные глаза, ему осточертело тело маленькой, которое отправляет по позвоночнику Андрея совсем другие сигналы, очевидные, красноречивые сигналы, которые так противоречат этому гребному "нет".

— Скажи мне, Лиза. Скажи. Сейчас, что бы это не было.

— Я опаздываю.....

— Ты, блядь, три недели опаздываешь? Ночами опаздываешь? Днями? Скажи, сейчас же!!

— Что?

Как заговоренная... это хреново колесо для мыши... крутится..... нет... нет... нет... почему нет...

Придавливая сильнее, возможно до синяков, у маленькой очень нежная кожа.

Невероятно нежная, белая, с россыпью веснушек, её бы боготворить — эту кожу, этот аромат яблок, который застыл в солнечном сплетении Андрея вместе с ужасом от собственных рук, что придавливают, сжимают.

— Лиза, что с тобой, почему три недели нет? Почему ты снова проводишь ночи на этой хреновой подушке? Лиза, три недели — это дохрена для молчания. Рассказывай.

— Я опаздываю, — сквозь слезы.

Это нахуй уже не смешно.....

— Три недели...

— Ты не можешь потерпеть три недели, Андрей? — начинает злиться.

— Я. Могу. Потерпеть. Три. Недели. Лиза. Я хочу знать почему? Почему? Я хочу знать, что с тобой, Лиза. Просто расскажи мне! Всё! Расскажи! Мне!

— Я опаздываю, — злясь, давясь слезами в синих глазах, пытаюсь скинуть руки Андрея, руки, которые в сто крат сильнее и без доброй воли обладателя не оставят тело маленькой. Но нет никакой доброй воли, нет вообще никакой воли, только чтобы не раздавить, не сжать, не сломать. Есть злость, глухая.

— Лиза... — придавливая сильнее, — Лиза, ты никуда не пойдешь, ты никуда не поедешь, пока не скажешь...

— Я..... - всхлип.

— Ну?

— Я опаздываю!

Твою Ты Богу Душу Мать!!

Вставая рывком, вместе с Лизой, которую так просто удержать одной рукой, пока её ножки просто болтаются, не доставая до пола.

— Что из того, что я сказал, ты не поняла, Лиза?

— Я... я... я могу... ну... найти компромисс... я не подумала..... я могу... — всхлип.

— О чем ты?

— Я... я... — вырываясь из ослабевшего захвата, вдруг опускаясь на колени, протягивая руки к резинке пижамных штанов Андрея, под его недоумевающий взгляд, под его желание...

О..... ну, давай так...

Опустив руку на затылок Лизы привычным жестом, встречаясь с синими глазами в которых плещется... злость? Испуг? Отчаяние, какое-то жуткое отчаяние затопило глаза маленькой, отчаяние переливалось оттенками синими, серого, отражалось в карих прожилках, в маленьких сосудах, которые стали отчетливо видны, отчаяние отражалось в веснушках, в локонах волос, что свисают ровно над сосками, в белой коже, которой бы поклоняться, в аромате яблок, которое вышибает дух у Андрея, нокаутируя точно в цель.

Опускаясь на колени, захватывая ладонями заплаканное личико.

— Лиза, я не насильник. Я люблю тебя. Я хочу тебя. Я хочу знать, что происходит... Но я не... Лиза, всё, ты действительно опаздываешь, — вставая, поднимая под мышки, ставя на пол, — собирайся, там кофе, всё как любишь ты. Ты помнишь? Я пойду, отгоню машину... вчера подпер тебя рабочим грузовиком.

В изнеможении, в оцепенении, в онемении, под синий взгляд на фоне трех оттенков синего выходит из спальни, из кухни, мимо огромной веранды, мимо корявых яблонь, мимо фонарей, освещающих газон ночами, к илистой речке, чтобы опустить голову в эту полугрязную воду... чтобы отпустило... ушло... невозможно больше... чтобы вечером снова

поговорить, уже спокойно. Потому что три недели — это много для нет. Потому что три недели — это много для подушки рядом с унитазом в ванной комнате. Потому что Андрею нужны ответы, и он их получит, какими бы они не были.

Ему надо на работу, но он не может сдвинуть себя с места... никак. Сославшись на мифическое плохое самочувствие, просто сидит дома, на стуле, крутя в руках кружку с изображением смешной лягушки. Лиза влюбилась в эту лягушку, впоследствии изрисовав стены своего «кабинета» такими же лягушатами. Кабинет — очень громкое название для маленькой комнаты, заставленной картинами, банками с кистями, валяющейся ветошью. Это едва ли не единственная комната, где Лиза не убирается практически никогда. Пыль соседствует с карандашами, пустыми тюбиками краски и лягушками на стенах.

Во всем остальном доме поддерживается почти идеальный порядок, и Андрей порой опасался поставить не туда тарелку. Почти, потому что порядок не распространялся на утро. Утром Лиза могла переступить через любые «не там» оставленные тарелки, чашки, кружева, она оставляла за собой непередаваемый разгром в ванной, будто там умывалась рота солдат, а не его жена, и как ей это удавалось...

Жена... они так и не оформили свои отношения официально, давая повод для причитаний матери, которая не упускала шанса вздохнуть, а то и всплакнуть «когда же распишитесь-то, а?», но на пальце Андрея красовалось довольно массивное обручальное кольцо.

Маленькая оказалась ревнивой, нет, Андрей не давал поводов, никогда, но было его прошлое, и был маленький городок, и была какая-нибудь соседка, кума, прохожая, которая непременно скажет его маленькой: «Смотри, смотри, бывшая твоего пошла». Даже если он не помнил эту «бывшую», и «бывшей» Андрей не нужен. Было и было... да и было ли? Или: «Это Светка, Андрюха-то твой, когда подрался в бильярде, увез её и её подружку, да... представляешь, двоих... ох...».

Каждый раз эти разговоры заканчивались слезами Лизы, каждый раз Андрей объяснял, говорил, уговаривал, просил прощения... «Лиза, маленькая, пожалуйста, это было до тебя... давно, очень давно...». Каждый раз он слышал «Понимаю», но каждый раз это заканчивалось двухдневным бойкотом. Больше двух дней Лиза злиться не могла.

В тот раз Андрей со своим прошлым превзошел сам себя, он понимал, что, как только станет известно маленькой, его ждут неприятности... Но все равно пошел на это. Сознательно.

Встретив в соседнем городке Зойку, некогда экзотическую, страстную, с поволокой в карих глазах, а теперь вдруг потухшую, ссутулившуюся, он не смог пройти мимо, остановился и только тогда увидел коляску и толстенького малыша, который с энтузиазмом жевал собственную ногу.

— Как дела, Зой?

— Да вот... но знаешь, я рада.

— Одна?

— Угу... да ладно, чего уж.

— И как?

— Ой, Андрюша, а то ты не знаешь как... без работы-то, с дитем малым... жду... место в садике обещают...

— Понятно.

Что руководило тогда Андреем, он и сам сказать не может. Жалость ли, благодарность

за что-то, но он сказал:

— Зой, ты же бухгалтер. Нам сметчица нужна. Не на полный день, как справишься, а что-то можно дома, по «удаленке», я могу прислать парня, он настроит...

Зоя не стала долго думать, с радостью приняла предложение, действительно, в маленьком городке с ребенком не так-то просто найти хоть какую-нибудь работу. «А тут не на полный день и платят, что в компании отца Андрея всегда исправно платят, знают все. Порой меньше, порой больше, от сезона зависит, но постоянные рабочие всегда вовремя получают своё», — радовалась Зоя.

Зоя радовалась, Андрей был в ужасе, понимая, что надо как-то объяснить Зойкинское присутствие в «офисе», и тот факт, что почти всегда там же находится Тоня не спасло бы Андрея от слез маленькой.

Но все получилось так, как получилось.

Услышав визг тормозов перед дверью «офиса», Андрей даже не успел испугаться, увидев машину Лизы, она просто влетела в маленькую комнатку, где сидели Андрей и Тоня, зыркнула на Антонину так, что та выскочила со своим «корова не доена» на улицу и попыталась подсмотреть в окно. Тоня была тактичной женщиной, но не когда происходило что-то интересное, она могла тактично промолчать, но тактично не подсмотреть она не могла.

Лиза положила на стол перед Андреем это самое кольцо, которое он теперь не снимает никогда, и со словами «надевай давай!» смотрела на его руки.

— Надевай кольцо!

— Хорошо, хорошо... просто... может ты сама? — с улыбкой, — раз уж ты изволишь предложение делать, — подмигивая, — то может по всем правилам... а, маленькая? На колени встать, у?

— Надевай Это Кольцо Сейчас Же! — шипя в лицо.

— Я согласен, — быстро надевая кольцо на безымянный палец, притягивая Лизу в легком поцелуе, который как-то сам собой перерос в глубокий, сумасшедший, удивительный по силе воздействия, и если бы не Тонино «ой» и её полет с ящика, на котором она подглядывала в окно, неизвестно, чем бы он закончился, верней, известно...

Лиза твердым шагом подходит к соседней комнате, рывком открывает дверь, за которой сидит притихшая Зойка, и говорит, громко.

— Это Мой Муж. У него и кольцо есть. Вот, — хватая руку Андрея.

— Кольцо так кольцо... это все объясняет, — куда-то в бумаги прошептала Зоя.

— Да Лиза, прям, королева романтики, — смеялась за спиной Тоня. — Андрюх, ты теперь женатый человек, а свадебку-то зажал, а? — уже смеясь в открытую, когда Лиза, громко хлопнув дверью машины, уезжала на максимально возможной скорости.

В тот же день Андрей купил нарочито массивное обручальное кольцо для Лизы и, стоя на одном колене, сказал, что он просит справедливости и, раз уж он с кольцом, то и Лиза должна носить кольцо. Да, да, именно это. И конечно, он требует соблюдения традиций, начать можно с брачной ночи.

Андрею нужны ответы. Ответы на простые вопросы. Пусть даже сами ответы будут вовсе непростые.

Должны быть ответы. Все должно быть на поверхности... Просто... маленькая... поговори со мной.....

Идеальный дом.

Идеальная веснушка.

Идеальная Лиза...

Все становится на свои места, все становится ясно, как сложный пазл, собирается перед глазами Андрея... Все просто. Очевидно. Все так и должно быть. Не может не быть. Планета Земля крутится вокруг своей оси, по своей траектории, школьницы вырастают, становятся взрослыми...

Он видит озеро, будто это было вчера, смешную школьницу с белыми наушниками от планшета, он видит маленькую ручку, пробегающую по коре вековых деревьев, он видит сладкую веснушку и осевшую в мгновение девушку в здании аэропорта.

И он видит, ясно видит женщину, которая вышла сегодня из их идеального дома, в простом платье, настолько простом, что очевидна его непростая цена, он видит идеально уложенные локоны, видит стройные ноги в туфлях на высоком каблуке.

Все просто — Лиза выросла.

Слишком рано он забрал её из под опеки отца, взяв на себя функции и мужа, и отца одновременно. Школьницы не должны жить со взрослыми мужчинами, школьницы должны играть в классики, сплетничать с подружками, крутить романы с красивыми мальчиками, напиваться, а потом болеть. Школьницы должны взрослеть...

Андрей мог построить своей школьнице идеальный дом, он хотел бы подарить весь мир своей школьнице, но он никак не мог заменить этот мир. Его умненькая, славная, маленькая девочка поняла это... Она получает свой диплом... такой важный для неё... Что может удержать школьницу в этом богом забытом месте, если она уже построила идеальный дом... пять идеальных домов... а есть целые города, есть целый мир, в котором нет идеальных домов, от которого прячут в яблонево саду идеальную Лизу с россыпью веснушек на белой коже. Коже, которой поклоняться бы, а не прятать...

Отчего-то вспоминается парень, в нелепой куртке, который все время трется рядом с Лизой, когда Андрей забирает Лизу из института и её шепот «Он очень талантливый». Рядом с маленькими талантливыми школьницами должны быть талантливые мальчики, чтобы они вместе строили идеальные дома, города, вселенные, где правит всем веснушка, нашедшая своё пристанище между грудок...

Идеальная веснушка...

Идеальная Лиза...

Что ж, пусть так. Но он посмотрит в глаза своей жене, и он хочет услышать от неё правду. Сегодня. Какой бы она не была...

— Лиза, где ты? — по телефону.

— Эм... кафе... такое... знаешь... Арлекин называется, — отчего-то голос дрожит.

— На... площади?

— Да.

— Лиза, ты долго еще будешь в этом кафе?

— Час, примерно... у нас... тут... девичник, — голос сбивается.

— Это хорошо, потому что я в этом кафе. Сейчас. И я хочу тебя видеть, Лиза. Тоже сейчас.

Гудки.

Появилась Не Сейчас. Через два часа.
Два, блядь, часа... не оторваться?
Волосы взлохмачены, в синеве паника.
Не расчесаться...?

Одна.

А чего одна-то? Давай уж сразу... напалмом... маленькая... Или зассал прийти с тобой... кавалер из жопы ноги...

— Оу... что тебе заказать?

— Я не голодна...

Накормил значит... заботливый сука.....

— Я рад, а теперь ты мне скажешь всё, Лиза.

— Что?

— Лиза, пожалуйста, не делай из ситуации больший фарс. Го-во-ри.

Это, мать твою, трагично даже для Шекспира...

— Я... яя..... мне...

— Ну?

Паника в глазах, страх, отчаяние... отчаяние в синеве, в локонах волос, в розовых пухлых губах, в руках, перебирающих подол платья...

Отчаяние выбивает дух из Андрея. Отчаяния не должно быть... Страх... но отчаяние...

Маленькая... школьница..... испугали тебя... обидели... тяжело во взрослом мире, маленькая... идеальная школьница.....

— Пойдем домой. В машине поговорим. Не здесь, — протягивая руку к холодной ладошке, — пойдем Лиза, по дороге ты все расскажешь, поняла меня? Всё.

— Моя машина...

— С твоей машиной ничего не случится.

Только не сорвись... не тут..... не сорвись.....

Хрена лысого я не сорвусь..... я, блядь, придушу сейчас её нахрен. И его тоже...

Раз шаг... Два шаг... Три... Пять... Дыши.....

Разделительная полоса слева бежит быстро, сливаясь в одну линию, так же, как и мысли Андрея сливаются в одну линию...

Моя..... моя..... моя..... моя..... моя.....

— Рассказывай.

— Я... яя... я... я... яя... — тишина, всхлип.

— Это мы уже слышали, удиви меня, маленькая.

Может у него хер звездной пылью посыпан..... я бы удивился... да... сначала вырву, конечно, а потом, сука, удивляться буду...

— Меня тошнит...

— Потерпишь!

— Я... меня... — лицо краснеет, ладошки у рта.

Правда тошнит... так страшно признаться, да маленькая?

Останавливая машину, успевая поймать Лизу, когда она падает на колени, тут же, у трассы..

Ну же... маленькая..... всё... не надо так... не бойся... отпущу...

Остановись, маленькая, в тебе сейчас ничего не останется...

Вытирая лицо салфетками.

— Лиза? Маленькая, просто скажи мне, что так мучает тебя. Просто скажи, что бы не было... кто бы не был... Мне нужна правда. Тебе нужна эта правда... Кто он?

Слезы..... Слезы..... Паника...

— Лиза, кто ОН?

Я потом вырву ему ноги, не при тебе.

— Я не уверена, что это он... — захлебываясь в слезах.

Что? Что значит «не уверена, что это он»... она? Это сука — она!

Охуеть... Она..... у меня жену уводит она?

Маленьк..... тьфу..... черт..... пиздец какой-то.

— Что значит не уверена? Это, пиздец, как очевидно, маленькая!

— Не... не... не... видно, — на выдохе, сквозь панику.

Не видно? Что не видно? Какое, в жопу, не видно? Не бывает не видно... на ощупь не пробовала определить, а?

— Я слегка утомился от твоих японских кроссвордов. Просто скажи мне Кто и Почему. Все на этом... Что происходит, маленькая?

— Я беременна, — как пуля.

— Ты беременна, — садясь на водительское место.

— Я случайно, так получилось.

— Так получилось, что ты случайно беременна?

— Даа...

— И никаких любовников? Ты беременная не от любовника?

— Что? Нет! — перешла на визг.

— И не от любовницы?

— Я не могу быть беременной от любовницы, Андрей! — большой визг.

— Это хорошо...

Никаких любовников... это хорошо..... никаких любовниц..... это тоже хорошо..... хотя..... было бы забавно... она просто беременная... случайно... беременна... случайно, блядь, беременна... Беремен... ЧТО?

Резко поворачивая руль вправо, слишком резко, тормозя.

— Лиза, ты беременна?

— Да, — всхлип.

— Иди сюда, — отодвигая сиденье, усаживая себе на колени, — ты беременна, и из-за этого такой кордебалет? У тебя токсокоз? Ночью..?

— Я не знаю. Я боялась...

— Чего?

Всхлип...

Маленькая... с маленькими девочками всегда проблемы.....

— У? — прижимая к себе, — чего ты боялась?

— Вдруг... снова...

— Очень логично... надо к врачу, маленькая, а не молча бояться.

— Я была, сегодня, сейчас.

— И что он сказал? — как можно спокойней, даже не шевеля пальцами, что бы не спугнуть, если что-то не так... предельно спокойно.

— Все нормально. Правильно...

Выдох, так же предельно незаметно.

— Ты еще из-за чего-то переживала? Потому что три недели — это много для подушки... Скажешь?

— Я случайно, мы не планировали... ты хочешь?

— Лиза, посмотри на меня. Просто посмотри... Что ты видишь?

— Тебя, — всхлип.

О нет... нет... не плачь...

— Ты художница, ты очень внимательная, Лиза, что ты видишь... какой я?

— У тебя морщинки тут, — целует, — и тут, — целует, — и... смотри, у тебя есть седые волосы... чуть-чуть, их не видно, но они есть...

— Мне тридцать лет, по-твоему, я хочу детей?

— И ты готов?

С ума сойти..... невероятно..... что в голове у маленькой девочки... я женился на школьнице, конечно, я готов!

— Готов.

— А если что-то..... ну снова...

— Давай, мы не допустим этого «снова»... ну... а если... мы переживем это вместе. Вместе, Лиза.

— Но ты же хочешь детей.

— Хочу...

— А вдруг я... — всхлип.

— Давай без «вдруг», но если... если..... значит, у нас не будет детей. Или будут не родные, или не знаю... все Как Хочешь Ты, помнишь? Только ты будешь мне говорить всё, что тебя беспокоит, пугает, удивляет, я не хочу, чтобы ты переживала это одна. У тебя есть я, всегда, везде, в любой ситуации, ты должна помнить, что у тебя есть я. Посмотри, куда нас привело твое молчание... я кричал на тебя, Лиза, ты хотя бы представляешь, что я мог сделать с тобой? Маленькая... прости меня, я не нашел нужных слов... я кричал на тебя, Лиза...

Всхлип, еще всхлип, понимание чего-то в глазах...

— Нет, нет... нет, это не скажется на ребенке. Ну, это же мой ребенок, значит он только повеселился, — подмигивая, — я в детстве очень веселился, когда мама кидала в отца литровые банки... мы с братьями делали ставки, на самом деле, сколько попадет.

— Что? За что?

— Она ревновала, — шепотом, — только ты не говори никому, — смеясь.

— Ревновала?

— Ага... была там такая Олеся-кудесница леса.

— И?

— Что И, маленькая? Откуда я могу знать... но банки по двору летали с завидной регулярностью, правда ни одна так и не достигла цели. А мама, ты знаешь... бьет восемь из десяти, — подмигивая в удивленную синеву глаз.

Уже валяясь на постели, среди бела дня, забыв про все дела, впитывая запах яблок,

спокойствие, приносящее этот до боли родной запах, поглаживая животик Лизы, ощущая невероятное тепло, бегущее по руке прямо к сердцу, слышит шепот, сбивающийся... родной шепот.

— Ты сказал, чтобы я говорила все, что меня беспокоит.

— Угу, рассказывай, — целуя ушко, накручивая прядь волос на палец.

— Меня очень беспокоит желание...

— Какое желание?

— Острое, — перекатываясь на Андрея, проведя руками по шее, оставляя цепочку поцелуев на груди... на животе... ниже живота, снимая без промедления пижамные штаны вместе с бельем, проведя рукой по всей длине, — ты даже не представляешь какое острое... — сдергивая кружево с себя, — это моя основная потребность сейчас, и я хочу тебя предупредить, что мне будет мало одного раза... абсолютно точно, и я намерена удовлетворять эту свою потребность... блин... блин... ааааа... черт.... да.... офигеть! — садясь сверху придерживаемая сильными руками, — черт, черт, черт... ааааай... отпусти меня... — вцепившись в губы, прижимаясь всем телом, пытаюсь оторвать руки мужа от попы, чтобы глубже, сильнее, жестче. —пусти меня... — практически плача.

— Лиза, врач... что сказал врач?

— Без энтузиазма... отпусти... отпусти, я сейчас умру... мне надо, — предъявляя права своего языка на рот Андрея, хватаясь за все, до чего можно дотянуться, продолжая бороться с руками... уже почти плача, — черт... чертовский черт... Андрей... ты хочешь моей смерти, потому что я сейчас взорвусь!

Оказавшись внизу, пока сильные руки придерживают бедра...

— Тшшш... моя маленькая девочка, я дам тебе все, что ты хочешь... — входя медленно, слишком медленно, потом так же медленно выходя... — тшшш... ты получишь все, что тебе нужно... мне нужно... нам нужно, — отпуская бедра, задавая ритм, навязывая эти плавные, глубокие покачивания, чтобы без энтузиазма... пока идея с отсутствием энтузиазма не забывается под резкие ответные удары, под «ещё», под «ааайй... да... да... еще...», под «я схожу с ума», под «сейчас взорвусь», под пульсацию и пронзительный крик, от которого, Андрей уверен, старые яблони в их саду покраснели, пока сам не издал такой же крик и в онемении не упал рядом с Лизой.

— Лиза?

— Андрей?

— Лиза!

— Андрей!

— Лиза, как честный человек, я должен спросить тебя, выйдешь ли ты за меня, хотя формально это ты меня практически изнасиловала, — смеясь.

— Выйду. Завтра поедом заявление напишем, раз уж я тебя обесчестила... и еще собираюсь... да, определенно, — направляя свою руку между ножек, — показать тебе?

Это последняя глава.

Кажется, наших ребят можно смело оставлять. Лиза не только получила свой диплом, но и проектирует идеальные дома, как она и хотела, а Андрей построил такой дом для Лизы.

Постепенно девочка избавится от перфекционизма, дети в этом помогают) А Андрей... Андрей так и будет её любить и, наверное, видеть в ней школьницу и в 40 лет, и в 50.

Ещё есть небольшой интимный бонус, дабы оправдать 18+.

Давать?

Спасибо всем читателям. Нам с веснушкой будет приятен лайк, критика тоже приветствуется.

Андрей был в командировке неделю и сейчас ехал домой, в машине Сереги, с которым им пришлось срочно выехать на место, так срочно, что он не дождался Лизу, а просто предупредил, что его не будет неделю.

Вся эта история с командировками немного раздражала Андрея, он знал, что Лиза не очень уютно чувствует себя, живя в родительском доме. Он предлагал снять квартиру, но она отказалась, так или иначе, он уже занялся строительством отдельного «идеального» дома, усмехнулся про себя.

— Над чем смеешься?

— Да так...

— Ладно, говори уже.

— Дом. Идеальный дом, понимаешь...

Серега усмехнулся, с тех пор, как в жизнь Андрея вошла Лиза, он буквально «ел с рук» своей маленькой. Все время, когда Лиза находилась в зоне действия его рук, он не выпускал её. Не мог или не хотел.

Была уже ночь, когда Андрей переступил порог своей комнаты, где теперь жил с Лизой, комнаты, где теперь книги соседствовали с картинами, но, главное, где постоянно стоял запах яблок — густой, насыщенный.

Лиза лежала поверх одеяла, открыв прекрасный вид на попку в белых шортиках, которые сладко обтягивали эту самую попку. Этот вид наводит Андрея на вполне определенные мысли...

Попытавшись лечь аккуратно, он все же был захвачен в плен полусонных объятий.

— Приехал?

— Приехал... как ты? — притягивая к себе.

— Скучала. Я всегда по тебе скучаю.

— Я тоже, маленькая, я тоже... — руки блуждают по телу Лизы, останавливаясь на попе, немного стягивая шортики.

Мысли продолжают блуждать вокруг этой самой попы, с которой теперь сняты шортики до середины бедра...

Прижимая к себе податливое тело, поглаживая поясницу, легко целую шейку, ключицу, зажимая губами сосок...

— Ты устал...

— Не настолько.

К тому же у меня есть план... Определенный план. И виной тому твои малюсенькие белые шортики.

Лиза была всегда откровенна в проявлении своих желаний, иногда озвучивала их, кажется, пугаясь сама себя, иногда, вздыхая, шептала на ухо Андрею, пока он с удовольствием смотрел, как краска поднимается по шее маленькой к лицу, и в конце даже маленькие ушки начинают гореть алым.

Андрей ощущал себя Магелланом, открывающим целую вселенную с неспешной сдержанностью, которая срывалась порой в невыносимо остром желании, и мировым океаном, позволяющим открыть себя, удерживая сильными пальцами границы

чувственности, за которые нельзя, пока нельзя.

Чувственности, которая просыпалась в Лизе, наряду со страстью, которая, казалось, порой пугала её, а порой приводила в восторг.

Они сделали много открытий — больших и маленьких, важных и попутных. Что-то взяв на вооружении сразу, что-то отменяя за ненужностью, а что-то попросту отложив в сторону, до лучших времен.

Будем считать, что лучшие времена настали.

Лиза любила оседлать Андрея, держась за его шею, кутая пальцы в волосах, целуя, позволяя целовать себя. Он не имел ничего против такой позиции, он мог позволить растечься неге по телу маленькой, направляя бегущих от его рук мурашек прямо себе в пах. Мог наслаждаться неспешным покачиванием бедер, пока его руки ласкают, поглаживают и прижимают к себе разгоряченное тело, пока не переходил некий рубеж, перехватывая инициативу полностью, просто держа крепко Лизу, под сильные толчки уже его бедер, направляя и помогая Лизиным.

Именно в этой позиции руки Андрея, ведомые вовсе не голосом разума, поглаживали запретную, как он считал, дырочку. Считал до того момента, пока однажды, не удержавшись, не проник туда мизинцем... и не встретил отказа, а скорей наоборот.

Вскоре он прибавил стимуляцию этой зоны при оральных ласках, доведя количество пальцев до двух и уже без мизинца, встречая молчаливое одобрение.

Пожалуй, это была единственная тема, которую не поднимала Лиза, действуя скорей интуитивно, в моменты острого желания. Андрей не настаивал на продолжении, не потому, что не хотел, нет... но решив пока «попридержать коней», не давить на Лизу.

Решил твердо, зная, что рано или поздно, судя по Лизиной реакции, он окажется у вожделенной цели, верней В цели.

Ровно до того момента, как увидел эти маленькие беленькие обтягивающие шортики на попке Лизы. Он ощущал себя почти извращенцем, возбуждаясь от столь невинного белья, его оправдывало то, что степень его желания мало зависела от белья Лизы, он всегда её хотел, все еще не мог насытиться, насладиться запахом яблок, поверить, что придя домой, он увидит склоненную над учебником голову Лизы, которая прыгнет в его объятия, ловя губами его улыбку, а потом сняв верхнюю часть одежды с него и с себя, замрет от ощущения кожи на коже.

Ох, маленькая, твои трусики все время подводят тебя... или меня...

Продолжая целовать каждый миллиметр кожи, выскальзывающий из-под его рук, уделяя особое, пристальное внимание некоторым более чувствительным участкам, которые уже успел изучить и запомнить Андрей. Спускаясь все ниже и ниже, дойдя поцелуями до тонкой щиколотки, поднимаясь обратно по внутренней стороне бедра, уже видя, ощущая, вдыхая аромат возбуждения Лизы.

Он пробежался по складочкам совсем немного, слегка задев клитор, ловя движение бедер.

Да... задачка.....

Лиза не могла, не умела сдерживаться, если Андрей сейчас сделает пару движений языком, она гарантированно кончит..

Ну... не только я схожу с ума..... без тебя, моя маленькая.

Но у Андрея был вполне определенный план, осуществить который легче всего на пике возбуждения Лизы... Он проходит языком по складочкам, практически игнорируя клитор,

зато уделяя более тщательное внимание своей цели, под удивленный взгляд маленькой.

Его руки поднимаются вверх, задевая соски, потом опускаются вниз, шире разведя ноги, широко настолько, насколько это возможно, проникая языком в попку, кружа пальцем возле клитора. Это довольно сложно — удерживать маленькую в таком состоянии, когда она еще не готова разорваться в оргазме на губах Андрея, но и возбуждена в такой степени, что забывает свое смущение, которое неизменно сопровождают такие ласки...

Маленькая... с маленькими девочками, всегда проблемы... люблю тебя...

В какой-то момент становится понятно, что её оргазм держится в полудвижении пальца Андрея, тогда он попросту отрывает свою руку, дав остыть на секунду, воспользовавшись моментом, достает лубрикант, который уже давно лежит в прикроватной тумбочке, но, похоже, сегодня послужит своему прямому назначению и, продолжая поглаживать Лизу, переворачивает её на живот, подложив подушку, отчего попка оттопыривается, открывая вид, от которого сознание и выдержка Андрея летит к чертям собачьим, и после быстрой и активной ласки языком, когда вкручивает его в попку, он быстро вставляет палец туда же, другой рукой слегка лаская клитор, собирая влагу из лона, добавляя её к искусственной смазке.

Он практически опустил на тело маленькой, зная, как важен для неё тактильный контакт, не давая опомниться, засмущаться или испугаться, он вставляет второй палец, не без труда, и аккуратно двигается вглубь — назад, совсем немного, по чуть-чуть раздвигая пальцы. Сейчас он уже убрал руку от клитора, потому что Лиза невероятно близка к своему освобождению и уже начинает недовольно всхлипывать, к тому же Андрею необходимо облокотиться на эту руку, чтобы видеть Лизу...

— Андрей, пожалуйста...

— Что, Лиза?

— Я не могу больше..

— Я уверен, что ты можешь.

— Нет!

— Лиза, закрой глаза, да... так... закрой, просто не думай... сейчас... почувствуй...

— Что?

— Мои пальцы в твоей попе, Лиза.

Андрей чувствует явное напряжение Лизы...

— Тише... маленькая... давай же... тебе же было приятно... тебе будет приятно... поверь мне... — в губы Лизы.

— Но... но...

— Лиза, скажи мне, что «но», — продолжая стимулировать, двигать пальцами, расширять, не встречая сопротивления.

Молчание.

— Маленькая, — продолжая ублажать так необходимое сегодня место, — маленькая, что тебя смущает?..

Молчит, волнение выдает только напряженная спина, которая так противоречит движениям бедер, которые уже, хоть и с осторожностью, встречают пальцы Андрея.

— Там... аааа... эм.....

Господи ты боже мой..... с ума сойти.....

— Лиза, там ничего нет... не думай, закрой глаза... ну, давай, я жду..... так. Я люблю тебя, маленькая, так сильно, что мне кажется, что у меня разорвется сердце, я люблю

каждый уголок твоего тела. Каждый, Лиза. Любой. Если бы ты имела представление, как мне нравится то, что я делаю сейчас, маленькая... какое мне доставляет удовольствие ласкать тебя там... Лиза, и как я хочу тебя там, Лиза, невероятно хочу, очень сильно... так... — упираясь своей, уже более чем болезненной, эрекцией в бедро маленькой, — я хочу тебя, Лиза, хочу там... — продолжая движения пальцами, прибавив третий, совсем немного...

— Ау...

— Лиза, позволь мне..... пожалуйста, давай попробуем... мне это нужно... Лиза, — повторяя, как в бреду, — нужно Лиза... нужно Лиза... — добавив для убедительности палец, который невесомо задевает клитор.

Черт. Черт. Черт.

— Хм... давай...

Блять... ДА! Аллилуйя всем богам!

— Хорошо, маленькая, не думай сейчас, просто не думай, расслабься, — продолжая стимуляцию почти тремя пальцами, другой рукой задевая те самые точки, ямочки у поясницы, пробегаясь по позвоночнику, слегка приподнимая попу Лизы, лишь изредка задевая клитор.

Черт, так близко..... я близко..... она близко... думай о чем-нибудь...

Вынимая пальцы, только поглаживая двумя большими, под ритмичное покачивания бедер маленькой, под её стоны, уже переставшие быть испуганными.

— Лиза, слушай меня... постарайся сейчас не думать, — проводя головкой по возделенному месту, слегка надавливая. — Я люблю тебя, маленькая, — еще надавливая.

Нет! Не так... неверно... черт.

Одним движением перевернув Лизу, встретившись с ней глазами, внимательно вглядываясь в осоловевший взгляд в поисках признаков сомнения, испуга, нерешительности...

Глаза, мне нужно видеть её глаза.

Разведя бедра как можно шире, направляя, надавливая, накрывая рот поцелуем, а рукой добавляя удовольствия, спускаясь губами к ключице, посасывая, крутя другой рукой сосок... он проходит совсем немного, постоянно смотря в глаза Лизы, анализируя, сканируя любое её движение движение ее ресниц.

Соппротивление, давление, сжатие невероятно сильное...

Черт..... блять..... я не могу кончить прям щас сейчас..... потом... до половины... ффф..... все... раз..... два..... десять..... блять..... да куда уж плотнее-то.....

Решив, что Лиза вряд ли кончит прямо сейчас, от новизны ощущений и, возможно, от смущения, не дав войти Андрею хотя бы до половины, он начинает легонечко поглаживать рядом с клитором, пропуская его между пальцев, иногда сжимая, иногда щелкая по нему, чем вызывает дрожь и явное расслабление попки Лизы, тем самым дав сначала погрузить головку, а потом и дальше.

Смотря в глаза Лизы:

— Маленькая, как ты?

— Хорошо...

— Я люблю тебя.

— Я люблю тебя...

— Я двинусь дальше...

— Дааавай...

Двигаясь туда, потом обратно, совсем с небольшой амплитудой, постепенно увеличивая её.

— Лиза, не двигайся, хорошо? — придерживая бедра, давая волю движениям, при этом удерживая от резких, которые могут причинить боль.

С амплитудой, с каждым толчком, движением своих бедер, малозаметным движением бедер Лизы, член Андрея проникает глубже и глубже, пока не заходит до самого конца, пока его бедра не встречаются с её, пока глаза не смотрят в глаза...

— Всё? — то ли с испугом, то ли с надеждой, то ли сквозь вату удовольствия.

— Нет, маленькая, это только начало, — качнув бедрами так, что член вышел почти полностью и так же полностью вошёл, не резко, — это определено только начало, — еще один качок, — начало... — еще один, и еще, и еще, под сдерживаемые бедра Лизы, чтобы невольным движением не причинила себе боль, под явные ласки клитора и промежности Лизы, под удерживаемый взгляд, пока усилием воли он сдерживает себя от резких фрикций во время оргазма, усиленного в разы оргазмом маленькой.

Падая на Лизу, опираясь на руки по обе стороны от её лица, целуя нежно и одновременно глубоко, отвлекая движением своего языка, проведя им по губам, придавливая её бедра своими... наконец приподнимаясь, при этом слегка давя на животик маленькой.

— Маленькая, не двигайся, я сам выйду..... - выходя, поглаживая животик, попку, бедра с внутренней стороны, целуя вдруг порозовевшую шейку и покрасневшее ушко.

— Лиза, я так сильно люблю тебя. Спасибо, что позволила мне... — кутая пальцы в коротких волосах на затылке Лизы, когда она уткнулась ему в грудь, глубоко вздыхая.

— Не больно?

— Нет...

— Точно?

— Угу... Я люблю тебя, Андрей.

— Я знаю Лиза, я знаю... я люблю тебя.

Засыпая позже под мерное сопение, запах яблок и невероятное умиротворение, разлившееся по всему телу.

К эпилогу у меня отношение двоякое, но какой есть.

Может и ничего...читабельно... *с сомнением*

От лица Лизы.

У меня совсем немного времени, чтобы найти то, что я ищу. Отчего-то это кажется важным. Именно сегодня.

Когда-то давно я дала обещание и должна его выполнить. Ведь он выполнил свои. И выполняет.

Пальцы бегут по экрану. Ну же... Ну... Всё не то...

Останавливаюсь глазами на фотографии, я не помню её.

Это самое первое лето.

Он сидит на озере, на нашем месте, и смотрит мимо объектива. Ха! Знаю я, куда он смотрит!

Волосы... мягкие... еще без седины, совсем.

Зеленые глаза. Не нефритовые. Не изумрудные. Просто зеленые глаза... Любимые зеленые глаза.

И любимая улыбка. Открытая. Настоящая. Я знаю на вкус эту улыбку.

Я увидела его тогда, на озере, мне захотелось его нарисовать, от того, что он был настоящим. Ярким.

И похожим на испанского мастиффа. У моей подруги в детстве был испанский мастифф. Кажется, я дружила больше с ним, чем с ней. И меня постоянно ругали за форму в шерсти и слюнях... Но любовь зла. Он был очень большим. Очень теплым. И настоящим. Егс хотелось обнимать.

Андрей тоже был большим. Теплым. Настоящим. И его хотелось обнимать.

Что я могла сказать?

«Эй, парень, ты похож на большую, волосатую собаку, которая пускает слюни. Обними меня!»

Хотя... он бы засмеялся и обнял.

Мне казалось, мое маленькое сердце разорвется от его «настоящности» на фоне огромного неба и разных оттенков зеленого, которые отражались в его глазах.

Мне хотелось его губ на моих губах, его рук на моем теле. Мне хотелось его. Всего.

И он дал мне всё.

«Всё, как хочешь ты», — повторял он. И повторяет до сих пор.

Мой испанский мастифф. Которого хочется обнимать.

Ой. Надо же.

У нас действительно много фотографий, похоже, я не помню половины.

Судя по моим коротким волосам, это первый курс...

Андрей просто держит меня одной рукой, пока мои ноги болтаются в воздухе. Он до сих пор так меня держит...

Тогда я очень долго боялась, что он меня выпустит, отпустит, скажет «иди».

Я и сейчас этого боюсь, но теперь я знаю, что никуда не уйду. Никогда.

Тогда, когда стало решено, так ожидаемо неожиданно, что я уезжаю в Гонконг, когда все говорили: «Тебе надо» «Это правильно» «Повезло», я знала, что мне не надо. И это неправильно.

Не может быть правильно без его рук. Не умеет. Не сможет быть идеально.

Я боялась, что Андрей откажется. Кому нужна кукла? Просто кукла?

Боялась.

Все просто. Гонконг — не та лужа. Весь мир — это множество луж. Зачем идти к той, которая тебе не нужна, а ты точно знаешь, какая нужна тебе...

Боялась.

И потом еще долго боялась. Я и сейчас боюсь, потому что я отчаянно зависима от его теплых рук. И «я хочу тебя, маленькая»

Хотя временами... иногда, меня очень сложно назвать «маленькой».

Кажется, нужная мне папка.

Отлично...

Улыбаюсь. Обязательно найдется то, что нужно мне...

Глаза натыкают на не то, не те... или, наоборот, те самые.

Яблони. Речка. Камыши. Дом. Недостроенный дом.

Андрей многое сделал сам в этом доме.

Вот эту я отлично помню. Это Тоня сфотографировала «на память».

Меня учат шпукатурить.

«Какой же ты будешь архитектор, маленькая, если не разбираешься в строительстве?»

Да. Да. Именно так это делают, шпукатурят — прижавшись всем телом, нагнувшись, чтобы шептать... о неприличном.

Дальше.

Ненавижу эти фотографии.

Ненавижу этот месяц.

Ненавижу этот год.

Тогда я потеряла ребенка.

Случайность. Стечение обстоятельств. Так бывает.

Слушала и слушала в кабинете заведующего отделения.

Стечение обстоятельств, при которых я не успела испугаться.

Раз — ты в институте.

Два — кровь.

Три — мелькающий потолок приемного отделения.

Увидев Андрея, я поняла, что я наделала.

Не контролировала. Это так просто... Не контролировала.

Я могла выучить китайский за год, ради Бога. Но я ничего не могла сделать с собственным глупым телом, которое сначала беременеет, а потом попросту избавляется от этого, как от ненужного мусора.

У них так много детей. А я не контролировала.

Я все ждала и ждала. Сейчас. Или сейчас... Или... вот сейчас точно.

Он скажет «иди».

Он скажет «всё».

Он скажет «ты не контролировала».

Ужасно, что я могла потерять ребенка, но я не могла потерять Андрея. Никак.

Хотелось спросить «мне уйти?», но страх ответа сильнее ужаса ожидания.

Я не спросила.

Он не сказал.

Теперь я знаю, что не скажет. Никогда.

Совсем мало времени.

Глупая идея с этим обещанием.

Иду к окну... ну его, это обещание.

Ходят под окнами.

Большой шаг. Четыре маленьких прыжка.

Закидывает на шею, держа за ножки в ярко синих ботиночках. И зеленая курточка.

Абсолютно не сочетается.

Идеальное сочетание.

Маленькие ножки. Зеленая курточка. Две пары зеленых глаз. Волосы смешиваются, когда зеленые глаза смотрят в зеленые, изображая Маккуина.

Смеюсь.

Представляя, что ожидает меня в нашем неидеальном доме, где наравне с нами проживают свою недолгую, но насыщенную событиями жизнь игрушки и, Боже, где стиральный порошок стоит не только в ванной комнате и туалете — там, куда успеваю закинуть, но и бывал рассыпан ровным слоем, когда Филя, наш пес, все же ворвался в дом, разорвав по пути пакеты из магазина, пока несея к своей заветной цели — перилам.

Видимо у Фильки свое представление об идеальности.

Как и у двух пар зеленых глаз, которые оставляют отпечатки ладоней в краске на поверхности моих правильных оттенков синего, делая их чертовски неидеальными...

В нашем идеальном доме.

Последний раз смотрю.

Нашла!

Все просто.

Это сегодня они стоят под окнами и честно ждут, а вчера пробрались сюда и сделали

эти фото.

«Маленькая, завтра будет много свидетелей. Думаю, им надо познакомиться наедине...»

Поставив фотоаппарат на автоспуск, просто сел рядом.

И вот.

Нечеткие фотографии.

Две пары зеленых глаз смотрят на маленькие синие.

Большие теплые руки обнимают меня, держа на коленях всех нас.

Фокус сбился...

Все нечетко.

Неидеально.

Я неидеальная. Потому что не все можно контролировать — появление маленьких синих глаз тому подтверждение.

Лучшее подтверждение.

Несколько штрихов.

Надпись.

Отправить.

Смотрю.

Достает телефон, смотрит в окно удивленно.

Смотрит в телефон.

Я знаю, что он видит.

— И... сделаешь для меня кое что, маленькая? Когда построишь свой идеальный дом, пришли мне фотографию, ладно? — подмигивая.

— Хорошо, — уже улыбаясь.

Кто прошёл с ними от знакомства на берегу небольшого водоёма до рождения второго ребёнка.

И признания Лизы, что идеальный дом — это не стены выкрашенные в правильные оттенки, а люди живущие в нём.

Больше книг на сайте — Knigolub.net